

Ирина Савойлова

На службе Отечеству, или
Пешки в чужой игре

Том 2

УДК 89
ББК 84(2Рос)6
С1

Самойлова И. М.

С17 На службе Отечеству, или Пешки в чужой игре (Дом там, где ты - 2): роман в 2 т. Т. 2 / Инга Самойлова. – Улан-Удэ, 2019. – 440 с.: ил.

ISBN 978-5-9903047-3-4

Глебов Алексей - бывший аферист, которому пришлось принять участие в событиях, происходящих в России и в мире в начале XX века. Кровавое воскресение, ознаменовавшее начало Первой русской революции, заключение мирного договора с Японией в Портсмуте, террористические акты в России, тайная деятельность масонов... Главный герой повстречает на своем пути самые яркие и одиозные личности того времени: Азефа, Витте, Лопухина, Гапона, Распутина, Савинкова, Ульянова, Рузвельта и других. Не обошлось и без прекрасных женщин - Айседоры Дункан, леди Маклеод (Мата Хари). Вымысел сюжета органично вписывается в исторические события того времени, а исторические личности помогают раскрыть особенности эпохи.

В романе присутствуют и любовь, и авантюры: чтобы защитить и вернуть свою любимую красавицу-жену, главному герою приходится вернуться к своему прежнему ремеслу - аферам...

Исторический приключенческий роман «На службе Отечеству, или Пешки в чужой игре» в двух томах является продолжением авантурных приключений главного героя романа «Дом там, где ты...».

УДК 89
ББК 84(2Рос)6

ISBN 978-5-9903047-3-4
ISBN 978-5-9903047-4-1

© Самойлова И.М., 2019
© Оформление. Самойлова И.М., 2019

* * *

Июль (август)¹ 1905 г. США, Ойстер-Бей

«Американская принцесса» - так Элис Рузвельт называли за глаза. В отличие от всех других детей президента она была своевольна и практически не управляема. Окружающие ей не противоречили: президент настолько любил дочь, что позволял ей очень многое, а мачеха Элис - Эдит была тактична и терпелива ради спокойствия и благополучия своего супруга.

Глебов несколько дней наблюдал за девушкой. Он изучил ее манеры, характерный распорядок дня, предпочтительные маршруты, круг общения. Элис частенько совершала прогулки по поместью и навещала в Ойстер-Бее подругу, ни на миг не расставаясь со своей собачкой.

Настало время знакомиться с дочерью президента.

День выдался жарким, благо с моря дул освежающий ветерок. Неторопливо перекусив бутербродами и выпив кофе, Алексей направился на обычную для него ежедневную прогулку.

- Здравствуйте, миссис Макдауэлл! – поприветствовал он на террасе пожилую даму, сидящую в кресле-качалке. Затем наклонился и почесал за ушком ее подвижного спаниеля Султана. Тот приветливо завилял хвостом и стал напрашиваться на прогулку. Алексей рассмеялся – собака за последние дни к нему действительно привыкла.

- Султан, постыдись! – строго заявила собаке хозяйка, однако Глебов ее успокоил:

¹ Прим. автора: До 1918 г. в России использовали Юлианский календарь, что составляло разницу в 13 дней с Григорианским календарем, принятым большинством стран Запада.

- Ничего, миссис Макдауэлл, я с ним прогуляюсь. Если не возражаете.

- Мистер Астер, вы так часто прогуливаетесь с моим безобразником, что мне, честное слово, неудобно перед вами, - ответила она. – Все этот ужасный радикулит, я не могу разогнуть спину, а моей собаке требуется хорошая прогулка!

Глебов с улыбкой посмотрел на пожилую даму:

- Нет проблем, миссис Макдауэлл. Мне не в тягость.

Он разматал поводок, привязанный к ручке кресла.

- Что ж, благородный Султан, не соблаговолите ли прогуляться со мной? - обратился он к собаке. Пес радостно завилял хвостом и закружил на месте. Алексей улыбнулся пожилой даме, вежливо коснулся рукой поля своей шляпы и повел собаку на прогулку.

В сопровождении Султана Глебов неторопливо направился по главной улице вдоль особняков к городскому скверу. Его интересовал особняк юной миссис Гудвин. Свернув в сквер, Алексей некоторое время прогуливался с собакой, наблюдая за ее домом... Как и в предыдущие дни он вежливо поприветствовал жильца гостиницы Огюста Ламерье, охотившегося в кустах за бабочками для своей коллекции, чуть позднее появился Генри Макфлай, который, держа лошадь под узды, увлек беседой миловидную девушку Кортни Смит из Нью-Айленда... Вскоре к ограде особняка подкатил экипаж, ворота открылись, и экипаж въехал внутрь. Итак, к миссис Гудвин прибыла ее подруга Элис.

Глебов взглянул на Султана - пес был смышленный и легко поддавался дрессировке. Отведя его в сторону, так, что-

бы никто их не видел, Алексей присел на корточки перед собакой.

- Вся надежда на тебя, - потрепав пса по загривку, произнес он.

Собака завиляла хвостом.

Алексей отстегнул поводок:

- Пошел, вперед! – дал он команду, Султан перепрыгнул через низкую ограду, бросился через дорогу и проскочил во двор особняка, прежде чем охранник успел закрыть ворота.

Глебов оказался тут как тут.

- Простите, но моя собака забежала, - сказал он и заглянул через его плечо. Дочь президента стояла рядом со вторым охранником, как обычно, держа на руках свою любимую собачку Лео. Песик недовольно тывкнул, глядя раздраженно глазками-пуговками на охранника - тот чуть посторонился, по видимому, не понаслышке знакомый с дурным нравом псины.

- Тише, Лео, тише, - пожурела ее Элис и нетерпеливо посмотрела в их сторону.

Тем временем руки охранников оказались на расстегнутых кобурах... На пороге дома появилась миссис Гудвин:

- Здравствуй, Элис, - подруги поцеловали друг друга в щечки.

- Здравствуйте, мистер Астер! – поприветствовала Алексея хозяйка дома.

- Здравствуйте, миссис Гудвин. – Он улыбнулся.

- Что случилось?

- Султан опять забежал к вам в сад, - ответил он.

- О! Проказник! Пропустите мистера Астера, прошу вас!

Охранник нехотя посторонился после того, как Элис жестом указала ему пропустить знакомого подруги, однако по долгу службы продолжил за ним наблюдать.

Алексей вошел, поблагодарил миссис Гудвин и посмотрел на Элис. По этикету хозяйка дома должна была их представить друг другу. Миссис Гудвин открыла рот, чтобы это сделать, как вдруг из-за угла выскочил Султан, собачка Элис взбеленилась, с лаем вырвалась из ее рук и метнулась к нему. Султан бросился наутек, собаки сделали круг по лужайке, под окрики хозяев проскользнули мимо охранника у ворот и выскочили на дорогу.

Элис вскрикнула, все бросились догонять собак. Выскочив на улицу, Алексей кинулся наперерез, перескочил через оградку сквера, окликнул Султана. Тот развернулся, бросился к нему, однако проскочил мимо и помчался в сторону гостиницы. Собака Элис, меньшая размером, но столь же прыткая, с диким лаем продолжила преследование спаниеля. Глебов приготовился перехватить ее, но псина резко развернулась, проскользнула в щель ограды и с прытью понеслась по улице. Чертыхнувшись, Алексей выглянул за ограду: Лео несся навстречу выехавшему из-за поворота мчащемуся автомобилю... Если собака погибнет...

Время пошло на секунды. Глебов бросился в сторону Макфлая, вскочил на его лошадь. Перехватив узду, прищиприл, промчался мимо запыхавшихся охранников и Элис к Огюсту Ламерье, выхватил из его рук длинный сачок и поскакал следом за собакой.

США, Ойстер-Бей. Начало XX века

Лео, сменив цель своего преследования, с лаем бросился к автомобилю, Алексей пришпорил лошадь, перевернул сачок сеткой вниз, склонился, как игрок в поло, приготовился...

Словно издалека Глебов услышал испуганный крик девушки, взмахнул сачком и, накрыв собачку... выдернул из-под носа автомобиля.

Водитель затормозил машину, испугано взирая на всадника и его добычу. Алексей остановил лошадь, успокоил, держа собаку в вытянутом в сторону сачке. Лео тявкал, крутился, пытаясь вырваться наружу. Глебов спешился, схватил собачку, чтобы она не сбежала, но неблагодарная псина тяпнула его за палец. Он выругался, но крепко зажал Лео в руках, развернул мордой к себе, пристально посмотрел в его круглые пуговики-глаза:

- Тихо! Фу!

Собака выпучила на него глазенки. К ним подбежала Элис Рузвельт, следом шел охранник. По одному взгляду на него можно было понять, что он бы предпочел, чтобы автомобиль переехал эту несносную псину.

- Лео! О, Лео! – Элис Рузвельт выхватила собачку из рук незнакомца и прижала к груди. – Плохая собачка! Как ты мог? Ты же мог погибнуть! - Она поднесла песика к лицу, он лизнул ее в нос, затем девушка вновь прижала его к груди и гневно посмотрела на Алексея:

- Вы... Вы...!

- Не стоит благодарностей за то, что я спас вашу собаку, мисс, - ответил он с раздражением и разочарованием.

Вынув платок, Алексей обмотал укушенный и кровотокающий палец. Ни слова не говоря, он развернул лошадь и по-

вел к спешащему навстречу Макфлаю. Знакомство с Элис Рувельт не удалось.

* * *

Макфлай был поражен ловкостью и находчивостью соседа по гостинице, и предложил ему совместно вечером наведаться в бар. Профессор Ламерье был расстроен, но не слишком долго - Алексей не только пообещал возместить ущерб, но и поведал ему - пока местный плотник ремонтировал сачок - о замечательных большекрылых чудесницах, обитавших на северных лугах близ леса, куда тот собственно и отправился спустя полчаса.

По возвращению в гостиницу Глебов застал Султана на террасе в компании своей хозяйки.

- Прошу простить меня, миссис Макдаэлл, - подходя и снимая шляпу, произнес Алексей.

- Я все видела, мистер Астер! – заявила дама и под пледом, лежащим на ее ногах, он увидел бинокль. На сердце похолодело. И много ли видела дама?! Каким же беспечным он оказался!

- Да, мэм?

- Вы отпетый мошенник, мистер Астер! – сказала она, прищурившись. – Вы используете Султана, чтобы знакомиться и наведываться к молодым дамам?

«В таком случае мне следует слегка смутиться и покраснеть». По тому, как изменился взгляд пожилой дамы, ему все же удалось провести ее ложным смущением. Она погрозила ему пальцем, покореженным артритом. Затем рассмеялась, почти по девичьи.

- Но все же, не смотря на то, что вы рисковали безопасностью Султана, вы устроили такое зрелище, которого я давным-давно не видела! Браво! Я думала, что такие храбрецы давно уже канули, после той ужасной войны конфедератов и юнионов¹! Жаль, что вы не американец!

- Спасибо, мэм, - только и смог ответить Глебов столь эксцентричной даме. Взглянул на Султана, который, встав на задние лапы, поставил передние на его бедро и, преданно смотря ему в глаза, вилял хвостом.

- Эх, ты! – сказал Алексей с легкой досадой, затем дружески потрепал собаку по голове.

* * *

Весь оставшийся день все только и говорили о его героическом поведении и о спасении собаки Элис Рузвельт. Неужная «слава», привлекающая не нужное внимание. Впредь надо быть предельно осторожным, так как в округе не только миссис Макдауэлл могла развлекаться, наблюдая за всеми через бинокль. Не один он тут такой – соглядатай!

Вечером этого же дня Алексей наведлся с мистером Макфлаем в бар, где они пропустили рюмочку другую. Туда же явился и профессор Ламерье – сияющий, как начищенная монета, и хвастался своей добычей – бабочкой, название которой трудно было не то, что запомнить, но и произнести!

Впрочем, день закончился не так плачевно, как могло оказаться, если бы собака Элис погибла по его вине. Глебов не намерен был сдаваться. Новый день – новые возможности. С этой мыслью он и засыпал, оказавшись поздно вечером в своей

¹Прим. автора: Дама упоминает гражданскую войну 1861-1865 гг. в США.

гостиничной кровати. А когда он уснул, ему приснилась Элис... Нет, Лиза... Она опять от него отдалялась. Опять отдалялась!..

* * *

Доска под парусом, управляемая Алексеем, неслась по волнам, подпрыгивала, затем делала разворот и вновь неслась вдоль берега, вызывая восхищение наблюдающих - на пляже было довольно многолюдно.

- Что это? – удивленно спросила Элис у подруги, в то время как ее братья и сестра тыкали пальцем в сторону доски под парусом и восторженно «городили», по ее мнению, всякую чушь.

- Впервые вижу такое развлечение, - ответила миссис Гудвин, приставив ладонь козырьком к глазам и вглядываясь. – Но это захватывающе интересно! И как ловко держится пловец! Нужно обладать не дюжей силой, чтобы удержать конструкцию на воде!

- Да, несомненно, - согласилась Элис, наблюдая за пловцом на парусной доске.

- О! – воскликнула ее подруга. – Это же мистер Астер! Тот, что спас твою собаку!

Элис присмотрелась. Да, похож. Та же статная подтянутая фигура. Столь же отчаянный и бесстрашный вид.

- Нет, Джози, ты ошиблась! – отворачиваясь, ответила она.

- Ничего подобного, Элис! Я уверена. У него такая фигура!

- Не то, что у твоего Гарри?

- Ну уж, знаешь! – обиделась миссис Гудвин, и, взмахнув юбками, пошла прочь.

Элис догнала ее:

- Прости, Джози, я не хотела.

Та сердито покосилась на подругу.

- Мой муж, конечно не Аполлон, но он прекрасный человек, - заявила она.

- Да. Конечно, - пошла на мировую Элис.

- Ты молодая неотесанная злючка! И тебе явно пора замуж!

Элис рассмеялась:

- О, нет! За что ты меня так ненавидишь?!

Затем снова рассмеялась. Миссис Гудвин, которой самой минуло лишь недавно девятнадцать лет, топнула в сердцах ножкой, и тоже засмеялась.

* * *

Когда Алексей причалил к берегу, свора мальчишек помогла вытащить доску на берег, где его тут же окружила толпа любопытных молодых господ постарше. В том числе подошли и братья Элис - Тэд и Арчи.

Несколько раз Элис Рузвельт и миссис Гудвин прошли рядом. Спустя какое-то время, взглянув на Элис, Глебов увидел, что она разглядывает его. Щечки девушки порозовели от замешательства, затем она задрала подбородок и отвернулась к океану.

Алексей продолжил разговор с господами, объясняя, откуда он позаимствовал «это новшество»¹, и лишь спустя полчаса его оставили в покое. Принявшись за разборку конструкции, Глебов вновь поймал взгляд Элис, сидящей в шезлонге. Он ненавязчиво улыбнулся и продолжил откручивать парус. Девушка поднялась, некоторое время постояла на месте, затем решительно двинулась в его сторону. Когда Элис подошла поближе, Глебов поднялся.

- Здравствуйте, - произнесла она.

- Здравствуйте, - ответил он.

- В прошлый раз... - начала Элис, - вы так быстро ушли...

Алексей молчал.

- ...что я не успела поблагодарить вас, - произнесла она.

Глебов готов был рассмеяться. Поблагодарить? Да она отблагодарила его так же, как и ее собака! Он кашлянул в кулак, пряча усмешку, и участливо спросил:

- Как ваш песик?

- Что? – Элис не ожидала подобного вопроса. - О, с ним все хорошо!

- Простите, меня зовут Густав Астер, - представился Алексей.

¹ Прим. автора: Парусными досками с незапамятных времён пользовались жители Полинезии. Однако патентное право признано за британцем Питером Чилверсом, который в 1958 году в возрасте 12 лет создал прототип современного виндсёрфа.

- Элис Рузвельт, - она протянула ему руку, и он ее пожал, Впрочем, чрезмерно долго задерживать в своей руке не стал.

- Рузвельт? – переспросил он.

Девушка замялась и посмотрела на своих братьев и сестер.

- Да, Рузвельт, - нехотя повторила она.

- Дочь президента?

Она кивнула. Глебов тоже неопределенно кивнул и продолжил заматывать канат, как ни в чем не бывало.

- Вас это смущает?

- Нисколько. – Алексей посмотрел ей в глаза.

Элис облегченно вздохнула:

- Мало найдется молодых людей, которых не пугает мой отец!

- Можно дать совет? – Глебов, склонившись к ее ушку, перешел на шепот. – Вы общаетесь не с теми мужчинами, Элис Рузвельт. – Он выпрямился и произнес: - В первую очередь они должны думать о вас, а не о вашем отце.

Она смутилась. Алексей отложил канат в сторону и принялся за другой.

Элис его разглядывала. Этот иностранец ее интриговал...

- Элис! – окликнули ее. Она обернулась, затем вновь посмотрела на Алексея.

- Вы спасли Лео. Не хочу быть неблагодарной. Скажите, чем я могу вас отблагодарить?

Глебов все также улыбался уголками губ:

- Хотелось бы сказать, что вашей прекрасной улыбки будет достаточно, но тогда я солгу.

Элис зарделась, а он продолжил:

- Я хочу пригласить вас на свидание. Вы придете?

Она посмотрела на Алексея уже совсем по-иному - в глазах заплясали чертики.

- Приду, если вы дадите покататься на этой штуковине, - она кивнула на парусную доску.

Рискованно. Ее снова окликнули, но Элис даже не оглянулась.

- Что ж, встретимся завтра на пустынном пляже. Чтобы нам не помешали.

Элис на мгновение стушеввалась, но тут же приняла вызов.

- Хорошо, я приду.

Алексей назвал ей час и место, она лишь таинственно улыбнулась и побежала к своей семье.

* * *

Было около пяти вечера, когда Глебов на небольшой прогулочной коляске приблизился к земельным владениям Сагамор-Хилл и повернул в сторону океана. Оказавшись в нескольких шагах от деревянной лестницы, ведущей вниз по склону, он выбрался из повозки и подошел к перилам смотровой площадки, откуда можно было наблюдать за океаном. Осталось лишь ждать, придет ли Элис.

Алексей устремил взгляд на океан. Альбатросы кружили над водой, то взмывая в хмурающееся небо, то окунаясь в от-

ливающее свинцом воду в попытках отловить рыбу. Ветер с океана дул довольно сильный, обещая шторм.

Глебов в задумчивости облокотился о перила. Его не оставляла гнетущая мысль, что за ним следят. Утром, когда он был на пляже, кто-то побывал в его номере – об этом говорили определенные «ловушки», оставленные Алексеем. Хотя обыскивали с мастерством – казалось, что вещи все на своих местах. Но кто же следит? Он подозревал, что это может быть и Макфлай, и Ламерье, и даже миссис Макдауэлл. Уж больно эти люди часто попадались ему на глаза.

Он закрыл глаза и вздохнул. Нужно сосредоточиться, заставить мысли течь спокойно... Неожиданно до него донесся, едва уловимый, полный страдания голос Лизы. «Алексей! Алеша!» Глебов вздрогнул и открыл глаза. В небе кружили альбатросы, временами издавая крики, шумело разбушевавшееся море, ветер колыхал ветви деревьев. Конечно же, ему показалось, но почему же так бешено бьется и болит сердце, словно израненная птица, попавшая в силки? Необъяснимая тревога охватила Алексея. Он сжал кулаки. И тут увидел вдали на пляже приближающуюся всадницу, которую ждал. Глебов вздохнул, неспешно оттолкнулся от перил и стал спускаться по лестнице. К последней ступеньки вниз все его мысли сосредоточились на Элис Рузвельт.

Всадница остановила лошадь вблизи Алексея, но спешиваться не торопилась.

- Элис, - приветствуя, Глебов с усмешкой приподнял шляпу.

- Здравствуйте, мистер Астер.

- Для вас – Густав.

Девушка промолчала. Некоторое время Алексей изучающе смотрел на нее, затем со скучающим видом посмотрел на хмурающееся небо.

- Что ж, Элис, вам не следовало приходить, - сказал он, засунув руки в карманы.

- Это почему же? – с вызовом спросила девушка.

Он посмотрел на нее:

- Если вы боитесь меня или опасаетесь гнева своего отца, вам не стоило приходить.

Элис поджала губы.

- Помогите мне спешиться, - слегка холодно и сердито сказала она. Алексей протянул к ней руки, и девушка соскользнула с седла прямо в его объятия. Он неторопливо поставил ее на землю, и некоторое время продолжал держать за тонкую талию. Затем отступил в сторону, взял лошадь под узды и привязал к лестничным перилам.

- И где же вами обещанная парусная доска? – спросила она вызывающе.

Алексей обернулся и с улыбкой ответил:

- Я не забыл. Но погода не располагает для водных катаний. В следующий раз, Элис. Я обещаю.

- В следующий раз? – Элис заносчиво усмехнулась. – Вы уверены, что следующий раз будет?

Глебов приблизился к ней, не сводя самоуверенного взгляда с ее глаз:

- Уверен.

* * *

Россия, Москва

- Как она, доктор? – Николай Шмит устремился к врачу, как только тот вышел из комнаты Лизы. Уже три дня как Лизу пичкали успокаивающими средствами и пытались заставить поесть и попить.

- Нужно уповать на Бога и молиться, чтобы произошло что-то, что заставило бы ее захотеть жить.

- В последнее время с ней столько произошло неприятного, плохого. - Катя, подошедшая следом за братом, тревожно смотрела на доктора. – Неужели ничего нельзя сделать?

Доктор пожал плечами:

- Елизавета Николаевна всегда казалась мне такой сильной, крепкой. Однако сейчас она сама не хочет жить. Она так сильно любит своего мужа?

Шмиты промолчали. Николаю было неприятно, Катя кинула на него взгляд и поспешила в комнату к подруге.

- Катя, - окликнул ее брат.

- Я заставлю ее есть! – кинула через плечо девушка и, взметнув юбками, вошла в комнату.

Лиза лежала ничком, уткнувшись лицом в подушку.

- Лиза, - позвала ее подруга, но она даже не шевельнулась. – Лиза! Ты должна поесть!

Никакой реакции.

- Он никогда бы не захотел, чтобы ты вот так – умерла!

Лиза зарыдала. Катя села рядом, погладила ее по спине.

- Я прошу тебя, я тебя умоляю – поешь. – Она решительно потянулась за шнурком, вызывая прислугу. Та явилась уже с подносом и поставила его на прикроватную тумбочку.

- Если ты не будешь есть сама, мы накормим тебя силой! И будем делать это всякий раз. - Катя решительно открыла крышку супницы и по комнате понесся аромат горячих жирных щей.

Лиза вдруг замолкла, замерла, и в следующее мгновение ее подкинуло, она кубарем скатилась с кровати и бросилась к умывальнику. Рвотные позывы пустого желудка болезненными спазмами отдавались внутри. Во рту осталась горечь. На глаза вновь накатились слезы. Руки и коленки предательски дрожали.

Катя уже стояла рядом, протягивая стакан с водой и полотенце. Это было впервые, когда Лизу стало тошнить.

- Убери еду, я не могу, - дрожащим голосом сообщила она и вновь склонилась к умывальнику.

В комнату вернулся доктор, которого позвала встревоженная служанка.

Он помог Лизе умыться и вернуться в кровать. Слабая, она дрожала как осенний лист.

Доктор посмотрел ее глаза, оттягивая нижнее веко пальцем, прощупал пульс, прощупал живот. Попросил Катю выйти и закрыть дверь. Прошло минут пятнадцать, когда дверь открылась, и на пороге появился доктор.

- Думаю, теперь будет все в порядке, - сообщил он, улыбнувшись, и попрощался.

Катя первая влетела в комнату к Лизе, затем вошел Николай и остался на пороге. Лиза, опираясь спиной на подушки и изголовье кровати, сидела, крепко обхватив себя за плечи.

- Что, Лиза? – спросила Катя, присаживаясь рядом. Та рассеянно посмотрела на подругу:

- Я не знаю...

- Не знаешь?

- Не знаю, верить ли...

Катя с надеждой схватила ее за руку:

- Ты беременна, да?

Лиза отрицательно закачала головой, но без особой уверенности.

- Это ведь не может быть правдой?

- Не может? Может! Да так и есть!

- Но ведь тогда доктор сказал мне ...

- Да забудь этого доктора – верь нашему. Ведь он же сказал, что ты беременна?

Лиза не ответила. Она уставилась на свой еще плоский живот. Память о муже... На ее глаза навернулись слезы. Она не может без него! Несправедливо, нечестно, что он умер!

Лиза заплакала, уткнувшись в ладони, а Катя крепко обняла ее и тоже зарыдала.

Николай незаметно покинул комнату, оставив подруг наедине.

Катя утерла слезы, затем промокнула платком лицо подруги. Поток слез как быстро начался, так быстро и иссяк.

- Катя, посиди со мной, - попросила Лиза, устало уткнувшись в ее плечо.

- Конечно. – Катя вновь обняла подругу и погладила по волосам. Спустя десять минут, Катя по ровному дыханию подруги поняла, что она уснула. Посидев еще несколько минут, молодая женщина осторожно уложила ее и накрыла одеялом. Лиза, коснувшись головой подушки, забылась глубоким сном.

* * *

В комнату нерешительно постучали, но лежащая в постели Лиза, молчала, надеясь, что непрошенные посетители уйдут. Дверь все равно открылась - Лиза молча наблюдала, как прислуга, так и не дождавшись ответа, вошла и внесла черное платье. Увидев, что хозяйка не спит, она смущенно произнесла «доброе утро» и пояснила, что госпожа Андриканис распорядилась разбудить ее и передать просьбу спуститься к обеду. Девушка быстро избавилась от мрачного платья, положив его на спинку стула, и вышла.

Лиза неторопливо села в кровати, затем отвернулась от траурного одеяния, на которое смотрела несколько минут, спустила ноги с кровати, обулась в домашние туфли и прошла к окну. Черное платье удручало.

«Вдова», произнесла она мысленно и невольно прикоснулась ладонями к своему животу.

«Нет» - это отрицание факта сразу же родилось в ее голове. Лиза затаила дыхание. Она погладила живот. За ночь с ней произошла странная метаморфоза: осознав в полной мере, что беременна, Лиза одновременно стала ощущать, что ее муж жив. Ничем не обоснованная мысль сидела в ее голове и все прежние страдания куда-то исчезли. Лиза была спокойна, как никогда. Она вновь взглянула на платье, в которое должна была облачиться. «Он жив», - в очередной раз пронеслось в ее голове. Лиза погладила живот, затем подошла к платью. «Он жив». Она отвернулась от траурного одеяния и прошла к платью шкафу.

Через полчаса Лиза спустилась вниз, и Катя с удивлением посмотрела на ее голубое легкое платье.

Лиза высоко задрала подбородок:

- Если ты хочешь спросить меня, почему я не в черном, хочу сразу сказать – я не верю в то, что мой муж мертв.

Глаза Кати стали большими, но она промолчала, хотя рот невольно открылся и губы растянулись в непроизвольную «о».

Лиза села на стул напротив и взялась за вилку и нож. Ужасно захотелось есть! И пусть Катя думает, что она окончательно спятила, но уже никто не убедит ее в том, что Алексей мертв. И он обязательно вернется, а пока нужно позаботиться о малыше, который растет у нее внутри и требует, чтобы его мать хорошенько подкрепилась.

Поглощая без лишней скромности еду, Лиза уже не обращала внимания ни на подругу, ни на недоумевающую прислугу, с которой переглядывалась Катя. Пусть думают, что она сошла с ума. Пусть думают, что хотят.

* * *

США, Ойстер-Бей

Итак, дружба с Элис Рузвельт завязалась. Через день они встретились в открытую в одном из ресторанчиков Ойстер-Бея. Охранник, сопровождавший дочь президента, стоял в отдаленности с непроницаемым лицом, но разговор, который вели Алексей и Элис, он слышать не мог, так как для этого находился слишком далеко.

Дружеская обстановка, вкусная пища, приятная музыка и все прочие моменты, продуманные Глебовым заранее, привели Элис в благодушное настроение. Алексей умело делал ей комплименты, чем окончательно расположил ее к себе.

Позже Глебов познакомился и с братьями Элис, которых учил кататься на доске, пока в один прекрасный день они ее не сломали.

Если контакт с Элис и семейством Рузвельт устанавливался, и Элис в ближайший уикенд¹ пригласила его в Сагамор-Хилл, то определить, кто обыскивал его комнату, Алексей не смог. По всей видимости, бдительный присмотр со стороны службы безопасности президента, под который он попал, заставил «тех, иных» временно уйти «на дно». Но Глебов не сомневался, что скоро они заявят о себе, и что не следует расслабляться.

Наступила долгожданная суббота, и Алексей прибыл в Сагамор-Хилл.

Внутреннее убранство помещений дома изобиловало шкурами и головами убитых животных, которые взирали стеклянными глазами на обитателей дома и их гостей. Впрочем, дом был светлый и уютный, чем напоминал свою хозяйку Эдит Рузвельт – жену президента, которая с приветливой улыбкой и добрыми глазами встретила нового знакомого падчерицы.

Спустя какое-то время в холл спустился Теодор Рузвельт и встретил гостя дочери с неким недоумением и неодобрением. Заложив руку за спину, высоко подняв голову и выставив подбородок, он всем своим видом показывал уверенность и превосходство.

¹ Уикенд (англ. week end - конец недели) - выходные дни (суббота и воскресенье); время отдыха с вечера пятницы до утра понедельника.

Теодор Рузвелът

США, Ойстер-Бей, Сагамор-Хилл.

Все же под пристальным настойчивым взглядом дочери и жены Рузвельт сдался и протянул руку при знакомстве. Алексей спокойно и твердо пожал ее. Рузвельт отнял руку и пригласил гостя в гостиную.

Как оказалось, президент не собирался оставлять нового знакомого дочери в покое - и во время учтивой беседы перед обедом, и во время обеда Рузвельт задавал каверзные вопросы гостю, но Алексей давал достойные, но неизменно доброжелательные ответы.

Обед проходил в кругу семейства Рузвельта: президент, его жена, дети. Хозяин дома сидел во главе стола, Глебов чуть поодаль рядом с Элис.

Блюда подавались к непокрытому скатертью столу, были более чем просты, для Алексея, как европейца, очень трудноваримы и непривычны, хотя он и не подал виду. Ко всему прочему запить такое угощение было особо нечем - вместо вина была ледяная вода... Когда очередное блюдо оказалось перед Алексеем, он едва сдержался от вздоха. От невеселых мыслей о еде, его отвлек очередной язвительный вопрос президента.

- И чем же вы занимаетесь, мистер Астер? – Рузвельт смотрел на него пристально, не переставая пережевывать мясо.

- Папа! – возмутилась Элис учиненному допросу.

- Я писатель, мистер Рузвельт, - ответил Глебов, кинув успокаивающий взгляд на девушку и повернувшись к ее отцу.

- И что же вы пишете?

- Книгу об Америке.

- О Соединенных штатах? – вновь язвительная недоверчивая ухмылка.

- Да.

Глебов заметил, как Элис взглядом попросила мачеху остановить допрос отца. Супруга Рузвельта положила ладонь на его руку и что-то ему шепнула. Президент нахмурился, но все же оставил Алексея в покое.

После обеда мужчины перебрались в библиотеку и, когда мальчишка-негритенок разлил им в бокалы виски, Рузвельт, закулив, продолжил свой допрос:

- Итак, что же вы хотите написать, мистер Астер? – Рузвельт выпустил дым из сигареты вниз - явный признак негативного настроения, вызванного подозрительностью по отношению к собеседнику.

- Меня интересуют американцы, их образ жизни. – Алексей старался держаться спокойно, сдержано, понимая, что Рузвельт пытается спровоцировать его.

- И что же вы узнали о нас, американцах?

- Американцы молодая нация, но довольно богатая, с большим будущим.

Рузвельт усмехнулся, выпустив дым из сигареты вверх, проявив признак одобрения.

- Да, мы – американцы - великая нация. И великой нас делает не наше богатство, а то, как мы его используем.

Глебов кивнул, доброжелательно улыбнувшись:

- Резонно.

- А кто вы по происхождению, мистер Астер? – Президент не сводил с Алексея взгляд слегка прищуренных глаз.

- Я – француз, однако наш род имеет британские корни.

- Неужели? - Опять недоверчивый сарказм.

Глебов повертел бокал в руках, задумчиво глядя на коричневую жидкость, искрящуюся на свету.

- Не важно, кто человек по национальности, - заговорил он осторожно, взвешивая слова, - важнее всего, сумма достоинств, делающих мужчину хорошим мужчиной, а женщину хорошей женщиной.

Рузвельт крякнул:

- По мне, так нужно придерживаться правила: «Не повышай голоса, но держи наготове большую дубинку, и тогда далеко пойдешь». Вы понимаете, о чем я?

- Вам свойственно жестокосердие? – с легкой усмешкой задал встречный вопрос Алексей на выпад президента.

Рузвельт фыркнул:

- Думаю, что хуже, чем жесткость сердца, может быть лишь одно качество - мягкость мозгов. Я этим, поверьте, не страдаю. - Опять намек, опять проявление недоверия. - Мистер Астер, вы считаете, что женщина может сделать своего мужа миллионером?

Опять камень в его огород! Неужели Рузвельт считает его брачным аферистом? Глебов кашлянул, стряхнул пепел в пепельницу:

- Несомненно, мистер Рузвельт, – заметив, что вверх собеседника в ступор, Алексей закончил фразу: - Если он мультимиллионер, конечно.

Рузвельт побагровел, но затем сухо рассмеялся:

- Шутить изволите?

- Что остается делать? Вы же считаете меня кем-то вроде брачного афериста, ухлестывающего за вашей дочерью из-за связей и денег. Я вполне обеспеченный человек и не гонюсь за состоянием. А ваша дочь не заслуживает недоверия – она, конечно, бунтарка, но девушка умная и порядочная. Воспитана безукоризненно.

- Но она юна. Я могу управлять Соединенными Штатами и могу управлять своей дочерью Элис, мистер Астер, сложно делать то и другое одновременно. В политике приходится делать много такого, чего не следует делать. Со своей дочерью я так поступать не могу. Но, несомненно, если я сочту, что что-либо или кто-либо представляет угрозу для нее, а также для моей семьи и их чести, я приму крайне жесткие меры.

- Понятно, - Алексей сделал глоток виски из бокала. – Будь у меня дочь, я поступил бы точно также.

- Но у вас нет дочери.

- Нет. И сыновей тоже. В этом плане вам повезло, мистер Рузвельт. У вас прекрасная семья.

- Почему же вы, мистер Астер, до сих пор не обзавелись семьей?

Глебов молчал, уставившись в сторону.

- Моя супруга покинула меня, мистер Рузвельт, - ответил он наконец. На лице Алексея и в голосе отразилась скорбь по понесенной утрате.

Президент замолчал, на его лице мелькнула печаль, по всей видимости, вызванная воспоминанием по собственной утрате – первой любимой всем сердцем супруге – матери Элис, затем произнес:

- Мои соболезнования, мистер Астер.

Глебов попытался взять себя в руки, отмахиваясь от печальных воспоминаний, затем сказал, посмотрев на президента:

- Простите, мне до сих пор тяжело об этом вспоминать, мистер Рузвельт. После своей потери я не смог сидеть на месте и стал путешествовать по миру, узнаю новое, познаю мир. Так легче, понимаете.

- Да, я понимаю. Движение – жизнь, не так ли?

* * *

Элис нетерпеливо расхаживала в гостиной из угла в угол. Братья, влетевшие в комнату, устроили возню, но поймав сердитый взгляд сестры, выскочили в коридор. Она прошла следом за ними и остановилась, уставившись на лестницу. О чем же так долго беседуют отец и Астер? Отец, как правило, ставил «выскачок», как он порой называл ухажеров дочери, сразу же на место, и те быстро ретировались. Элис порой это забавляло, а порой выводило из себя. Но долго на отца она сердиться не могла, так как очень его любила, и по-прежнему считалась с его авторитетом.

Но новый знакомый вызывал у нее большой интерес, и на этот раз Элис решила высвободить своего гостя из цепких рук отца. Она быстрым, но по возможности бесшумным, шагом прошла к библиотеке и приотворила дверь.

- Достоин счастья лишь тот человек, кто готов в любое время рискнуть своим телом, своим благополучием, своей жизнью за великое дело, - заявил ее отец.

- Но согласитесь, воспитать человека интеллектуально,

не воспитав его нравственно, значит вырастить угрозу для общества, - возразил Алексей.

Рузвельт с прищуром посмотрел на него, краешки его губ изогнулись вверх – по всей видимости, фраза, произнесенная Глебовым, ему понравилась. Затем он рассмеялся и пошутил:

- Да, совершенно необразованный человек может обчистить товарный вагон, а выпускник университета может украсть аж целую железную дорогу!

Алексей рассмеялся.

- Благими намерениями выложена дорога в ад.

Рот Элис от удивления приоткрылся. Астер и ее отец увлеченно вели беседу, шутили и смеялись! Непостижимо. Она была в замешательстве. Решив разрушить их идиллию, Элис постучала по дверному косяку. Мужчины обернулись. Алексей ей улыбнулся, а отец пригласил войти.

- О, я ненадолго, папа. Всего лишь хочу забрать своего гостя, - сказала она капризно.

- И в самом деле, мистер Рузвельт, мне пора. - Глебов поднялся. Президент нехотя тоже встал с кресла. - Было очень приятно с вами побеседовать.

Рузвельт протянул ему руку:

- И мне, как ни странно. Приходите еще, мы побеседуем с вами об Америке.

- Непременно. Сочту за честь, - ответил Алексей, пожимая протянутую руку.

Они распрощались, и Элис повела Глебова к выходу. Судя по ее прямой напряженной спине и надменно поднятой голове, Элис не понравилось благосклонное отношение ее от-

ца к ухажеру.

- Когда вы сердитесь, вы еще прекрасней, - с ироничной усмешкой сказал Алексей. Элис не ответила, сама передала Глебову шляпу и трость, открыла перед ним входную дверь. Но Алексей не торопился переступить порог.

- Вы ведь спешили, мистер Астер, - напомнила надменная Элис.

- Предпочитаю еще немного задержаться, - все также усмехаясь, ответил Алексей, делая шаг к девушке.

- Не стоит.

- Что вас так расстроило, Элис? То, что я так мало уделил вам сегодня внимания, или то, что вам не удалось досадить отцу, так как мы нашли с ним общий язык?

Элис фыркнула:

- Думайте, что хотите. Прощайте.

Алексей, оперевшись рукой о дверной косяк над ее плечом, наклонился к ней.

- Вы кое-что забыли, Элис, - произнес он ласковым тоном, с желанием смотря на ее губы. Элис вспыхнула, когда она предположила, что он хочет сделать.

- Что же? – Она невольно облизала внезапно пересохшие губы.

- Во-первых, вы забыли, что ваш отец умный человек. Как он легко смог убедить вас не встречаться со мной! Ему лишь пришлось просто по-дружески побеседовать со мной, и ваш интерес ко мне утих.

- А что, во-вторых? – поняв, что целовать ее он не собирается, язвительно заметила Элис.

- Во-вторых?

- Да. Во-вторых?

- Во-вторых, - Алексей нежно взял ее за подбородок и неторопливо погладил большим пальцем. Наклонился к ее губам, - я хотел бы поцеловать вас, Элис, - губы девушки приоткрылись в ожидании поцелуя, - но вы так сердитесь на меня, что не позволите это сделать. Тогда я попытаюсь сделать это в следующий раз. - Он отстранился.

Глаза Элис распахнулись и загорелись сердитым огоньком.

- Уверены, что будет «следующий раз»? – съязвила она.

Глебов не ответил, нахально смотря ей в глаза с самоуверенной усмешкой на губах, учтиво поклонился и пошел прочь, чувствуя, как Элис Рузвельт провожает его пристальным взглядом.

* * *

Прошла пара дней. За Алексеем следили. Он это точно знал, хотя вели они себя довольно профессионально. Этого и следовало ожидать – президент не был наивен и был осторожен – мало ли кто может втереться в доверие к его дочери и к нему самому.

В наблюдении участвовало от трех до шести человек и парочка экипажей, которые вели его «цепочкой»: непосредственно надзирал лишь один человек, а все прочие растянутой цепочкой размещались позади, причем каждый из последующих ориентировался по предыдущему. Общение между звеньями осуществлялось по визуальному кодовому сигналу. На пустелых улицах расстояние между следящими становилось больше, на многолюдных - уменьшалось. При случайном вы-

явлении агента, он сейчас же уступал свое место другому, уходя от визуального контакта.

В следующий раз вели «с опережением»: следящие периодически обгоняли Алексея, таким образом, он оказывался между ними, что давало им предельно плотный, а, следовательно, и более эффективный контроль за ним.

Спустя какое-то время Глебов даже стал разбираться в их специальных визуальных кодах, с помощью которых они информировали друг друга. Если агент левой рукой упирался в левое бедро, то это означало, что Алексей повернул налево и наоборот, если правая рука опиралась в правое бедро, то объект повернул направо. «Объект пересекает улицу» — полуоборот в сторону со сгибанием одной руки у груди; «объект развернулся и идет в обратном направлении» — одна рука подносится к голове; «меня надо сменить» — пристальный взгляд на часы с имитацией удивления.

Глебова так и подмывало узнать сигнал, обозначающий «объект ушел из-под контроля», но разумно посчитал, что если Рузвельт установил за ним слежку, нужно вести себя, как обычный законопослушный гражданин.

Вернувшись как-то после очередной такой «прогулки» в гостиницу, Алексей получил от портье небольшой аккуратный конвертик. Взглянув на имя отправителя, Глебов улыбнулся и направился в свой номер. Бросив шляпу и трость на кресло, он скинул на спинку стула пиджак, растянул узел галстука, а затем лишь вскрыл письмо. Он усмехнулся. Что ж, Элис от имени отца приглашала его в гости. Завтра. При первом визите ему не удалось особо много приметить, но завтра у него будет еще один шанс и он его не упустит.

* * *

На этот раз Рузвельт благодушно приветствовал Глебова. Алексей вновь обедал в кругу семьи Рузвельта, но не в пример предыдущему разу и еда была лучше, и атмосфера за столом доброжелательней и располагающей к оживленной беседе. После обеда Рузвельт, сославшись на неотложные дела, извинился и удалился в свой кабинет. А Элис предложила Алексею прогуляться и осмотреть Сагамор-Хилл.

Элис сегодня была несравненно прекрасна. Она улыбалась, смеялась, откликалась на остроты и сама шутила, и ни разу ее лицо не омрачалось печалью, грустью, гневом.

Глебов любовался ею. Она ему определенно нравилась, даже очень нравилась. Она привлекала его, интересовала, также как и он ее. Когда-то это уже было с ним. Когда? Когда-то с Лизой. Ощущение, что это было давно... Он взглянул на дочь президента. Она посмотрела в его сторону, улыбнулась. Алексей ответил улыбкой.

Элис продолжила что-то рассказывать ему о скором бале, намеченном в Сагамор-Хилле, но он слушал ее в пол уха, продолжая размышлять. Элис, несомненно, увлечена им, но не чрезмерно. Возможно, Элис просто пытается доказать отцу свое право делать так, как ей заблагорассудится. Немного неприятно ощущать себя пешкой в чей-то игре. Он слегка усмехнулся. Рассмеялся шутке Элис. Что-то сказал, отчего она легко вспыхнула и рассмеялась... Он-то тоже хорош – использует вздорность девушки в своих интересах, чтобы ближе подблизиться к ее отцу. Элис вновь посмотрела в его сторону, стрельнула глазками. Алексей ответил ей столь же заигрывающим взглядом и улыбкой. А ведь ему ничего не стоит по-

настоящему влюбить в себя Элис. Стоит только захотеть это сделать...

* * *

Если с раннего утра было относительно прохладно, то в послеобеденное время уже припекало так, то если бы не ветер с моря, можно было бы зажариться заживо. Элис шла чуть впереди, обмахиваясь на ходу шляпкой. Ее длинные шелковистые волосы, перехваченные синей лентой, непослушно развивались на ветру.

- А вот здесь – гараж, - сказала она, указывая на внушительную постройку, напоминавшую конюшню. – У папы несколько моделей автомобилей. Хотя он и предпочитает лошадей.

Девушка махнула рукой мальчишке-негритенку, и он распахнул ворота гаража. Алексей с любопытством прошелся вдоль новеньких блестящих на свету машин, осмотрел их.

- Впечатляет.

- А это моя, - сказала Элис, останавливаясь возле одного из автомобилей. Она лукаво посмотрела на Алексея. – Вам нравится?

Алексей лениво растянул губы в легкую улыбку и неторопливо приблизился к Элис, не сводя с нее взгляда сквозь полупущенных ресниц.

- Да. Ничего подобного в жизни не встречал, - завораживающе произнес он.

Элис опустила глаза и покраснела от удовольствия. Его слова она поняла правильно.

- Вот только я совершенно не умею водить машину, - сказала она, проведя пальчиком по капоту автомобиля.

- Хотите попробовать со мной? Я научу вас, Элис.

Девушка кинула на него взгляд и улыбнулась.

- А вы отличный шофер?

- Самый лучший...

Алексей накрыл ее ладонь своей. Девушка не убрала руку, продолжая смотреть ему в глаза. Зрачки ее слегка расширились, а взгляд понемногу переместился на его губы.

Выждав еще несколько секунд, Алексей приблизил ее руку к своим губам, запечатлел на ее пальчиках поцелуй, затем отвел девушку к водительскому месту. Галантно усадив ее, он занял соседнее с водительским место.

- И что мне делать? – спросила Элис, положив изящные руки на руль, пока мальчишка-негритенок крутил на капоте рычаг, заводя двигатель.

- Нажмите на педаль. – Элис выполнила его наставления, а когда двигатель завелся, сказал:

- Потихоньку отпустите педаль. Нет, не так, - автомобиль дернулся, заглох. – Давайте снова.

Спустя полчаса Элис освоила автомобиль и, как только они выехали на проселочную дорогу, прибавила скорость.

«Боже!», - пронеслось в голове Алексея, и он на секунду зажмурил глаза.

Элис оказалась лихачкой. Автомобиль «несся» по трассе, поднимая клубы пыли. Но руль девушка держала уверенно, вела себя спокойно, поэтому Глебов невольно пришлось согласиться, что Элис способная ученица.

Оказавшись близ побережья, Элис остановила автомобиль и заглушила мотор.

- Ну как? – спросила она, повернувшись к Алексею.

Он улыбался ей.

- Превосходно.

- Я так и думала.

Они с минуту смотрели друг другу в глаза. Затем Алексей медленно наклонился к ней и поцеловал. Элис ответила на его поцелуй. Обняла за шею.

- Элис, - выдохнул он ее имя, прежде чем вновь страстно припасть к ее губам.

«Элис. Лиз» - вспыхнуло в его голове. И тут он понял. Понял и замер. Элис многим напоминает ему Лизу. Но она не Лиза. Он вздрогнул и отстранился.

- Что случилось? – спросила непонимающе Элис, видя, что хмурый Алексей не смотрит на нее.

Он неохотно взглянул на нее, лицо его смягчилось:

- Нам пора возвращаться. – Он ободряюще погладил ее по щеке кончиками пальцев. – Я заведу мотор, – и ловко выскочил из автомобиля.

Девушка выпрямилась, провела рукой по волосам. Глебов достал рычаг, вставил его со стороны капота в двигатель и стал крутить ручкой. Прошло еще несколько неприятных минут ожидания, прежде чем автомобиль завелся. Автомобиль тронулся с места, а Алексей на ходу запрыгнул в еще столь несовершенный транспорт. Элис разогнала автомобиль и погнала его в обратном направлении.

* * *

Алексей сердился на себя. Ну надо же допустить в голову такие бредовые мысли: думать об отношениях с Элис и о Лизе, когда времени для решения проблемы осталось очень мало!

Вернувшись в гостиницу, погруженный в свои мысли Глебов столкнулся на входе с Макфлаем, тот смущенно извинился и проскочил мимо. Алексей проводил его задумчивым взглядом, взял у портье ключи от комнаты и поднялся по лестнице. На встречу шла миссис Макдауэлл, на его приветствие ответила лишь холодным кивком и прошла дальше. Глебову некогда было задумываться о странностях в поведении дамы, он свернул к своему номеру и открыл дверь.

Уже с порога Алексей понял, что его номер снова обыскали. Он закрыл дверь и, встав посередине комнаты, неторопливо осмотрелся. Так и есть. Он прикрыл глаза, потянул носом. Легкий цветочный запах? Духи? Он открыл глаза, и, пройдя по номеру, внимательно осмотрел его. На полу песчинки пляжного песка, еще сырые на ощупь. Значит, ушли совсем недавно. Алексей внимательно оглядел предметы. Заметив что-то на поверхности комода, провел по ней пальцем, растер пальцами желтую пыль. Понюхал. Пыльца? Откуда?

- Думайте, Шерлок, думайте, - пробурчал он себе под нос.

Итак, Макфлай проскочил мимо и явно растерялся, когда его увидел. Глебов не раз наблюдал, как Макфлай, не жалея дорогой обуви, бродил вечерами по пляжу. Слышал он и ворчание обслуги по поводу частого песка в номере Макфлая.

Доказывает ли это, что Макфлай побывал в его номере? Нет, не доказывает. А легкий цветочный запах – не духи ли миссис Макдауэлл? Пожилая дама прошествовала мимо него по коридору с надменным превосходством. Английская шпионка? Доказательно? Нет, не доказательно. Остался еще один подозреваемый – Ламерье, любитель флоры и фауны. Вот его-то Алексей сегодня еще не видел. Но зато отчетливо помнит, что на брюках и на локтях пиджака профессора после очередного забега на поляну за бабочками всегда оставалась цветочная пыльца.

Глебов взглянул на свои руки. Что ж, раз дедуктивным методом Шерлока Холмса ничего не выходит выяснить, остается старый испытанный способ вора. Забраться в номера подозреваемых и устроить самый что ни на есть настоящий шмон¹. Соответственно, воочию убедиться, кто чем дышит из его соседей.

Спустя пару минут Глебов, вышел в коридор, убедился, что его никто не видит, затем вскрыл номер Макфлая. Через несколько минут он столь же осторожно покинул номер, и прошел к номеру миссис Макдауэлл. Благо, дама ушла с собакой, иначе беспокойный пес помешал бы Алексею. Спустя еще несколько минут Глебов покинул ее номер и прошел к номеру профессора. Осталось только постучать, чтобы убедиться, что профессор тоже отсутствует, как и его соседи по этажу. Алексей постучал, осмотрелся и потянулся к отмычке. На лестнице послышались глухие шаги. Алексей вскрыл номер и нырнул в помещение. По коридору промчался Султан, затем остановился, вернулся к номеру Ламерье и заскреб дверь когтями.

¹ Шмон (жарг.) – обыск.

- Фу, перестань, - скомандовала дама, и псина отступила. Когда послышалось, как дверь ее номера закрылась, Алексей начал обыск. Спустя несколько минут он благополучно вернулся к себе.

Не раздеваясь, вытянулся на кровати, заложив руки за голову. Итак, обыск дал много чего интересного. Как много у людей тайн, своих скелетов в шкафу.

Дело усложняется. Алексей закрыл глаза. Нужно все обдумать. Просчитать. Опасность будила в нем азарт и заставляла интенсивно работать мозг. Алексей усмехнулся. Что ж, господа, поиграем!

* * *

США, Портсмут

Вернувшись в гостиницу после очередного заседания на переговорах, Витте узнал, что в кабинете его дожидается некий господин, явившийся по важному сугубо личному вопросу.

Витте посмотрел на сопровождающего его Самойлова. Тот все понял, кивнул головой и быстро вышел.

Российский уполномоченный перед зеркалом поправил галстук, причесал волосы, вздохнул и, выпрямив осанку, направился в кабинет.

Ему навстречу поднялся невысокий, но статный мужчина с легкой ничему не обязывающей улыбкой.

- Здравствуйте, господин Витте.

- С кем имею честь?

Незнакомец вновь улыбнулся, без дозволения вновь сел в кресло.

- Если хотите, зовите меня мистер Смит, господин Витте. Право, это не важно, кто я, важно лишь то, от кого я.

- И от кого же?

- Присаживайтесь, господин Витте. Разговор будет недолгий, но не из легких. Вы выглядите неважно. Плохо спите?

- Отвратительно кормят, а сплю я превосходно. – Витте сел в кресло напротив. – Но вы ведь пришли не для того, чтобы справиться о моем здоровье? Что вам нужно, говорите.

- Некий господин поручил мне передать вам вот это. – Незнакомец подтолкнул к уполномоченному папку.

Витте открыл и обнаружил копии своей переписки. Он закрыл папку и посмотрел на Смита.

Тот продолжил:

- Вижу, вы не удивлены, господин Витте. Ожидали чего-то подобного, не так ли?

- Ожидал. И что дальше?

- Вам предлагается сделка. Ваши письма будут вам возвращены в обмен на некоторые уступки с вашей стороны.

- Уступки?

- Россия должна согласиться на условия японцев.

Витте вскочил с кресла:

- Вы с ума сошли!

- Сядьте, господин Витте.

Тот сел:

- На моей карьере, да и на жизни будет поставлен крест, если я пойду на такое! Император четко наложил резолюцию: «Ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек». Вы хотите, чтобы я собственноручно признал себя изменником?!

- Вы проделали большую работу, господин Витте, чтобы стать популярным среди американского народа. Так что вам и такое по силам.

Витте молчал.

- Мы не хотим публикации ваших писем, господин Витте. Поднимется большой скандал, будут опорочены многие влиятельные люди. И вы в том числе. Да и в большей мере. Ваш император признает вас изменником, как только все всплывет наружу. Если вы не пойдете на то, что мы вам предлагаем, нам ничего не останется, как только опубликовать переписку.

- Я должен подумать.

- Вы должны принять решение прямо сейчас.

Витте некоторое время молчал, склонив голову.

- Я не могу вот так разом пойти на соглашение с японцами. Это будет выглядеть подозрительно. Ходом конференции интересуются буквально все. Это вызовет резонанс. Все желают видеть борьбу. Я не могу без боя идти на уступки!

Смит улыбнулся:

- От вас этого и не требуется. Первоначально уступите японцам Сахалин.

Витте помолчал, вздохнул:

- Хорошо. Но сначала я отправлю телеграфом императору письмо и сообщу, что японцы настаивают на оставлении за ними Сахалина и на получение денежной контрибуции, и что продолжение войны будет величайшим бедствием для России. Без его резолюции у меня будут связаны руки.

- Добавьте еще для острастки, что едва ли России удастся победить Японию, Сахалин в руках японцев и

отобрать его невозможно. — Смит поднялся. — Что ж, господин уполномоченный, пока всё. Но не расслабляйтесь, мы встретимся с вами и довольно скоро.

Он надел шляпу, взял со стола трость и вышел из кабинета.

Витте вздохнув, потер лицо рукой. Вошел Самойлов, он посмотрел на него:

- Вы все слышали?

Самойлов кивнул.

- Организуйте встречу с нашим агентом. Время поджимает, нужно предупредить Глебова, как можно скорее...

* * *

Август 1905 г. США, Ойстер-Бей

Алексей сидел в летнем кафе и, откинувшись на спинку стула, неторопливо попивал кофе.

Утром он получил зашифрованное послание от Витте, в котором сообщалось, что дело не терпит отлагательств — нужно срочно решать вопрос с документами. Да, пришло время действовать. На днях он слышал разговор президента с неким мистером Смитом. Они говорили о редакторе газеты «The New York Times» как о человеке, который «в случае необходимости раскрутит это дело быстро и четко». Глебов повертел чашку и сделал небольшой глоток. Похоже, Рузвельт планирует передать редактору документы. Письма были в доме, пока, по крайней мере - Рузвельт в скором времени намерен был переправить их в Нью-Йорк.

Алексея настораживала и сдерживала слежка, что за ним учинили. И это были не только спецслужбы президента.

Господа шпионы пока лишь наблюдали, и он не знал, что от них ожидать.

Вдруг Глебов вздрогнул - ему показалось, что он услышал знакомый голос. Малышев?! Алексей обернулся, однако среди посетителей не увидел знакомого лица.

* * *

Вернувшись в гостиницу, Глебов получил от ожидавшего его посыльного записку: Элис приглашала его в Сагамор-Хилл на предстоящий бал. Итак, через три дня все решится. А пока нужно подстраховаться и подготовить «отступные пути».

Вечерами жильцы гостиницы устраивали на террасе игру в покер, и Глебов направился туда.

Миссис Макдауэлл и Ламерье играли, Макфлай сидел на перилах, попивал виски и с безразличием наблюдал за ними. Завидев Алексея, миссис Макдауэлл предложила ему присоединиться - он принял предложение и, придвинув стул, расположился за столиком.

- Почему вы не присоединяетесь к игре? – спросил он у Макфлая. Однако прежде чем тот ответил, миссис Макдауэлл вызывающе заметила:

- Этот молодой человек – трус и лжец.

Макфлай расхохотался:

- Миссис Макдауэлл, вам не удастся заманить меня в игру!

Затем он предупредил Алексея:

- Миссис Макдауэлл жульничает. Она столь умело передергивает карты, что мистер Ламерье до сих пор ничего не заметил и надеется отыграться.

Дама стукнула своей тростью по полу:

- Я же говорила вам, мистер Астер, что он – трус, потому что боится играть, и лжец – потому что распространяет о пожилой даме гадости.

- Пожалуй, я тоже пас, - поднимаясь, произнес Огюст Ламерье.

Макдауэлл презрительно фыркнула.

Глебов сосредоточился на картах. Пожилая дама действительно умело передергивала карты. Он проигрывал – сумма проигрыша росла – кошелек на глазах у всех пустел.

- Вы с ума сошли, мистер Астер! – не выдержал Ламерье, вновь подходя к столу.

- Ничего не могу с собой поделатъ, - Алексей сокрушенно пожал плечами. – Пока хоть раз не отыграюсь – не остановлюсь!

Ламерье хотел было что-то ответить, но передумал, лицо его просветлело, и он с воодушевлением предложил:

- Если вы желаете отыграться, может быть, одолжить вам денег? Я хотел бы видеть, как кто-нибудь одолеет эту женщину в карты!

- Это как раз то, что нужно! Вы добрейший человек, мистер Ламерье!

Огюст Ламерье без лишних слов передал Алексею довольно крупную сумму денег. Но как только собрались раздавать карты, вмешался Макфлай:

- Подождите. Давайте сменим колоду. – Его предложением все остались недовольны, хотя каждый в определенной мере попытался это скрыть.

Макфлай вскрыл совершенно новую пачку карт, которую по его просьбе принес слуга.

Глебов взглянул на пожилую даму, и та сразу же заметила смешинки в его глазах. Началась игра - за ними пристально наблюдали Макфлай и Ламерье. Глебов выложил на стол свои карты, которые были отнюдь не плохой комбинации. Миссис Макдауэлл пристально смотрела на него, затем выложила свои.

- Флэш-роял¹! - Ламерье ударил кулаком по ладони и стремительно отошел от стола.

Макфлай прищурился и с чисто английским спокойствием вернулся на свое прежнее место – к перилам – допивать виски.

Глебов и миссис Макдауэлл смотрели друг на друга. Наконец пожилая дама наклонилась к нему и произнесла так, чтобы не слышали ни Макфлай, ни Ламерье:

- Считаете себя умнее всех?

- Услуга за услугу. Ведь вы мне не откажете в услуге, миссис Макдауэлл? - сказал Алексей столь же тихо. Затем сокрушенно произнес, чтобы слышали все: - Это непостижимо, но вы вновь обыграли меня, миссис Макдауэлл!

К столу вернулся Ламерье и посмотрел на Алексея.

¹ Роял-флаш (англ. «королевская масть»), или «Роял-флэш», «Флеш-роял» - один из вариантов стрит-флэша, состоящий из комбинации пяти карт одной масти (туз, король, дама, валет, десять). Данная комбинация часто выигрышная.

- И что теперь? Вы продолжите игру?

Но Глебов не успел что-либо ответить - миссис Макдауэлл тяжело поднялась, опираясь на трость:

- Не забывайте, господа, я пожилая дама. Никакой игры сегодня, я хочу отдохнуть.

Она покидала выигранные деньги в свой ридикюль, пожелала всем доброй ночи и, опираясь на свою трость, отправилась к выходу.

Алексей устало провел рукой по волосам и посмотрел на Ламерье.

- В скором времени я получу довольно приличную сумму денег, мистер Ламерье. И сразу же верну вам долг.

Тот сухо улыбнулся:

- Не сомневаюсь, мистер Астер. – Он отсалютовал ему бокалом и направился к выходу.

Глебов налил себе виски и сделал глоток.

Приблизившись, Макфлай с прищуром посмотрел на него, недоумевая по поводу произошедшего, затем вежливо произнес:

- Спокойной ночи, - и удалился.

Алексей вновь отпил из бокала. Итак, дело сделано. Каждый из присутствующих сегодня в той или иной мере проявил свою суть. И каждый получил то, что хотел.

* * *

США, Портсмут

Конференция зашла в тупик и оказалась на грани срыва. Ее участники дважды укладывали и раскладывали чемоданы.

Смит не заставил себя ждать и явился к российскому уполномоченному.

- Как это понимать, господин Витте?

- Мне нужно еще время. Российский император не согласился с предложениями японцев, заявив, что Россия не может признать себя побежденной. Япония же хочет, во что бы то ни стало, получить контрибуцию¹ и поэтому склонна продолжать проливать кровь. Барон Комура высказал мнение, что продолжать переговоры нет смысла. – Витте хлебнул воды из стакана. Затем обратился к Смигу: - Если уж вы действуете в интересах Японии, посодействуйте и окажите на них влияние. Японцы нагнетают обстановку и торопят события. Когда у меня будет достаточно времени, я смогу убедить императора пойти на уступки.

Смит молчал, задумчиво пережевывая жвачку. Затем посмотрел на Витте:

- О'кей. У вас два дня.

Он провел ладонями по вискам, встал и вышел.

* * *

США, Ойстер-Бей

Глебов направлялся в свой номер. Дело осталось за малым, но наиболее опасным – выкрасть документы и вовремя смыться. Хотя это «самое малое» и доставляло Алексею огромное удовольствие – азарт охватывал все его существо, мозг работал с молниеносной быстротой. В Сагамор-Хилл будет бал, устраиваемый дочерью президента, и он наде-

¹Контрибуция - платежи, налагаемые на побежденное государство в пользу государства-победителя.

ялся, что ему удастся сработать слажено, прежде чем его объявят женихом «вашингтонской принцессы» - а именно это, по мнению Алексея, планировала сделать своевольная Элис в разрез желанию своего отца.

Он открыл дверь номера и уже на пороге почувствовал чье-то присутствие.

- Закройте дверь, - услышал он ломанный английский и повернулся на голос. Крупного телосложения азиат с квадратным лицом держал его на прицеле. Глебов неторопливо закрыл дверь. Тот кивком указал ему пройти вглубь комнаты, Алексей подчинился.

Послышались шаги, и из соседней комнаты вышел... Ламерье.

- Добрый вечер, мистер Астер, - сказал он с усмешкой. От бывшего рассеянного любителя флоры и фауны не осталось и следа.

- Добрый... Пришли получить с меня долг?

- Сядьте. – Огюст указал на стул.

Алексей сел, посмотрел на азиата, засовывающего оружие за пояс, затем на Ламерье.

- Вы хотите денег?

- Мы хотим предложить вам продать нам документы, мистер Астер.

- Документы? Какие документы?

- Те, которые вы подрядились выкрасть у Тэдди¹. - Ламерье наблюдал за реакцией Алексея. – Вот видите, мы все знаем. Мистер Глебов.

¹ Прим. автора: Прозвище Т. Рузвельта.

Его ухмылка была холодной и недоброй. Неожиданно Алексей сорвался с места, сбил с ног Огюста, но азиат одним быстрым ударом опрокинул его на пол.

- Глупо, - заметил Ламерье, склоняясь над хватающим ртом воздух Глебовым.

Алексей и сам так думал. С трудом дыша, он безмолвно указал на стул, испрашивая разрешения сесть, Огюст кивнул, и Алексей вернулся на прежнее место.

Ламерье на японском бросил пару фраз азиатцу, тот кивнул и переместился за спину Глебова. Алексей напряженно сглотнул.

- Продолжим, мистер Глебов? – Ламерье скрестил руки на груди и свысока посмотрел на него.

- На кого вы работаете, Ламерье?

Тот усмехнулся:

- А разве непонятно?

- В прошлый раз вот тот, - Алексей кивнул в сторону азиата, - был с германским агентом Эрихом Швайгером.

Ламерье усмехнулся:

- Германия оказалась ненадежным партнером. Ее интересы изменились...

- Вы - француз...

- Я двадцать пять лет прожил в Японии! – резко заметил Ламерье. – Япония стала моей родиной. Я верно служу императору Мэйдзи¹. Я сделаю все, чтобы отстоять честь и досто-

¹ Император Мэйдзи (Муцухито) (1852, Киото, Япония - 1912, Токио, Япония) - император Японии, взошедший на престол в 1867 г. В период его правления Япония прошла через политическую, социальную и промышленную революции и стала одной из сильнейших держав.

инство своей страны. - Он склонился над Глебовым, оперевшись руками о подлокотники стула. – Мы считали вас мертвым, мистер Глебов. Вы ловкий обманщик и вор. Витте нанял вас выкрасть для него документы, так?

- Д-а, - нехотя ответил Алексей.

- Мы заплатим вам больше.

Глебов молчал. Ламерье взглянул на азиата, и Алексей почувствовал, что тот вплотную приблизился к его стулу. По спине невольно побежали мурашки. Глебов встревоженно посмотрел на Ламерье:

- Но у меня нет документов, о которых вы говорите.

- Но вы ведь их хотите добыть? Вам останется только продать их нам, как только вы их получите. Итак?

- Я хочу задаток.

Ламерье смерил его насмешливым взглядом:

- Вы его получили.

- Те, что я проиграл старой ведьме? Но этого мало!

Алексей был весьма убедителен в своей корысти, так что Ламерье презрительно сморщился. Он вынул толстую пачку банкнот и бросил ему на колени:

- Этого хватит сполна. После работы мы заплатим вам в два раза больше.

Глебов взял деньги и, отогнув краешек пачки, прошелеstel купюрами, ловко их подсчитав. Удовлетворенно кивнул, затем нагло посмотрел на Огюста:

- Деньги действительно мне не помешают.

Ламерье вновь наклонился к нему:

- Хорошо. Но имей в виду, если ты захочешь нас обмануть, то...

Удавка, накинута азиатом, сдавила Алексею шею, он стал задыхаться, попытался ослабить... Японец столь же неожиданно освободил его.

Ламерье сухо спросил:

- Мы все вам понятно объяснили?

Глебов кивнул, потирая горло.

- Понятней некуда, - просипел он.

- Хорошо. У вас два дня.

Ламерье произнес это столь категорично, что Алексей даже не попытался оспаривать сроки. К тому же оба непрощенных гостя уже покидали его номер.

* * *

США, Портсмут

Когда в очередной раз явился Смит, Витте без слов протянул ему секретное письмо, прибывшее из Петербурга.

- Ознакомьтесь. Здесь ответ императора. В виде крайней уступки Его Императорское Величество соглашается на уступку японцам занятой ими южной части Сахалина. Однако император настаивает, чтобы японцы обязались не укреплять ее, а северную половину оставить во владении России без какой бы то ни было уплаты за это денежного выкупа.

Смит, ознакомившись с письмом, отложил его в сторону.

- А вот еще одно сообщение. – Витте развернул его и прочел дословно: - «Настаивать же на других денежных обязательствах напрасно. Его Императорским Величеством сказано последнее слово, и от него Государь ни за что не отступит... По Высочайшему повелению вы уполномочены передать зав-

тра японским делегатам ответ России». – Он протянул письмо Смит. Тот мельком взглянул на содержание, затем посмотрел на Витте.

- И что из того? – произнес он равнодушно. – Вы должны выполнить свою часть сделки, вот и все. Больше меня ничего не волнует. Все остальное – ваши проблемы.

- Я ни от чего не отказываюсь, мистер Смит. Я всего лишь ввожу вас в курс дела, дабы избежать поспешных действий с вашей стороны.

Смит хмыкнул, а Витте продолжил:

- Посланник Японии в США Такахира¹ еще не получил ответа из Токио, а потому просил назначить заседание не завтра, а послезавтра. Думаю, что российский император это известие воспримет с негодованием и даже заявит, что предпочтет продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии.

- Ваш император настолько неблагоразумен?

Витте поморщился:

- Я вам этого не говорил. Но я смогу убедить его. Нужно только время.

- Переговоры не могут идти вечно. Через два дня на конференции вы должны согласиться с условием Японии о выплате контрибуции. Вам понятно?

Витте молчал, опустив глаза и смотря на свою руку, пальцы которой вдруг невольно сжал в кулак.

- Да, - наконец ответил он. Смит встал с места и вышел.

¹ Такахира Когоро (1854, префектура Ивате - 1926) - японский дипломат. Посланник Японии в Нидерландах, Италии и Австро-Венгрии (1892-1899 гг.), в США (1900-1905 гг., 1908-1909 гг.); посол в Италии в 1907-1908 гг.

* * *

США, Ойстер-Бей

Ночью, когда вся гостиница погрузилась в глубокий сон, Глебов выскользнул из своего номера и прокрался к двери миссис Макдауэлл. Дверь она оставила отпертой, как просил ее Алексей в записке, которую он ей подбросил ранее.

Пробравшись в ее номер, бесшумно закрыл дверь и тут же почувствовал острие на своей шее.

- Миссис Макдауэлл, - произнес он.

- Старая ведьма, - ответила она и включила свет. Алексей взглянул на острие. Как он и думал, в ее трости оказался встроенный наконечник, острый как бритва. Он посмотрел на пожилую даму и осторожно попытался отодвинуться от острия.

- И как вы умудрились услышать эту фразу?

- «Старая ведьма»? – Макдауэлл слегка надавила на трость.

«Что за напасть! Почему все так и норовят добраться до его горла?!»

- Уберите, пожалуйста.

- С какой стати?

- Вы же не хотите меня убить?

- Почему бы и нет. Если непрощенный гость не впервой проникает в ваш номер, возникает такая мысль.

- Вы тоже считаете меня вором?

Дама рассмеялась:

- Я считаю тебя дураком. Но они еще глупее! – Она убрала трость от шеи Алексея. - Не пытайся делать резких движений, мальчик, - предупредила она и цыкнула. Султан в один момент оказалась рядом и зарычал на Алексея. - Моя собака вцепится тебе в горло и отпустит только тогда, когда ты перестанешь дышать.

Глебов взглянул на Султана. У него не было сомнений, что собака способна выполнить такой приказ хозяйки, несмотря на то, что он вбухал в псину кучу бифштексов и выводил на прогулку.

- Иди вперед.

Когда они оказались в комнате, и пожилая дама зажгла свет, Алексей обернулся. Миссис Макдаэлл стояла перед ним, опираясь на свою трость с инкрустированным набалдашником, и взидала на него сквозь полуопущенные веки. Султан уселся возле двери.

- Итак, что тебе нужно?

- Позвольте? – Алексей без резких движений вынул из внутреннего кармана деньги – половину той суммы, что ему передал Ламерье. Положил их на край столика. – Мне нужна ваша помощь.

- С какой стати я должна тебе помогать?

- Как вы правильно заметили, я уже бывал в вашей комнате, миссис Макдауэлл. И обнаружил очень интересную вещь. Ваш перстень в виде змейки с изумрудными глазами.

- И что с того?

- Этот перстень принадлежал Пандоре, которого я очень уважал.

Миссис Макдауэлл молча смотрела на него некоторое время, будто оценивала.

- Не знаю никакого Пандору, - ответила она.

Алексей усмехнулся:

- Пандора – король воров, лучший из лучших. Никто не мог украсть у него перстень. И если это кому-то удалось бы, он стал бы королем воров вместо Пандоры. Или королевой. Позвольте оказать вам свое почтение, моя королева. - Алексей преклонил колено.

- Я была о тебе лучшего мнения! – услышал Глебов раздраженный голос пожилой дамы и, подняв голову, посмотрел на нее снизу вверх. Она сердито стукнула тростью по полу и направилась к креслу. Собака насторожено уставилась на них. Алексей кинул взгляд на Султана и тот положил голову на лапы.

- Теперь я поняла, кто ты! Ты тот кретин, который двенадцать лет тому назад украл у Пандоры перстень, а потом вернул его обратно. И вот теперь ты вновь умудрился взять перстень в руки и вновь положить на место! – Она снова зло ударила тростью о пол и цыкнула на оскалившегося на гостя пса.

- На что вы сердитесь, моя королева? – улыбнулся Глебов. – Вам стала в тягость ваша корона?

- Шутить вздумал?

- Нет.

- Встань. Сядь в кресло.

Алексей выполнил ее распоряжение. Макдауэлл некоторое время молчала, смотря на Глебова и что-то обдумывая.

- Ты – мальчишка, но мне нравишься, - сказала она. – Почему же ты не хочешь быть коронован?

Алексей вздохнул и честно ответил:

- Это большая ответственность, которая связала бы меня по рукам и ногам. Вы ведь меня понимаете?

- Да, понимаю. Но я стара. И опасаясь, что перстень может оказаться в руках недостойного его.

- Я не достоин.

- Не тебе решать! – рявкнула дама.

- Но я действительно его не достоин. Перстень не должен оказаться в России. А Россию покидать я не хочу.

Макдауэлл молчала. Наконец произнесла:

- Ладно. – Поджала губы. – Теперь говори, что тебе надо?

- У меня к вам дело. Барыш – пополам.

- Продолжай...

* * *

Сагамор-Хилл наполнялся прибывающими гостями. Глебов прохаживался среди гостей, изредка попивая из своего бокала. Время шло. Пора действовать. Где же Элис?

- Куда же вы от меня спрятались, Густав? – Элис оказалась рядом. Алексей вздрогнул от неожиданности, обернулся к ней.

- О, вы пролили на себя вино! – воскликнула она. Глебов посмотрел на свою рубашку.

- Да. Точно, – ответил он и попытался платком промокнуть алое пятно на белой ткани.

- О, как же это неприятно!

- Не переживайте, Элис. Ничего страшного.

- Как ничего страшного? Как же вы предстанете перед гостями? Вам нужно срочно переодеться. Пойдемте, я все устрою. – Она потащила Алексея за рукав из гостиной, проводила в ванную комнату на втором этаже.

- Ждите здесь. Я принесу вам другую рубашку. Ждите.

Глебов поймал ее за ручку:

- Вы прекрасно выглядите, Элис.

- И вы хотите поцеловать меня? – прошептала она, улыбаясь.

- Несомненно. – Глаза Алексея остановились на ее губах. – Но я боюсь размазать вашу помаду.

Элис рассмеялась:

- Лучше я вернусь к гостям, мистер Астер.

- А как же рубашка?

- Я пришлю к вам кого-нибудь из слуг.

Глебов вздохнул:

- Вы разбиваете мне сердце!

Элис вновь рассмеялась. Затем приблизилась к Алексею вплотную и прошептала:

- Через пятнадцать минут я буду ждать вас в саду. Приходите.

Она кокетливо улыбнулась и выпорхнула из ванной комнаты.

Убедившись, что Элис ушла, а коридор пуст, Глебов быстро прошел к кабинету президента. Ключом – дубликат он сделал заранее - открыл дверь, вошел и аккуратно прикрыл ее за собой. Не зажигая свет, двинулся к стене с тайником, снял картину. Принялся за дело. Вскрыл сейф. Быстро осмотрел со-

держимое. Нужных документов внутри не оказалось. Алексей чертыхнулся. Но они ведь точно были здесь! Неужели Рузвельт уже передал их своему человеку?

Глебов закрыл сейф, вернул картину на место, и, проводя рукой по волосам, осмотрелся. Затем принялся обыскивать стол. Вскрыть отмычкой простейший замок не составило труда.

В столе, среди прочих бумаг, он обнаружил конверт, подписанный «От мистера Смита», который его заинтересовал. К счастью конверт был вскрыт, и не пришлось заморачиваться по поводу того, чтобы не оставить после себя следов. Внутри оказалась квитанция от сего дня, в которой указывалось, что на вокзале Нью-Йорка была арендована камера хранения. На обороте подпись рукой «Дело сделано. Ждем указаний».

Алексей задумчиво потер подбородок. Документы должны быть там. Возможно они там. Он вернул квитанцию и конверт на прежнее место, запер замок. Затем убедившись, что оставил все как прежде - до своего прихода, осторожно выглянул в коридор. Из ванной комнаты, где должен был находиться в данный момент Алексей, вышла Мэри с чистой рубашкой в руках. Она хлопнула дверью и зашагала по коридору, сердито поджав губы. Когда она стала спускаться по лестнице, Глебов выскользнул из кабинета, повернул ключ в замке и, обернувшись, столкнулся с Мэри.

- Что вы здесь делаете?

- Конечно же, жду вас, Мэри, – улыбаясь, Алексей сделал шаг к ней.

Мэри отступила на шаг назад. После того, как он стал встречаться с Элис, с Мэри он порвал отношения – за это она его недолюбливала. Поэтому презрительно произнесла:

- Вы роетесь в чужих комнатах?

Алексей рассмеялся, оперевшись рукой о стену рядом с ее головой. Затем наклонился к ее лицу:

- Ты хочешь сказать, что я вор? – спросил он заволаживающим тоном. Взял ее за кисть, прижал к своей груди: - Тогда обыщи меня. Может быть, что-то найдешь...

- Ну нет... - Она не успела закончить, Глебов припал к ее губам, опалив их жарким долгим поцелуем.

Мэри сдалась очень быстро, обхватила его за шею, крепко прижавшись к нему всем телом. Целуя девушку, Алексей, тем не менее, слышал шаги на лестнице. Скандальчик – то, что сейчас надо!

Мэри первая оттолкнула Глебова, заметив кого-то за его спиной, отвесила пощечину и бросилась бежать.

Потирая щеку, Алексей обернулся и увидел перед собой Элис и ее отца. На лице президента отразилось торжество, лицо же его дочери было бледным, губы плотно сжаты, а глаза предательски блестели от навернувшихся слез. Но Элис к чести взяла себя в руки, высоко вздернула подбородок и высокомерно произнесла:

- Мистер Астер, вы не желанный гость в этом доме.

Она отступила в сторону, давая ему проход. Отец в знак поддержки сжал ее руку.

Алексей сделал шаг к лестнице, на мгновение остановился рядом с девушкой, но сдержался от извинений, и пошел прочь. Не время для сантиментов...

Делегации в Портсмуте 1905 г.

Рузвельт нагнал Глебова, когда он вышел из дома.

- Преподобный¹!

Алексей обернулся. Рузвельт сбежал по ступенькам и быстрым размашистым шагом приблизился к нему.

- Мистер президент?

Рузвельт протянул ему конверт:

- Примите в знак благодарности.

Глебов лишь кинул взгляд на конверт:

- Не стоит, мистер президент. Я поступил так, как и обещал вам при нашей первой встрече.

- Однако вам пришлось поступиться принципами, преподобный...

Алексей прервал его:

- Элис - хорошая девушка. Я надеюсь, что не напрасно уступил вашим уговорам.

- Горькое разочарование послужит для Элис уроком, и она не будет столь опрометчива, - сухо ответил Рузвельт. - Здесь чек, преподобный. Для вашего будущего прихода – существенная материальная помощь.

- Я не могу принять.

Рузвельт помолчал:

- Ну что же, - он убрал конверт в карман, - прощайте.

- Прощайте, мистер президент.

* * *

Коляска, в которой сидел Глебов, выкатила за пределы владений Сагамор-Хилл и устремилась в сторону гостиницы.

¹ Прим. автора: «Преподобный» - одно из возможных устных обращений в США к любым христианским священнослужителям.

Возничий, которого приставил к Алексею Ламерье, должен был проследить за его возвращением - Огюст опасался, что Глебов скроется, заполучив документы.

Возница всю дорогу молчал. Да и Алексею не было до него никакого дела. Он задумчиво смотрел на пробегающую под колесами дорогу.

Тот первый день знакомства с президентом оказался для Глебова удачным. Рузвельту уже предоставили сведения о нем, так что пришлось и дальше играть роль священника. Президент сам попросил его оказать ему услугу, а получив отказ, не погнушался пойти на шантаж. Все сложилось как нельзя лучше, и Алексей успешно исполнил свою роль. Однако документы все еще не были в его руках.

Мысли Алексея переключились на квитанцию, которую он обнаружил в кабинете президента. С огромной долей вероятности документы находятся в привокзальной камере хранения Нью-Йорка, и необходимо, как можно быстрее, их оттуда забрать. Жаль, что не удалось обнаружить ключ. А еще, его ожидало дело в гостинице. Вот только нужно до нее добратся...

Когда их коляска, мчащаяся по проселочной дороге, преодолела открытую местность и въехала в лес, впереди показался всадник. Ехал он неторопливо. Вначале Глебов не узнал его, когда же седок приблизился ближе, Алексей понял, кто это. Макфлай лениво улыбался, в знак приветствия поднял руку. Их взгляды встретились...

- Гони! – крикнул Глебов возничему. – Гони, черт возьми!

Однако было поздно – Макфлай резко поднял правую руку, в которой оказалось оружие, и выстрелил.

Возничий замертво рухнул с повозки на землю. Лошади испуганно заржали, затопав копытами на месте, однако не понесли.

- Без глупостей! – предупредил Макфлай, целясь в Алексея.

- У меня нет оружия, - Глебов настороженно покосился на направленное на него дуло револьвера.

- Слазь!

Алексей подчинился.

- Руки!

Он поднял руки.

- Отдай документы.

- У меня нет документов.

- Где они?

Алексей молчал.

- Ну?

- Не вижу смысла говорить. Если скажу, ты меня убьешь.

Макфлай бесстрастно смотрел в глаза Глебова, затем сухо произнес:

- Ты создаешь проблемы, Астер. Однако нет человека, нет проблем.

Он нацелился в голову Алексея. Раздался выстрел, заставивший Алексея вздрогнуть. Макфлай, сраженный пулей неизвестного стрелка, рухнул на лошадь. Испуганное животное встрепенулось и кинулось прочь, унося мертвого седока.

Глебов присел и огляделся. Никого. Установившаяся тишина сменилась чириканьем птиц и шелестом листвы деревьев.

Алексей еще раз осмотрелся, затем вскочил в коляску и пришпорил лошадей.

* * *

Вернувшись в гостиницу и убедившись, что за ним не следят, Алексей первым делом побывал у миссис Макдауэлл, затем прошел в свой номер и стал быстро скидывать вещи в чемодан.

Вскоре в его комнату постучали. Глебов не торопился открывать. Вынул из чемодана револьвер, проверил патроны в барабане, засунул оружие за пазуху.

В дверь вновь настойчиво постучали. Алексей открыл. На пороге возникли Ламерье и его угрюмый помощник.

- Ну наконец-то! – с нетерпением обратился Ламерье к Алексею. Затем вошел в комнату, за ним следом японец.- Принесли?

- Прежде всего, я хотел бы получить деньги, - ответил Глебов бескомпромиссно.

Ламерье кивнул помощнику и тот, достав из внутреннего кармана пачку плотно перевязанных банкнот, протянул их ему.

Ламерье помахал ими перед Алексеем:

- Бумаги.

- Всею свое время. - Алексей взял пачку, снял ленту, выбросил ее и не торопливо стал считать деньги. Затем кивнул:

- Да, все правильно. – Он быстро убрал деньги в карман.

Ламерье схватил Глебова за руку:

- Документы?

Алексей улыбнулся:

- Все в порядке. Я оставил их на сохранение у портье.

Идемте.

Ламерье и японец перекинулись взглядами.

Глебов подхватил чемодан и пояснил:

- Съезжаю.

Все троим вышли в коридор и спустились по лестнице вниз. Портье на месте не оказалось. Алексей позвонил в колокольчик.

Через некоторое время вышел портье, заискивающе улыбаясь.

- Приятель, я оставил у вас небольшой сверток на хранение. Неси его. - Глебов протянул портье купюру. Тот ловко ее подхватил и мгновенно засунул в свой карманчик. Затем ушел в подсобку. Пришлось вновь ждать. Алексей взглянул на своих «сопровождающих», изобразил искусственную улыбку. Молча дождались возвращения портье, который вынес небольшой серый сверток и положил его на стойку.

Алексей протянул его Ламерье. Тот взял его, надорвал упаковку.

И тут началось движение – в холле появились полицейские, кинулись в их сторону.

- Мистер Астер? – обратился один из полицейских к Алексею. Ламерье и азиат отступили в сторону.

- В чем дело? – Глебов проявил недовольство.

- Как хорошо, что вы вовремя явились! – возвестила о своем приходе миссис Макдауэлл, спускаясь по лестнице и стуча своей тростью по застеленным ковровой дорожкой ступеням. – Иначе этот негодяй скрылся бы с моими драгоценностями!

Полицейские стали обыскивать Алексея.

- По какому праву?! – возмутился он.

Один из полицейских вскрыл его чемодан. И вот они нашли то, что искали. На дне чемодана находился мешочек, в котором оказались драгоценности пожилой дамы.

- Да, да! Они! – воскликнула она и от радости и облегчения даже прослезилась.

Полицейские скрутили Глебова.

- Мне их подкинули! Это произвол! – кричал он, когда его поволокли к выходу. Прихватили и его чемодан. Миссис Макдауэлл следовала за ними, проклиная подлого обманщика и вора.

Ламерье из окна наблюдал, как полицейские посадили Глебова в повозку, в которую помогли сесть и миссис Макдауэлл.

Когда они уехали, Ламерье отошел в сторону, облегченно вздохнул. Хорошо, что легавые не связали его с Глебовым как соучастника. Вора арестовали, но важно то, что документы теперь у них.

Ламерье вскрыл пакет и.., разразившись гневными тирадами, швырнул его на пол. На паркете рассыпались его собственные зарисовки цветов и бабочек, которые он на днях потерял...

* * *

Повозка подъехала к вокзалу и остановилась. Алексей посмотрел на миссис Макдауэлл, передал ей часть денег. Один из мнимых полицейских подал Глебову его чемодан.

- Прощайте, миссис Макдауэлл, - сказал Глебов и запечатлел на ее руке поцелуй. Затем соскочил с повозки.

- Будут идеи, обращайся, - сказала она и дала знак своим людям трогать.

* * *

США, Нью-Йорк

Глебов вышел на Нью-Йоркской станции и направился в здание вокзала. Осмотревшись и оценив ситуацию, он поправил галстук, застегнул плащ на все пуговицы, и затем твердой походкой заправского военного направился к камерам хранения. Подойдя к железной дверце нужной ему камеры, Алексей засунул руку в карман в поисках несуществующего ключа, затем в другой карман, но безрезультатно. Он повернулся в сторону дежурящего возле камер хранения охранника и, насупив брови, решительной походкой военного направился к нему. Охранник, как Глебов правильно определил – бывший военный, завидев мнимого «генерала» выпрямился и одернул китель. По его выправке Алексей понял, что произвел положительное впечатление.

- Извини, солдат, что приходится беспокоить, - твердо сказал он, подойдя к держащему руки по швам охраннику, и продолжил, чеканя каждое слово: - Произошла оказия. До отправления поезда осталось пять минут. Только что объявили. Я пришел за своим пакетом и тут обнаружил, что в моем кар-

мане дырка, ключ выпал и потерялся. А в пакете командировочное удостоверение и документация из министерства. Прошу помочь мне, так как времени осталось совсем мало.

Под уверенным и пристальным взглядом мнимого «генерала» охранник оробел, чувствуя себя виноватым в случившемся, и, как только Глебов закончил свою речь, он подозревал работника вокзала в униформе и они проследовали к камерам хранения. Когда работник вокзала открыл ключом нужную дверцу, охранник извлек – к счастью пакет, а не что-то иное – из ячейки. Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но в этот момент Глебов поднял правую руку, согнутую в локте, и тут же выпрямил ее, чем акцентировал значение поступка бывшего солдата. Тот посмотрел на его ладонь, направленную для рукопожатия, и инстинктивно протянул свою. Когда их руки соединились, охранник почувствовал хруст новенькой банкноты в своей руке.

- Большое спасибо за оперативность, - сказал Глебов.

Высвободив свою руку, он потянулся за пакетом. Охранник, испытывая противоречивые чувства по поводу долга и полученного четвертака, протянул пакет Алексею и промолвил:

- Честь имею быть вам полезным.

Глебов, резко кивнув головой, по военному цокнул каблуками, и зашагал к выходу. Он уже видел в стеклянном оконце двери лицо приехавшего на встречу Самойлова, когда услышал за спиной чей-то голос:

- Остановитесь, сэр...

* * *

США, Портсмут

Ночью Витте не спал. Самое ужасное состояние человека, находящегося на грани провала. Если Глебову не удастся выкрасть документы, то все усилия окажутся напрасными. Неужели он переоценил его? Лично его убеждали, что Алексей в этом деле будет лучшим. Но так ли это? Ждать было невыносимо тяжело. Витте привык контролировать ситуацию, а здесь всецело приходилось положиться на Алексея – авантюриста и игрока. Самойлов, который должен был принести вести, не появлялся.

Витте вышел на балкон и вдохнул ночной воздух. С моря наносило легким бризом и морской свежестью. Он так устал. Ночь стала кошмаром. Витте взглянул на месяц и... стал молиться.

* * *

Утро наступило, как казалось, очень быстро. Самойлов так и не появился. Витте с тяжелым сердцем стал собираться в адмиралтейство на заключительную встречу. Такой провал ему не простят.

Витте поправил галстук и взялся за шляпу. С минуту подержал ее в руках и когда уже собрался надеть, в дверь постучали.

- Войдите, - с замиранием сердца сказал он. Дверь открылась, и на пороге возник уставший, но спокойный Самойлов. Витте выдохнул.

- Вы вовремя. Докладывайте, - сказал он, когда полковник вошел в его апартаменты.

Самойлов сдержанно улыбнулся.

- Все в порядке, - он на ходу вынул из внутреннего кармана перевязанную стопку писем и протянул Витте.

- Слава Богу, - выдохнул уполномоченный, беря документы. – Вы добрый вестник, господин Самойлов.

- Вы знаете, Сергей Юльевич, кого нужно благодарить. Как человек разведки я впечатлен его методами работы. Нам таких людей не хватает.

- Да. Но он птица не нашего полета... Что же, пора ехать! – Витте залихватски надел шляпу. – Это конечно не поле боя, к каковым вы привыкли, но мы сегодня разобьем японцев!

* * *

США, Нью-Йорк

Глебов стоял на пирсе и, задрав голову, смотрел на чак, летающих в облачном небе. Итак, мир состоялся. Состоялся на тех условиях, которые выдвигал Витте.

Алексей засунул руки в карманы брюк. Ему так и виделось - делегация выезжает из адмиралтейства и отправляется в церковь. По всему пути их встречает толпа американцев и приветствует. «Шоу» подходит к концу. Вся публика стремится позжать русским напоследок руки – зрелище, длившееся несколько дней, доставило им массу удовольствия. Чего стоит господин Витте, который привлек их внимание и затмил президента Тедди!

- Весь мир театр, а люди в нем актеры, - процитировал Шекспира Алексей. – Точнее не скажешь.

Насвистывая веселый мотивчик, Алексей зашагал по пирсу.

Глебов не стал торопиться покидать Соединенные штаты, предпочитая отсидеться, пока все не утихнет. Ведь, возможно, его караулили в порту. Поговаривали, что и на Витте, который отправился путешествовать по Америке, готовится покушение со стороны японцев, поэтому американское правительство усилило для него охрану. Алексей же предпочел не встречаться с Витте до возвращения в Россию.

Глебов несколько дней провел в столице штатов Вашингтоне, затем вернулся в Нью-Йорк. Слежки за собой он не наблюдал.

Поселившись в одной из лучших гостиниц Манхэттена¹, Алексей побродил по его улицам и ознакомился с его особенностями. Манхэттен являлся центром Нью-Йорка, в нем сосредотачивались улицы, олицетворявшие всю суть той или иной стороны американской действительности. Уолл-стрит — был средоточием финансовой жизни, Пятая авеню — символом престижа и дорогих магазинов, Седьмая авеню — центром американской моды, Бродвей² — театральной жизни и американской индустрии развлечений. В Гринич-Виллидже³ проживало много известных людей, а Гарлем⁴ был известен национальной пестротой - здесь селились бедные еврейские и итальянские эмигранты, негритянские общины. Многие «белые» были недовольны тем, что после спада на рынке жилья с про-

¹ Манхэттен - историческое ядро города Нью-Йорка.

² Бродвэй - самая длинная улица Нью-Йорка, протянувшейся через весь Манхэттен, Бронкс и далее на север через небольшие городки.

³ Гринвич-Виллидж (Гринич-Виллидж, Виллидж) - квартал на западе Нижнего Манхэттена.

⁴ Гарлем - район в северной части Манхэттена.

шлого года в Гарлем потянулись чернокожие не только из окраин Нью-Йорка, но и из южных штатов США. Ситуация с правами чернокожих американцев оставалась напряженной... Были здесь и опасные бандитские труппы, такие как Малберри Стрит¹ и Нижний Ист-Сайд², населенные иммигрантами, беднотой и отбросами общества. Здесь орудовали банды, творящие беспредел...

В первый же день своего проживания в гостинице Глебов познакомился с весьма эксцентричной богатой американкой Дженни Меллон, которая предложила ему свою компанию для «совместного бесшабашного времяпрепровождения». С ней он посетил лучшие увеселительные места Нью-Йорка, в том числе и шумные вечеринки богатых снобов.

За день до запланированного отъезда из Америки, Дженни Меллон пригласила его на «пафосный благотворительный вечер» на яхту Морганов.

Гостей было немного, пару раз Алексей замечал Витте, но оба делали вид, что не знают друг друга. Дженни где-то пропадала, а Глебов с равнодушным видом наблюдал за происходящим. В какой-то момент его внимание привлек худощавый мальчишка-официант, который крутился рядом. Юнец уронил бокал и разлил воду на его столик.

- Прошу прощения, сэр, - пробормотал он растерянно и посмотрел на Алексея покрасневшими от слез глазами. Плакал?

¹ Малберри-стрит (букв. Шелковичная улица) — одна из улиц Нижнего Манхэттена (Нью-Йорк), центральная улица «Маленькой Италии».

² Нижний Ист-Сайд - район в юго-восточной части Манхэттена. Традиционно был иммигрантским, рабочим районом.

- Все нормально, - ответил Глебов, и мальчишка быстро стерев жидкость с поверхности, наполнил бокал водой и удалился.

Алексей выпил вина, продолжая рассеянно слушать вернувшегося за столик соседа. Он окинул ленивым взглядом гостей и его внимание вновь привлек худощавый длинный как шпала мальчишка. Тот осматривался по сторонам, явно кого-то ожидая.

Вскоре на палубе появились отец и сын Морганы и разместились за столиком неподалеку. В следующий момент юнец оказался возле них.

- Сэр! Мистер Морган! – позвал он. Морганы, которых паренёк оторвал от беседы, недоуменно уставились на него. Джон Морган обернулся к своему отцу и пожал плечами.

- Сэр, я Гарри, иногда работаю на вашей яхте, - пояснил мальчик, заикаясь от волнения.

Морган-старший кивнул и нахмурился.

- Сэр, прошу вас, помогите, сэр! Моя мать больна, сэр! Ей необходимо лечение!

- Такова жизнь, мальчик, - ответил Морган, лицо которого стало непроницаемым. Он сделал жест рукой, как будто отмахивался от назойливой мухи и повернулся к своему сыну, чтобы продолжить прерванный разговор.

- Умоляю вас, сэр! – взмолился юнец.

Морган-старший окинул его раздраженным взглядом, между тем как младший с любопытством смотрел на докучливого мальчишку.

- Если нужны деньги – заработай их, но никогда не попрошайничай! - ответил Морган категоричным тоном. – А теперь уйди, пока я тебя не уволил!

Морган-младший с усмешкой взглянул на юнца, и мужчины вновь вернулись к своей беседе. Официант постарше оттащил подростка за рукав в сторону, затем отчитал за неподобающее поведение.

Прошло полчаса, за столик вернулась Дженни и сообщила, что прибыла Элис Рузвельт в компании кавалера. Глебов попросил Дженни избавить его от знакомства с подругой, но было уже поздно – к их столику шла дочь президента, о чем-то весело беседуя с молодым респектабельным мужчиной. Но тут Элис увидела Алексея и на мгновение опешила. Он поднялся. Лицо ее стало непроницаемым холодным, когда Дженни представила их друг другу.

- Мы уже знакомы, - сказал Алексей, с легкой усмешкой смотря на дочь президента.

Дженни удивленно посмотрела на Элис.

- Да, мы знакомы, - холодно подтвердила она, затем с язвительной улыбкой посмотрела на подругу, - Сочувствую тебе, моя дорогая, этот господин чрезмерно увлекается служанками.

Дженни открыла рот, он превратился в довольно милую буковку «о», Элис же с презрительной усмешкой посмотрела на Алексея, взяла своего приятеля под руку и направилась в другую сторону. Глебов рассмеялся, поцеловал ручку ошарашенной Дженни и усадил ее рядом с собой.

- Что это было? – прикрыв ротик ладошкой, спросила она, уставившись на Алексея.

Джон Пирпонт Морган, «Джек» Пирпонт Морган

США, Нью-Йорк. Начало XX века

- Понятия не имею, - ответил он.

- Наша принцесса не в духе? – Дженни повела плечиками, затем лукаво спросила: - Ты действительно увлекаешься служанками?

Глебов рассмеялся, откидываясь на спинку стула, а Дженни продолжила:

- У меня, конечно, есть служанки. Две пигалицы – престарелые девы, две дамы пожилого возраста, три негритянки. Есть вообще-то симпатичные мужчины-слуги... не интересуешься?

- Нет уж, уволь, - ответил Алексей. Кто, кроме американок может так по-хамски предложить ему связь с женщиной? – Раз у вас, моя дорогая, такой скудный выбор, предпочту воздержаться, - ответил он и наклонился вперед, - оставьте мужчин-слуг себе.

Дженни фыркнула, покраснела, как дитя, пойманное за поеданием конфет.

- Хам!

- Развратница.

Дженни стукнула его по плечу кончиками пальцев.

- Вы несносны! Но в этом ваше очарование, - промурлыкала она.

- И вы хотите пригласить меня к себе?

- Возможно, - ее слова звучали больше как согласие, а не отказ.

- Хотите познакомить меня со своими слугами?

Дженни рассмеялась звонко и мелодично.

- И не только!

Продолжая флиртовать с американкой, Алексей все же не пропустил того момента, когда мальчишка-официант оказался возле столика, где еще недавно сидели Морганы, и, пока они отсутствовали, стянул портмоне со стола.

Деликатно отделившись от Дженни, Глебов направился в том направлении, где скрылся парнишка. Он спустился по лестнице, поплутал по закоулкам в полумраке, прежде чем натолкнулся на воришку.

- Когда крал, ты подумал о том, что Морганы сразу поймут, кто это сделал? - спросил он. Мальчишка, вздрогнув, выронил портмоне и обернулся. Бежать было некуда – он находился в закутке, из которого можно было выбраться - только лишь пройдя мимо Алексея.

- Ну, ты думал? – настойчиво переспросил Глебов, засунув руки в карманы и широко расставив ноги.

Мальчик напряженно сглотнул.

- Да, - ответил он.

- И, конечно же, понимал, что они вызовут полицию и тебя посадят за кражу?

Юнец, опустив голову, молчал.

- Я не слышу ответа!

- Да, - ответил он, шмыгнув носом. На палубу упали капли слез и расплылись темными пятнышками по идеально отполированной поверхности.

Алексей поджал губы.

- Иди и верни кошелек, и мы забудем об этом происшествии, - сказал он. Мальчишка не тронулся с места.

- Если тебя посадят, твоей матери лучше от этого не станет.

Юнец посмотрел на него полными слез глазами, затем поднял портмоне и, вынув деньги из кармана, сложил их обратно. Пока они поднимались на верхнюю палубу, Алексей шел позади парнишки на случай, чтобы он не сбежал.

На входе мальчишка в нерешительности застыл на месте. Еще мгновение и он задрожал, как осиновый лист на ветру. Глебов подтолкнул его, взглядом указал на поднос. Юнец послушно взял его, перекинул через руку белое полотенце и направился к столику Морганов.

К несчастью в это время за столик вернулись Морганы. Мальчишка застыл на месте в шаге от них. Алексей мысленно чертыхнулся, направился в их сторону, случайно задел мальчишку, высокомерно заявил ему «быть порасторопней и не мешаться под ногами». Затем, проходя мимо столика Морганов, наклонился и якобы поднял из-под стула Моргана-старшего кожаный предмет.

- Я думаю, это ваше, господа? – спросил он совершенно простодушно. Морганы уставились на портмоне.

- Несомненно, мой! – заявил Морган-старший, взял его с полным недоверием, открыл и проверил, все ли на месте.

- Надеюсь, ничего не пропало? – со смущенной улыбкой спросил Глебов.

- Да, все в порядке, - удивленно ответил Морган. – Спасибо.

- О, совершенно не за что, - Алексей улыбнулся.

Он взглянул на Дженни, которая окликнула его по имени и помахала ручкой. Морганы проследили за его взглядом.

Алексей дружелюбно посмотрел на них:

- Не буду вам мешать, господа, – затем откланялся и вернулся к ожидающей его Дженни.

После благотворительного вечера Алексей проводил Дженни до дома. Распрощавшись так, чтобы не задеть ее самолюбие отказом «выпить чашечку кофе», он вернулся к пристани. Расположившись там, где хорошо просматривалась пришвартованная яхта Морганов, Алексей закурил.

Прислуга и матросы наводили на яхте порядок. Среди них был и Гарри, который прибирался на столах, складывая на поднос грязную посуду. Прошло часа два, прежде чем мальчишка спустился на берег. Алексей последовал за ним.

Первым делом Гарри направился в пансионат, где, по всей видимости, жил и учился. Но вскоре вышел из здания, побежал в бакалейную лавку, купил молока и хлеба, затем заскочил в аптеку, откуда спустя несколько минут вышел с небольшим бумажным пакетом и быстро зашагал по улице, уворачиваясь от столкновения с вечно спешащими нью-йоркцами.

Алексей следовал за мальчишкой. Он и сам не мог понять, зачем ему это нужно – тратить время и следить за ним, но что-то в душе не позволяло ему оставить все как есть.

Вскоре Гарри свернул с людной улицы и зашагал, петляя в грязных проулках, так что Алексей стал опасаться заплутать в большом и опасном городе из-за мальчишки.

Наконец парнишка свернул в бедный квартал, где не было ни одного «белого», что сразу бросилось в глаза. Алексей с опаской осмотрелся – двигаться дальше было нельзя. Если белые американцы с пренебрежением относились к черным, к «цветным», то нужно было быть полным идиотом, чтобы сунуться к тем в кварталы, да еще в позднее время.

Его насторожило и то, что «белый» мальчишка уверенно передвигается по улице, словно бывал здесь не раз. К счастью подросток скользнул в ближайший дом и спустился вниз по лестнице на цокольный этаж. Глебов нырнул в сумрак следом за ним и едва успел заметить, как Гарри скрылся за одной из многочисленных дверей.

Подойдя к двери, Алексей прислушался. За дверью раздавались приглушенные голоса мальчишки и отчитывающей его матери. Алексей постучал, голоса стихли, затем женщина спросила:

- Кто там?

- Друг.

За дверью наступила тишина. Затем мальчишка напряженно спросил:

- Мистер Астер?

А юнец наблюдательный, раз запомнил его имя!

- Да.

- Что вам нужно?

Что ему нужно? Алексей и сам не знал, что ему нужно.

- Я хочу помочь, - наконец сказал он. Опять тишина. Спустя долгие мучительные мгновения раздался щелчок замка и дверь открылась.

На пороге стоял Гарри и впускать Алексея внутрь не торопился.

- Вам нельзя здесь находиться, - произнес он.

Алексей кивнул:

- Я понимаю. Но ты ведь можешь здесь находиться. Почему?

Мальчик растерялся, оглянулся назад, затем обернулся к Алексею.

- Мама не хочет, чтобы вы знали, - ответил он.

- Потому что твоя мама негритянка?

Мальчишка вздрогнул, вновь обернулся, напряженно вцепился пальцами в дверь.

- Я хочу помочь, - с нажимом сказал Алексей, убеждая его в правдивости своих слов.

Юнец опустил голову, затем отошел в сторону, пропуская непрошенного гостя внутрь. Алексей вошел.

Убранство помещения было убогим. На одиноком узком окне, висела застиранная занавеска, которая не могла скрыть печальный вид снаружи. Старая потертая потрепанная мебель: шкаф, две кровати, стол и три калечных стула. Серые стены, местами покрытые плесенью, желтыми водяными пятнами и трещинами. Скрашивали же безрадостную обстановку лишь три картины, копии произведений известных художников, выделяющиеся на общем фоне яркими пятнами.

На одной из кровати, Алексей увидел худую негритянку, совершенно больную, но смотрящую на него с невероятным недоверием и даже угрозой. Пока он осматривался, она молчала.

Алексей снял шляпу:

- Замечательные копии! Чьих рук дело?

- Они — мои, - раздался неуверенный ответ Гарри. Он взглянул на мать с опаской.

Глебов посмотрел в его сторону и похвалил:

- Молодец.

- Что вам нужно от моего сына? – спросила грубо женщина, но тут же закашлялась.

Когда кашель ее стих, Глебов ответил:

- Я уже сказал, я хочу помочь.

- Не верю я в бескорыстную помощь! Что вам нужно?

Алексей взглянул на Гарри. Тот стоял возле двери, опустив голову.

Глебов посмотрел на негритянку. Мальчишка ему не простит, но нужно его остановить, пока не поздно.

- Ваш сын украл сегодня большую сумму денег, - сказал он жестко.

- Гарри!

- Мама! Я не дам тебе умереть! – закричал мальчишка в ответ.

- Перестань! Ты никогда не добудешь ту сумму, которая нужна, но сядешь в тюрьму! Не для того я положила столько сил, чтобы ты мог отсюда убраться! – Она вновь закашлялась, попыталась сесть на кровати. Ей это удалось. – Не смей, слышишь, не смей этого делать!

Мальчик заплакал.

- И не смей плакать! Ты меня слышишь?! – Женщина была непреклонна.

Юнец всхлипнул, стер тыльной стороной ладони слезы с щек. Глаза его гневно горели.

- Я попросил деньги у мистера Моргана. А он сказал, научись их зарабатывать. Я сказал, что у меня больна мать и необходима помощь, а он ответил, что такова жизнь. У него столько денег, мама! Он самый богатый человек! Он просто не хочет помочь.

- Ты хочешь закончить как твой брат, Гарри? – Голос женщины дошел до шипения. Затем она повернулась к Алексею. – Вы работаете на Морганов?

- Нет. – Алексей с любопытством смотрел на нее. – Чем вы больны?

- Чахотка. Врач сказал, если не перевезти меня из города ближе к морю и не обеспечить хорошее питание и медицинский присмотр, я не доживу до зимы. Довольны?

- Вы колючая. Позвольте присесть? – Алексей не стал ждать ее ответа, сел на скрипучий стул, положил шляпу на колени. – Вы со всеми так разговариваете, или только с белыми и с Гарри, из-за того что он белый...

- Как? Белый? Черт, я и не заметила! – Женщина закашлялась, а на платке остались красные капли крови. Она быстро скомкала платок, так чтобы сын не заметил. Затем посмотрела на Гарри. – Иди к Сэму, Гарри, нам нужно поговорить с твоим гостем.

Мальчик прямо смотрел на мать, затем сжал кулаки и вышел из комнаты. Когда дверь за ним закрылась, женщина посмотрела на Алексея.

- Вы не один из тех, кому нравятся маленькие мальчики?

- Я похож на извращенца?

- Кто вас – белых – знает.

- Странно это слышать от женщины, которая родила от «белого»!

Она пристально смотрела на него некоторое время. Затем губы ее изогнулись уголками кверху.

- А ты тоже полукровка!

- Теперь я могу помочь?

- Помочь?! Эта помощь требует целого состояния. Пока я не выплачу долги, нас никто отсюда не выпустит. А проценты изо дня в день растут как на дрожжах.

- Кредиторы?

- Хуже! Думаю, это все из-за того, что Гарри – белый... Мой старший сын задолжал очень крупную сумму местной банде. Поэтому и пошел на ограбление. Теперь сидит в тюрьме. И нас никто отсюда не выпустит, пока мы не расплатимся с долгами. Предпочтут, чтобы мы здесь сгнили заживо в этой плесневелой комнатухе!

- Какова же сумма?

Женщина назвала. Алексей присвистнул.

- Вот поэтому я запретила Гарри здесь появляться. А он, дурачок, вернулся. Думаете, вам дадут спокойно покинуть квартал? Мышеловка захлопнулась, но вместо одной мышки – Гарри, в нее попало две. Завтра ваш труп найдут в подворотнях или реке.

- И что вы предлагаете?

- Ничего. Боже упаси, что-либо предлагать белым!

- Еще пару раз скажете «белый» и я начну чувствовать себя ущемленным.

- Не все же нам это чувствовать! Белые ставят себя на несколько голов выше всех остальных.

Алексей не успел что-либо ответить – дверь неожиданно открылась, и в комнату вошел темнокожий мужчина. Он кинул взгляд на Алексея, затем на женщину.

- Все в порядке, Сэм.

Мужчина закрыл дверь и прижался к ней спиной.

- Ты что творишь, сестра? Почему он здесь?

- Это ты спроси у своего племянника!

- Что ему нужно?

- Он хочет помочь.

- Помочь? – Сэм с язвительностью посмотрел на Алексея. Затем рассмеялся. – В наши края забрел аболиционист¹? Или нет, Иисус Христос! – Он ударил себя ладонями по коленкам и еще громче рассмеялся собственной шутке.

- Не богохульствуй! – предупредила его женщина и снова закашлялась.

- Но нет, Мария, это же действительно смешно. Этого парня сегодня распнут, ты же знаешь!

- Вот поэтому я и хочу просить тебя вывести его из квартала.

- Ты что, спятила?! – Сэм разозлился.

- Ты выведешь его, Сэм!

- Нет!

- Да!

- Иди к черту, сестра! – Сэм повернулся к двери, собираясь уйти.

- Я и так скоро у него буду!

Брат и сестра сверлили друг друга непреклонными взглядами. Алексей встал, нарушая тишину:

- Не беспокойтесь. Я сам найду дорогу.

- Сядь! – рывкнули они одновременно. Алексей поднял руки вверх, сдаваясь на их милость, и сел.

¹ Аболиционист - сторонник отмены рабства, в отдельных случаях - сторонник отмены какого-либо закона.

- Ты выведешь его и Гарри, - сказала женщина брату, затем повернулась к Алексею. - А ты, раз уж вызвался помочь, сдержишь слово и позаботишься о будущем моего мальчика.

- Надеюсь, ты понимаешь, на какой риск мы идем, спасая твою шкуру? - процедил сквозь зубы Сэм. – Это не ты делаешь нам одолжение, позаботившись о будущем Гарри, а оплатишь за спасение своей жизни.

- Так уж захотел Бог, Гарри родился с белой кожей. И ему не место среди нас, - продолжила Мария. – Я не обязываю тебя заботиться о Гарри всю оставшуюся жизнь. Я лишь только хочу, чтобы он смог получить достойное образование и никогда бы не вернулся в трущобы. Он смывленный мальчик, ему нужен только старт, а дальше он сам справится.

Сэм фыркнул:

- Этот мир принадлежит WASP, сестра!

- Что за WASP? – поинтересовался Глебов.

- Белые протестанты англосаксы. Элита, твою мать... А ты знаешь, как живет нам, «цветным», как они нас называют? Мы, - он кивнул на сестру, - перебрались сюда из южных штатов – из Миссисипи. Там приняты законы, по которым «цветные», а в большей степени чернокожие, отделены от белых всюду: в транспорте, столовых, отелях, больницах, в местах для жилья, даже в судах и тюрьмах. Почему моя сестра без мужа? Браки между белыми и черными запрещены и уголовно преследуются... Справедливости мы не нашли и здесь, в Нью-Йорке¹.

¹ Прим. автора: Первый США закон о натурализации, принятый в 1790 г. разрешал предоставлять гражданство только свободным белым людям, что подразумевало англо-саксонское происхождение. Их иногда называли

Глебову нечего было сказать в ответ. Когда Сэм умолк, молчание затянулось.

- Я должен по этому поводу что-то сказать? – произнес Алексей.

- Лучше молчи, - предупредила Мария. Затем обратилась к брату. – Уводи их, Сэм. Да поможет вам Иисус.

* * *

Гарри не хотел оставлять мать, но она, сыпля проклятиями, заставила его уйти. Сэм вел их темными проулками, временами останавливаясь и прислушиваясь, а затем продолжал идти.

Несмотря на все старания и осторожность избежать встречи с бандой не удалось: впереди возникла группа парней, вооруженных кто кастетами, кто битами, кто ножами; позади тоже возникло несколько бандитов.

- Эй, парни! Парни, - Сэм сделал несколько шагов в сторону банды. – Вы же меня знаете. Дайте им уйти. Можно общипать этого белого парня, но не убивать же.

- Заткнись, Сэм! – рявкнул один из банды, по-видимому, главарь, и сплюнул на землю.

- Уилл, и это говоришь мне ты? – Он сделал шаг вперед и задрал вверх рубашку, показывая на животе шрам. – Забыл, как я подставил себя под удар ради тебя?! А?

WASP – «White Anglo-Saxon Protestant» (Белый Протестант англосакс). У белых иммигрантов социальный статус был выше, чем у чернокожих, но ниже, чем у американских англосаксов.

- Вот поэтому, Сэм, я и дам возможность тебе уйти. Пациан пусть идет к матери и не высовывает из дома нос, пока я не решу, что с ним делать.

- А как же он? – Сэм кивнул в сторону Алексея.

- А мы тут немного перетрем с этим «белым». – Уилл вновь сплюнул.

Сэм захотел было что-то сказать, но Глебов остановил его:

- Послушай, Сэм, я переговорю с ними.

Тот посмотрел на него, как на полоумного.

– Ты сделал достаточно. Отойди.

Глебов отстранил Сэма в сторону и пошел к банде. В нескольких шагах от них Алексей остановился. Сэму и Гарри оставалось только догадываться, что белый говорит главарю. Уилл помахивал дубинкой, но продолжал слушать и односложно отвечать. Наконец Глебов развернулся и зашагал в их сторону. У Сэма было опасение, что иностранцу нанесут удар в спину, но банда лишь взглядом проводила непрошенного гостя.

Лицо Глебова было суровым и непроницаемым. Он посмотрел на мальчика и сказал голосом, не терпящим возражения:

- Гарри, иди к матери.

Мальчик нерешительно зашагал в сторону, оглянувшись на них, затем на парней в банде, и направился к дому.

Алексей взглянул на Сэма.

- И что теперь? – процедил тот сквозь зубы.

- Мальчик и мать останутся в заложниках, а мы добудем деньги и покончим со всем этим.

- Добудем денег? Хочешь, чтобы я поверил тебе?!

- Нет, но деньги мы добудем.

* * *

Целью Глебова стали Морганы – одни из самых богатых людей Америки.

Нью-Йоркский банкирский дом «J.P. Morgan & Co.» совместно с зависимыми от него банками в Филадельфии, Париже и Лондоне являлся крупнейшей финансовой компанией в мире. Дом Морганов обслуживал Асторов, Дюпонов, Гоггенхаймов, Вандербильтов и Рокфеллеров¹.

Как лондонские банковские компании «Rothschild & Sons» и «Barings Bank», Морганы стали частью структуры власти во многих государствах. Дом Морганов кредитовал Центральный банк Египта, финансировал железные дороги в России, способствовал обороту бразильских государственных облигаций и финансировал аргентинские проекты общественных работ. Морганы были движущей силой мощной экспансии на запад США, финансируя и курируя Западное направление железных дорог путем создания трастов. Банкирский дом Морганов контролировал поток золота, как в Штаты, так и из них.

Морганы были настолько богаты, что, с «философской» точки зрения Алексея, пришло время делиться с обделенными судьбой...

¹ Прим. Автора: Промышленный бум в США произвел на свет плеяду самых богатых и влиятельных магнатов: Рокфеллеры, Морганы, Асторы, Меллоны, Карнеги, Дюпоны, Бельмонты, Гарриманы, Гуггенхаймы, Хантингтоны, Вандербильты и другие купались в роскоши и распространяли влияние на весь мир.

Несколько дней Глебов и Сэм собирали информацию о Морганах, вели за ними наблюдение и слежку.

Морган-старший был менее доступным и более суровым и жестким, чем его сын – Джек Морган-младший. Морган-старший любил свою яхту, большую часть свободного времени проводил на ней, не перенося постоянного нытья своей жены, любил искусство и женщин, но не забывал, что женщин притягивает его сказочное миллионное состояние, но никак не внешность. На носу у миллионера увеличивался нарост, похожий на свеклу, и, не смотря на все миллионы, эскулапы излечить Моргана не могли. Но Морган всегда оставался дельцом – дельцом безжалостным и властным.

Что касается Джона Пирпонта Моргана-младшего, или Джека, как его называли, то он находился в тени своего влиятельного и сильного отца, и даже опасался его. Он был в семейном бизнесе, был женат, но, достигнув 38 летнего возраста, стал считать свою жизнь скучной, пресной. В конечном счете он увлекся игрой в покер и стал понемногу спускать деньги на ветер...

Стоя на Бруклинском мосту и наблюдая за водной гладью, Алексей думал. Итак, Джон Морган-старший любит искусство и может часами говорить о скульптурах и картинах. Джон Морган-младший – безумно увлекся карточной игрой... Времени мало. Время – деньги...

- Что ты надумал, Астер? – не вытерпел Сэм, стоящий рядом.

Алексей стряхнул невидимую пылинку на рукаве и посмотрел на него.

- Уязвимыми людей делают их слабости, - сказал он.

План в общих чертах сформировался в его голове, но для начала Алексею нужно было навестить одну «благосклонную» к нему даму.

* * *

Султан, радостно подскакивая, вилял хвостом. Глебов присел на корточки и потрепал собаку по загривку:

- Как дела, приятель?

Султан лизнул ему руку.

- Что тебя привело ко мне? – раздался позади голос хозяйки собаки.

Алексей оглянулся. Пожилая дама опиралась на трость, но вид у нее был грозный и надменный.

- Здравствуйте, моя королева, - поднявшись, произнес Алексей. – Разве вы забыли?

- Что именно?

- Вы сказали, что если у меня возникнет идея, обращаться к вам.

- Сейчас не время, - отказала она.

Глебов не собирался отступать:

- Мне нужны толковые люди, миссис Макдауэлл. В этом-то вы можете мне посодействовать?

Макдауэлл с прищуром смотрела на него, затем произнесла:

- Хорошо, если ты готов платить.

- Деньги будут.

* * *

На закрытом аукционе присутствовало не так уж много господ. Но это были очень богатые люди, которые увлечено скупали предметы настолько редкие и бесценные, что «простым смертным» коллекционерам было не по карману присутствовать на данном мероприятии.

Возле Моргана-старшего находилась его доверенное лицо, Белль да Коста Грин - молоденькая и хорошенькая, блестяще образованная американка португальского происхождения, готовая в любой момент выполнить его распоряжения. Весь антиквариат и предметы искусства, приобретаемые Морганом, проходили через ее руки.

Лот такой-то, начальная цена такая-то и так далее и так далее. Морган уже приобрел несколько произведений искусства, потратив бешеные деньги. Но в данный момент его волновали вопросы по бизнесу: многих крупных финансистов в последнее время интересовал некий принц Абу Али Джалил, точнее, его небольшое арабское государство, богатое нефтью и алмазами. В ходе ослабления влияния Османской империи завязать деловые партнерские отношения с принцем было бы чрезмерно выгодно, но царственная особа предпочитала не подпускать к своей стране иностранцев.

Аукцион подходил к концу, последний лот ушел с молотка. Морган собрался уходить, когда аукционист провозгласил:

-А теперь, дамы и господа, необычное для аукционов явление. Наша задача не продать, а купить.

В помещение внесли полотно с изображением арабского принца, на шее которого красовался украшенный драгоценными камнями амулет.

- Принц Абу Али Джалил желает приобрести находящийся в частной коллекции некий предмет, – ведущий аукциона указал на изображенное украшение, - амулет, утерянный символ государства и королевской власти. За ценой принц Абу Али Джалил не постоит. Его благодарность будет безмерной... Господа, возможно у кого-то из вас есть в коллекции данный предмет. Господа?

В зале раздалось шушуканье: кто-то шептался об амулете и безмерном богатстве принца, кто-то проявлял недовольство смуглым цветом кожи царственной особы, но утвердительного ответа на вопрос аукциониста не последовало.

- Белль, узнай все об этом амулете, - дал распоряжение Морган-старший, поднимаясь.

- Хорошо, господин Морган, - ответила она, последовав за ним.

* * *

Алексею без труда удалось организовать случайную встречу с Морганом-младшим. Это произошло за игорным столом. Пришедшая с ним Дженни представила их друг другу, что послужило началом их знакомства. Несмотря на странную привычку Астера во время игры всегда держать при себе амулет, приносящий по его словам удачу, он показался Джеку компанейским парнем, и у них завязались приятельские отношения, основой которых была страсть к игре.

Спустя два дня Алексей привел Джека Моргана в подпольное казино, где им предоставили уединенную комнату для игры в покер.

Кроме Астера и Джека Моргана за их столом сидели еще два игрока – Томас Гордон и Элиот Смит. Шла игра, пили виски, курили сигары.

Гордон оказался неудачливым игроком – его деньги планомерно переместились в карманы его партнеров по игре. Гордон злился, но продолжал игру и, в конечном счете, после незначительного замечания со стороны Моргана, сорвался и накинулся на него с кулаками. Перепуганного Джека Моргана спас Алексей: он скрутил проигравшегося в пух и прах Гордона, а затем с помощью Элиота Смита вышвырнул за пределы помещения.

Смит выругался по поводу инцидента, Глебов предложил всем успокоиться и выпить. Наполнив бокалы, один из них он протянул еще не оправившемуся от шока Моргану:

- Выпейте, Джек.

Морган выпил, затем поблагодарил Астера:

- Я вам обязан, Густав. Драки – не мой конек.

- Джек, Джек, - Алексей присел напротив Моргана на подлокотник кресла, потирая пальцами свой медальон, который держал в руке, - хочу сказать вам, что всегда нужно быть на чеку, мало ли что бывает за игорным столом. Вы хотели настоящую азартную игру, а люди здесь играют «не простые», даже опасные. Или становятся таковыми. Но, вы, я вижу, тоже не робкого десятка. В вас есть характер.

Джек нервно рассмеялся, но резко замолчал, когда увидел, что Астер вынул из-за пояса револьвер.

Глебов взвесил его на руке, затем протянул Моргану:

- Это может в какой-то момент стать вашим единственным другом, Джек.

Он сунул в руки растерянного Моргана оружие:
- Всегда носите его с собой, когда идете на игру.

* * *

Джек Морган собирался в казино, но прежде нужно было повидаться с отцом – старик хотел его видеть по поводу бизнеса.

На столе Моргана-старшего как всегда лежала куча бумаг, секретарь записывал под диктовку в блокноте распоряжения хозяина. Пока отец отдавал последние распоряжения, Джек расположился в кресле напротив. Его внимание привлек рисунок, лежащий на папке с документами.

Секретарь удалился, а Морган-старший взглянул на сына.

- Зачем он вам? – спросил Джек, указывая на рисунок.

Морган отмахнулся и нехотя ответил:

- Да так, хочу приобрести.

- Астер согласился его продать?

- Астер?

- Да, Густав Астер. Он никогда не расстается со своим амулетом. – Джек вернул листок на место.

- Послушай, сынок, сведи-ка меня с этим... Астером. Завтра днем приводи его ко мне на яхту.

Джек пожал плечами:

- Хорошо, как скажешь, папа.

* * *

Яхта покачивалась на волнах. День выдался ясным, и господа расположились за столиком на палубе. Их было трое: Морган-старший, Джек Морган и Густав Астер. Вкусная еда, дорогое виски, услужливый стюард¹, приятная легкая беседа. Говорили о предметах искусства: Морган-старший похвалился своей разнообразной коллекцией - от картин до фарфоровых ваз, Астер невзначай показал медальон, выигранный им в карты, и заверил, что он приносит удачу.

Морган-старший заметил, что не верит в магические силы предметов, но попросил:

- Могу я взглянуть на амулет поближе?

Рассмотрев предмет, он вернул его владельцу, и они продолжили беседу о предметах средневекового искусства. Джеку Моргану разговор вскоре наскучил, он извинился, сказал, что его ждут дела в банке. Астер тоже засобирался, но Морган-старший предложил ему остаться.

Когда Джек ушел, банкир завел разговор об интересующем его предмете:

- Господин Астер, я хочу приобрести у вас амулет. Я готов заплатить за него крупную сумму денег.

- Странно, господин Морган, что вы заговорили об этом. Амулет приносит мне удачу, что было не раз проверено.

- Я согласен, что амулет приносит удачу, ибо самой большой удачей будет являться та сумма, которую я вам заплачу за него.

Астер молчал.

- Итак?

- Зачем он вам? – Астер взглянул на Моргана.

¹ Стюард — официант или коридорный на морском пассажирском судне.

- Вы же знаете, я заядлый коллекционер, - ответил уклончиво банкир.

- И вы не отступитесь, пока не заполучите то, что хотите. Что ж, я могу подумать?

- О, несомненно. Только прошу, не затягивайте с ответом. Ответом, какую сумму вы хотите.

* * *

Игра была в разгаре. Играли в том же помещении подпольного казино, тем же составом, за исключением Гордона. Морган-младший выигрывал. Наконец, Алексей, устало потерев глаза, объявил, что амулет не приносит былой удачи, и что хотел бы ненадолго прерваться, а затем покинул комнату. Смит потянулся, заметил, что не прочь еще промочить горло, и занялся откупориванием бутылки коньяка.

Джек Морган самодовольно хмыкнул, прошелся по комнате, чтобы размять ноги, затем взял предложенный бокал. Дверь вдруг резко распахнулась, с силой ударилась о стену, так что посыпалась штукатурка, и на пороге возник пьяный и неопрятный Томас Гордон.

Гордон уперся пьяным взором на Элиота Смита и Джека Моргана.

- Ты обокрал меня, пузатая свинья! – завопил он и затем, пошатываясь, ринулся к Джеку. Морган обомлел, бокал выпал из его руки. Смит преградил Гордону путь, пытаясь успокоить, ухватил его за плечо. Все произошло очень быстро: Гордон дернулся, затем в его руке блеснуло лезвие ножа, и он ударил Элиота Смита в живот. Тот согнулся пополам и рухнул на пол. Под ним стала растекаться лужа крови.

- Ну, сука, - уставившись безумным взглядом на Джека, прошипел Гордон, - держись!

Он крепче сжал окровавленный нож и ринулся к Моргану. Джек отступил назад, бледный как полотно, и огляделся в поисках спасения и защиты. Астер куда-то запропастился. И тут Морган вспомнил о револьвере. Он отступил в сторону от надвигающегося на него Гордона и выхватил из-за пояса оружие.

- Не подходи! – закричал он, наводя его трясущимися руками на Томаса.

- Ах, ты, тварь! – разозлился тот еще больше и бросился на него. Раздался выстрел, затем второй. Гордон качнулся, отступил назад и уставился на свою окрасившуюся кровью рубашку, затем посмотрел широко раскрытыми глазами на Моргана. Нож выпал из его руки и, упав на паркет, звякнул. Затем Гордон еще раз качнулся и рухнул на пол.

В наступившей тишине быстрые шаги приближающегося Астера показались оглушительно пугающими. Глебов выхватил из рук Моргана револьвер, склонился к Гордону, под которым образовалась кровавая лужа. Прикоснулся к его шее, проверить пульс.

Посмотрел хмурым взглядом на Моргана:

- Пульса нет.

- Что... Что теперь? – неуверенно и слабо пробормотал Морган, смотря не на Алексея, а на мужчину, вошедшего вместе с ним.

Алексей выпрямился, передернул плечами.

- Делай что-нибудь, это ведь ты сделал!

- Астер, я тебя умоляю, помоги! – завопил Морган-младший, хватаясь руками за голову.

Алексей молча прошел к Смиту, осмотрел. Взглянул на незнакомца, затем на Моргана:

- Тоже мертв. Черт, нужно вызывать полицию!

- Нет! Нет, только не полицию! – Джек пришел в еще больший ужас. Если узнают об этом, всему придет конец: и карьере, и деньгам, всему!

Алексей плеснул виски в бокал и сунул его в руки Моргана:

- На, выпей!

Джек Морган с трудом поднес трясущийся в руках бокал ко рту.

Глебов взглянул на незнакомца:

- Что будем делать?

Тот неопределенно пожал плечами:

- Скверное дело, но проблему решить можно. Нужно хорошо заплатить ребятам, чтобы они все здесь почистили.

- Да, да, я заплачу! – ожил Морган. Сразу потянулся к портмоне, трясущимися руками стал вынимать деньги.

- Не скупись, все отдай, - посоветовал Алексей. Забрал портмоне из рук Джека и бросил его незнакомцу. Тот поймал, заглянул внутрь, кивнул и сунул себе во внутренний карман. Затем вышел. В комнате наступила тишина, лишь тикали настенные часы, и глухо звучали музыка и голоса из главного зала.

- Джек, иди в машину. Встряхнись, у тебя вид, как у мертвеца.

Морган вздрогнул. Его губы задрожали. Он затравлено посмотрел на Глебова.

- Только дождись меня, понял?

Морган, словно за ним гнались черти, кинулся к выходу.

Прошла минута. Глебов выглянул в коридор, затем закрыл дверь и повернул в замочной скважине ключ. Обернулся.

Смит и Гордон, посмеиваясь, поднялись с пола.

* * *

Прошел день, прежде чем Глебов заявился к Джеку Моргану. Тот сидел в своем кресле, но вид у него был отнюдь не веселый.

- Плохи дела, Джек, - заявил Алексей с ходу. - Кто-то наверху слышал выстрелы. Стукнул полиции. Они начали следствие. Назавтра вызывают какого-то свидетеля. У тебя есть знакомые легавые, ты водишь дружбу с прокурором. Ты должен замять это дело, пока не поздно. Я пас.

Морган побледнел:

- Если ты захочешь сдать меня полиции, Астер, знай, у тебя нет ни единого шанса. Во-первых, соучастие в преступлении. Ты молчал об убийстве, а должен был сообщить сразу. Во-вторых, это ты дал мне оружие!

Алексей поморщился.

- А-а, вот как ты запел?! – протянул он, нависая над Морганом. Вид его был устрашающим, опасным.

Морган струхнул. Сжавшись, он исподлобья взглянул на Алексея:

- Извини, Астер, я не то имел в виду. Я с ума схожу от того, что случилось.

Алексей отступил от него:

- Знаешь, Джек, у тебя кишка тонка! Решай-ка свои проблемы сам.

- Нет, постой! Астер! – Морган уцепился в его рукав. Глебов остановился. – Ты ведь поможешь мне?

Алексей повел бровью:

- Помочь?

- Да, Астер, я тебя прошу, сделай все возможное! Я денег дам, сколько нужно. Только не надо, чтобы меня хоть как-то касалось случившееся. Я не хочу разговаривать по этому поводу с прокурором и вообще с кем бы то ни было. Я умоляю тебя, Астер!

Глебов высвободил свою руку:

- Ладно. Постараюсь что-нибудь сделать. А ты сиди в загородном доме и не высывайся, пока я не появлюсь.

* * *

Как человек богатый и влиятельный, Джон Пирпонт Морган-старший считал, что это к нему должны являться по первому зову. И потому расценил, как безмерную наглость приглашение Астера встретиться у него в номере. Однако для такого дельца бизнес был прежде всего, и Морган незамедлительно направился к нему в гостиницу.

Когда Морган вошел в его номер, Астер просматривал газету.

Они поприветствовали друг друга, пожали руки, Астер предложил Моргану присесть.

- Итак, господин Астер, сколько вы хотите? – начал сразу с дела бизнесмен.

Астер назвал сумму в целое состояние. Морган молчал.

- Заметьте, я не спрашиваю, для чего вам сдался именно мой амулет. Мне, по крайней мере, он приносит удачу.

- Я согласен, - ответил Морган, вставая. - Мой специалист проведет оценку и определит подлинность предмета. Встретимся завтра.

На этом и разошлись. После встречи с Астером, Морган распорядился секретарю связаться с представителем принца Абу Али Джалила.

* * *

Встреча должна была произойти в самом фешенебельном отеле Нью-Йорка. Моргана встретил помощник и переводчик принца и проводил его в апартаменты.

- Мистер Морган, будьте любезны подождать. Принц вскоре будет, - произнес он на ломанном английском, предлагая Моргану присесть.

Тот опустился в кресло, но не успел он осмотреться, как в комнату вошли два амбала-телохранителя - чернокожие в черных шароварах и рубашках с кривыми саблями на поясах, расступились, и Морган увидел принца - в золотой маске на лице, белом одеянии и драгоценностях он величественно вошел в комнату.

Морган поднялся. Тем временем переводчик, подобострастно поклонившись принцу, что-то пролопотал на своем языке и обернулся к Моргану.

- Мистер Морган, имею честь представить вас наследнику Его Величества короля Майсула Абу Али Джалила Седьмого Храброго, принцу Абу Али Джалилу Неуязвимому.

Морган слегка склонил голову в вежливом поклоне. Принц кивнул и жестом указал Моргану на кресло, сам же царственно опустился в кресло напротив. Охранники встали рядом с ним, положив руки на рукоятки сабель. Их лица сохраняли бесстрастное каменное выражение. Морган посмотрел на принца – сквозь прорези маски на него смотрели темные холодные пронизательные глаза.

Принц заговорил четко и уверенно на непонятном Моргану языке. Когда он замолчал, переводчик начал переводить:

- Его Высочество Абу Али Джалил, узнав, что вы владеете информацией об амулете, решил лично встретиться с вами, мистер Морган.

- Скажите принцу, что для меня честь встретиться с ним лицом к лицу, - сказал миллионер и кашлянул. Переводчик смешался, но передал слова принцу. Тот кивнул, заговорил, переводчик перевел:

- Принц сказал, чтобы вас не смущала его маска – никто не вправе лицезреть Его Величество дабы не потерять свою голову. Таковы наши законы.

Пояснив, переводчик вежливо поклонился, прижав руку к груди. Принц вновь заговорил и переводчик продолжил:

- Принц хочет знать, где амулет и что вы за него хотите.

- Прежде всего, я хотел бы удостовериться, действительно ли это тот амулет, который разыскивает Его Высочество. Мне не хочется подавать принцу ложных надежд, не будучи до конца уверенным в том, что могу принести ему пользу.

Переводчик открыл было рот, чтобы заговорить, но принц махнул рукой и произнес жутко коверкая слова:

- Амулета – символ власти в наша страна. Старшая сына в семье должна хранить его до восшествия на престола. Можешь сохранить амулета – можешь сохранить свою властя. Моя воля суров. Когда амулета была утерян, ее хранитель была оторван голова. – Принц ожесточено хлопнул кулаком по ладони, а на его пальцах заблестели золотые кольца с драгоценными камнями.

- О, - Морган потер подбородок.

- Но мой охрана зная амулета, - принц кивнул на одного из своих охранников. – Он пойдет с тобой.

Принц тут же дал указание охраннику на своем языке, затем посмотрел на Моргана и, коснувшись рукой своей груди, произнес:

– Если амулета будет моя, проси, что хочешь.

Морган улыбнулся:

- Его Высочество, позвольте сделать мне для вас такую малость.

Принц помолчал, затем кивнул:

- Ты будешь для меня первым человека среди других. Клянуся своимя предками.

Сказав, он поднялся. Затем кинул пару фраз переводчику, кивнул Моргану и вышел в сопровождении одного из охранников.

- Мистер Морган, Его Высочество сказал, что сказанное под угрозой смертной казни должно остаться тайной. И еще, он хочет видеть амулет к вечеру.

- Что?!

Переводчик припал на колено и склонил голову:

- Я не хотел разгневаться, покорнейше простите!

- Но принц так сказал?

- Да.

Морган перевел дыхание. Его взгляд упал на охранника принца, сохраняющего бесстрастный каменный вид. Покрутил массивное кольцо на пальце. Что же, придется терпеть выходки этого восточного тирана ради своей цели. Принц сдержит слово и сделает для него практически все, если он вернет ему амулет. Майсул, хоть и маленькая страна, но очень полезная для бизнеса Морганов. А ради этого стоит потерпеть выходки наследника престола. Тем более известно, что его отец очень болен и скоро умрет.

Морган взглянул на переводчика, который до сих пор стоял перед ним с преклоненным коленом.

- Передайте принцу, сегодня вечером я привезу амулет. И пусть ваш охранник оставит оружие здесь, я не хочу, чтобы он разгуливал с ним по городу.

* * *

Передав Моргана-старшего «охраннику» - Сэму, Глебов «сменил» облик принца на облик Астера и направился к Моргану-младшему.

Алексей явился к Джеку Моргану в загородный дом как раз вовремя: в холле стояли чемоданы – их хозяин собирался уезжать, по всей видимости, довольно далеко. Выглядел Морган-младший весьма потрепано и уныло.

Как только слуга оставил их наедине, Алексей заявил:

- Полицейские нашли труп Гордона!

У Моргана подкосились ноги, Глебов же успел подхватить его под локоть.

– Но ты не отчаивайся, Джек. Один мой приятель готов уладить дело. Он знает парня, которого на днях взяли за двойное убийство. Так вот, он с ним перетер, то есть, поговорил, и тот согласился взять на себя и это убийство. Одним больше, одним меньше. - Алексей сделал паузу, чтобы Джек смог переварить свалившуюся на него информацию – от страха тот туго соображал. - Но парень хочет, чтобы позаботились о его семье. То есть нужны деньги. Легавый, занимающийся делом, тоже согласен – мой приятель договорился. Но, как ты понимаешь, не бесплатно... Ты понимаешь, о чем я, Джек? Я говорю о больших бабках. Пришлось соглашаться НА ЛЮБЫЕ суммы. Ты ведь меня заверил, что ДЕНЬГИ будут.

- Да, да, - закивал головой Морган и с потеряннм видом вынул чековую книжку.

Глебов его остановил:

- Эй, постой. Только наличкой.

Джек заморгал, спрятал книжку:

- Да, да. Сейчас. Сколько?

Глебов назвал сумму, равноценную той, что запросил с Моргана-старшего. Морган-младший оцепенел.

- Сейчас я могу дать только половину, - наконец произнес он, - ту сумму, что есть у меня в сейфе. Остальное, может, завтра?

- Деньги нужны сегодня...- Глебов будто задумался, затем махнул рукой. – Хорошо, остальное можешь выписать чеком...

Когда деньги и чек оказались у Глебова в руках, уходя, он взглянул на чемоданы:

- Джек, тебе действительно нужно на время уехать. Куда-нибудь подальше. Пока дело не разрешится. Отдохнешь, успокоишься, обо все забудешь... Тебе это сейчас ой-как нужно...

* * *

Портье в гостинице сообщил Глебову, что его уже давно дожидается мистер Морган. Алексей поблагодарил и попросил направить мистера Моргана к нему в номер, а сам поднялся к себе. Спустя какое-то время в дверь его номера постучались. На пороге стоял Морган-старший с негром в восточных шароварах и рубаше, повязанной красным поясом. На мгновение их взгляды встретились, губы Сэма дрогнули, но на лице Алексея сохранилось прежнее выражение.

Он поприветствовал Моргана и пригласил войти.

- Готов предположить, что вы пришли по поводу амулета, - сказал он, когда его гость расположился в кресле.

- Да, вы правильно предположили, мистер Астер. И этот... установит подлинность амулета. – Он кивнул в сторону негра, стоящего позади него.

Алексей заметил искорку гнева на лице Сэма, но тот сдержался.

- Но где же деньги?

- Мой секретарь должен вскоре привезти их.

- Что ж, давайте подождем. Не желаете ли выпить? Виски, коньяк?

- Виски.

Алексей направился к буфету. Достал бутылку и бокалы, посмотрел в отражение в зеркале. За спиной хорошо было видно и Моргана-старшего, которому было неудобно сидеть в узком для него кресле, и лицо презрительно смотрящего на него Сэма. А ведь Морган может увидеть в отражении то же самое. Черт, Сэм не осторожен!

Алексей вернулся с бутылкой и бокалами к Моргану и предложил ему пересесть на более удобный диван. Морган согласился и с удовольствием пересел.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем в дверь постучали.

Алексей открыл дверь – на пороге стояла секретарь мистера Моргана - фанатично ему преданная мисс Белль да Коста Грин - с саквояжем в руках.

Глебов улыбнулся молодой женщине и услужливо пропустил ее в номер.

- Что же, мистер Астер, время показать нам амулет, - сказал Морган, отставляя бокал в сторону.

- Непременно, - Алексей расстегнул ворот рубашки, снял с шеи амулет. Затем положил его на столик. Охранник принца приблизился к столику, встал на колени и некоторое время смотрел на предмет, не прикасаясь к нему. Затем пал ниц и, склонив голову и сложив ладони, начал что-то громко бормотать.

Алексей с любопытством смотрел на него.

- Итак, это то, что вы ищите, мистер Морган? – спросил он.

Банкир не ответил, охранник поднялся, на его лице вновь было бесстрастное выражение. Он посмотрел на Моргана, кивнул и отошел в сторону.

Морган жестом подозвал помощницу, и она протянула саквояж Алексею. Он поставил его на стол, заглянул внутрь. Убедившись, что там деньги, Алексей взглянул на присутствующих. Сэм с явной заинтересованностью пялился на него и саквояж, Морган ждал, а мисс Грин пыталась что-то разглядеть за плечом Алексея. Черт, опять это зеркало!

Он с улыбкой шагнул к ней навстречу, встав перед ней довольно близко. Она широко распахнула глаза, в которых отразилось недоверие.

- Мисс, ваш босс ждет, - сказал Глебов с чарующей улыбкой и вручил ей амулет.

Она ретировалась, отступив назад, и передала предмет Моргану. Он бережно обернул его платком и спрятал во внутреннем кармане. Затем поднялся.

- Что ж, приятно было иметь с вами дело, - сказал Алексей, протягивая ему руку.

- О, да, это дело обошлось мне в крупную сумму, - рас- смеялся Морган, обмениваясь рукопожатием.

- Что ж, что-то теряешь, что-то находишь, - философски заметил Глебов.

Когда «гости» ушли, он быстро собрался, вышел через черный ход на улицу, где его ждал нанятый экипаж. Вскочив в экипаж, он сказал извозчику, что заплатит вдвое больше, если тот доставит его до нужного места в два раза быстрее. Экипаж сорвался с места и помчался по мостовой.

* * *

«Переводчик принца» ждал Глебова у входа. Алексей, на ходу скинув ему на руки пиджак, прошел в спальню.

- Они приехали? – Он сбросил жилет и рубашку, стал наносить кремовую коричневую краску на лицо, шею и руки. Переводчик уже протягивал расшитый золотистыми узорами восточный наряд.

- Да. Звонил портье минуту назад. Они поднимаются. Алексей кивнул, переодеваясь.

В дверь постучали.

- Иди, открывай. Займи их чем-нибудь. И отправь ко мне Сэма.

Переводчик кивнул, направляясь к выходу из спальни.

Алексей взглянул на себя в зеркало, проверяя все ли, как положено, поправил длинноволосый парик, затем открыл саквояж и принялся выкладывать деньги на серебряный под- нос.

В комнату осторожно постучали, и в дверном проеме возник Сэм. Прикрыв дверь, он подошел к столу. Его взгляд остановился на деньгах, которые совсем недавно получил от Морганов Алексей.

- Что ты собираешь делать? – спросил он с подозрением.

- Когда я подам сигнал, ты должен будешь поднести поднос с деньгами к Моргану.

– Собираешься отдать их толстосуму?! Ты что, белый, спятил?!

- Я знаю, что делаю.

Сэм схватил Алексея за рукав:

- Деньги уже у нас! Не проще было бы...

- Нет. Тебе придется довериться мне.

Некоторое время они безмолвно смотрели друг на друга. Наконец Сэм убрал руки от Алексея и нехотя отступил назад.

Алексей стал одевать маску.

Сэм опустил на стул, вновь уставившись на банкноты.

- А если Морган возьмет деньги, что тогда?

- Не возьмет. Ему нужно от принца больше, чем эта «подачка». А так мы выиграем время – время, в течение которого нас никто не будет искать... Пока Морган не поймет, что его обманули.

* * *

Морган при виде принца поднялся с места, его примеру последовала мисс Грин. Принц вновь «царственно воссел» в кресло, а мистер Морган, присев напротив, торжественно передал платок с амулетом переводчику, который на вытянутых руках с благоговением протянул его принцу.

Его Высочество развернул платок, и амулет предстал на всеобщее обозрение – слуги принца преклонили колени, почтительно опустив головы. Принц, взяв амулет в руки, коснулся им своего скрытого маской лба, что-то забормотал, и только лишь после этого подал сигнал охраннику. Тот поднес инкрустированный драгоценностями ларец, принц бережно положил амулет внутрь на пурпурный бархат. Затем закрыл, повернул ключик в замке и передал ларец охраннику.

- Я хочу отблагодарить вас, - принц жестом подал сигнал. Подошел второй охранник с подносом, на котором лежали деньги.

Морган взглянул на купюры и, повернувшись к принцу, улыбнулся.

- О, нет, Ваше Высочество. Ваша дружба – вот, что для меня имеет значение. Возвращая вам амулет – я хотел заслужить ваше доверие.

- Тебе не нужна деньга? Хорошо. Проси, что хочешь. – Принц сделал широкий жест.

Морган улыбнулся:

- Что может пожелать такой маленький человек, как я? Только то, что позволит его бизнесу расти и развиваться.

Принц величественно откинулся на спинку кресла.

- Принц Абу Али Джалил всегда держит свое слово. Говори...

* * *

На следующий день перед отъездом Алексей встретился с Сэмом и передал ему значительную часть денег.

Сэм присвистнул, увидев сумму:

- Ни черта себе!

- Оплатишь долги семьи Гарри и постарайся вылечить сестру. И на жизнь останется.

Сэм спрятал деньги за пазухой. Алексей махнул проезжающему мимо извозчику, и тот остановил коляску рядом с ними.

- Белый, все-таки, почему ты нам помог?

Глебов пожал плечами и прежде чем сесть, сказал:

- Помог да помог, что из того... Прощай.

* * *

Когда Глебов садился в готовящийся к отплытию пароход, то на пристани он заметил двух японцев и Ламерье. Увидев Алексея, они стали пробираться через толпу в его сторону. Алексей осмотрелся, готовясь к отступлению, но в этот момент на пути преследователей оказались несколько парней в серых костюмах. Пару минут хватило на задержание, после чего японских шпионов отвели в сторону. Глебов видел, как обернувшийся Ламерье, которого уводили под руки, с ненавистью и злобой посмотрел на него.

Алексей поднялся на палубу. К нему подошел помощник капитана, поприветствовал и передал небольшой конверт.

- Это для вас. — Он вновь коснулся пальцами козырька и направился встречать очередного гостя.

Глебов вскрыл конверт. На его ладонь выпал перстень.

Алексей вздохнул, развернул записку, хмыкнул.
«Впечатлена грандиозной игрой. Признаю мастера дела».

Алексей повертел перстень в руках:

- Эх, вы, миссис Макдауэлл...

* * *

Сентябрь 1905 г. Англия, Лондон

Алексей первоначально не узнал человека, который разместился за столиком поблизости. Мужчина был в экстравагантном костюме, какие можно было наблюдать в журнале «Мужские моды»: клетчатом пиджаке, брюках-гольф с полосатыми гетрами, оранжевых ботинках на толстой каучуковой подошве. «Модник» снял со своих смоляных модно подстриженных волос кепку с кнопкой и большим козырьком, затем положил на стол трость с серебряным набалдашником. К нему подошел гарсон, что-то произнес, и мужчина на повышенных тонах ответил ему. Вот тогда Глебов узнал его. Отец Гапон! Да неужели?

Алексей откинулся на спинку диванчика и стал с любопытством рассматривать бывшего попа. Да, священника было не узнать. Какие метаморфозы!

Гапон явно ждал кого-то и этим кем-то оказался Пинхас Рутенберг. Священник встретил гостя по-дружески: встал, хотел обнять, но Рутенберг лишь кивнул и устало плюхнулся на стул.

Алексей раскрыл меню, расположив его перед своим лицом, так, чтобы его не заметили, и стал читать по губам.

- Мы с тобой сейчас позавтракаем, - засуетился Гапон, жестом подзывая официанта, и сел на прежнее место. – Вслась поговорим, а то мне тут не с кем словом перекинуться!

Рутенберг промолчал. Гапон продолжил говорить:

- Между прочим, я знал, что ты приедешь.

- Откуда? – удивился Рутенберг, оторвавшись от меню.

- А разве тебе не интересно знать про оружие? – Гапон явно был доволен собой.

Подошел гарсон, Рутенберг сделал заказ. Когда официант удалился, он спросил:

- Так что с оружием?

- «Джон Крафтон» вышел в Ла-Манш, где в море на него было перегружено оружие с другого судна. Теперь пароход отправился к берегам Финляндии. А оттуда - в Петербург, к рабочим.

- Откуда у тебя деньги на оружие, Георгий?

Гапон смутился, но быстро взял себя в руки.

- Ты же знаешь.

Рутенберг махнул рукой:

- Да, да, ты говорил, что спонсировали англичане и японцы. Но все же, Георгий, скажи, где ты взял остальные деньги?

- Ты мне не веришь? – Гапон рассердился. – Петр, ты знал меня в разных обстоятельствах, мы с тобой через многое прошли. Поверь и сейчас, я делаю большое дело, и любые средства, где бы я их не взял, послужат нашему общему делу. Даже если ваши партийные выскочки-умники не верят этому.

Рутенберг усмехнулся:

- Ты сейчас о ком, о Валентине или о Павле Ивановиче?

Гапон встрепенулся:

- Да хоть бы и о них!

- Ну, ну, - с иронией пробурчал Рутенберг, чем еще больше обидел Гапона.

Их прервал гарсон, принесший заказ. После того как он, расставив блюда, удалился, они принялись за еду.

- Когда ты возвращаешься в Париж? – Гапон взглянул на друга.

- Завтра, - не отрываясь от еды, ответил Пинхас.

- Увидишься с Валентином и Павлом? Можешь не отвечать, знаю, что увидишься. Можешь передать им мои слова. Пусть знают, что я делаю.

Рутенберг промолчал. Когда они переключились на ничего не значащую беседу, Алексей расплатился и вышел на улицу.

* * *

На улицы Лондона уже опустился вечер. Город окутывал влажный промозглый туман. Алексей невольно поежился, вынул портсигар и закурил сигару.

Итак, опять все те же лица. Гапон, Рутенберг, «Валентин», то бишь Азеф, и Павел Иванович, он же Савинков. И все друг друга знают, что и следовало предполагать.

Глебову вспомнилось его давнее видение – Рутенберг с группой рабочих надвигаются на испуганного Гапона, он кричит.

Алексей передернулся. Швырнул недокуренную сигару в урну. Он намеревался вернуться в Россию через несколько дней, но Азеф и Савинков... Эти господа в неоплатном долгу перед ним – оба покушались на его жизнь.

На пороге ресторана возник Рутенберг. Алексей поглубже натянул шляпу. Благо туман был густой и маскировал все и вся кругом, так, что невозможно было что-либо разглядеть.

Рутенберг поежился, порылся в карманах, вынул пачку папирос, поискал спички, но не найдя, чертыхнулся. Оглядевшись, он направился в сторону Алексея.

- Прошу прощения, у вас прикурить не найдется?

Глебов, не поднимая головы, чиркнул спичкой, прикрыв огонек ладонями, чтобы не погас. Рутенберг наклонился, чтобы прикурить, заслонил трепещущий огонек рукой. Его пальцы на мгновение коснулись ладони Алексея и...

Вспышкой пронеслось видение – Гапон болтается в петле, рабочие, сплевывая от презрения, расходятся, а Рутенберг смотрит на тело священника...

Пинхас отшатнулся от Алексея, всматриваясь в его лицо. Папироса выпала из его рук.

- Кто ты? – просипел он. – Кто?

Алексей приподнял голову, взглянул на него. Рутенберг отступил назад, затем развернулся и побежал прочь.

* * *

Возвратившись в гостиницу, Алексей стал паковать вещи с твердым намерением вернуться в Россию. Рутенберг сбежал, по всей видимости, напуганный видением, каким-то образом переданное ему от Алексея. Гнаться за ним не было смысла. Что ж, не судьба поквитаться с Азефом и Савинковым.

Сбросав вещи в чемодан, Глебов прошел к окну. Уставившись на затянутые густым туманом улицы, он задумчиво потер подбородок. Завтра утром он сядет в поезд и отправится в путь. Через несколько дней прибудет в Россию. Первым делом встретится со своим поверенным, а затем... Затем он должен увидеться с Лизой. Лиза...

Алексей устало прикрыл ладонью глаза. Лиза... Он так давно ее не видел. Прошло столько времени, а забыть ее ему не удалось. Что же ждет их дальше – примирение или развод? Впервые в жизни он одновременно и желал и страшился встречи. О том, что она может быть с другим, он не хотел и думать. Алексей сжал кулак и прижал его к плотно стиснутым губам, отгоняя от себя мысли о Шмите. Что ж, встреча должна состояться. Рано или поздно она состоится...

* * *

Сентябрь 1905 г. Россия, Подмосковье

Революция продолжалась и шла по нарастающей. В Москве, как и в других городах, проходила усиленная подготовка к предстоящему вооруженному восстанию. На многих фабриках и заводах возникли боевые дружины.

Дружина, созданная на фабрике Шмита, численно быстро росла. Ее руководством занимались Михаил Степанович Николаев – «профессиональный революционер», если так можно было сказать, и его заместители - артельщик Иван Васильевич Колокольников и заведующий оружейным складом столяр Николай Нифедович Лукьянов¹. Рабочие фабрик Шмита, Мамонтова, «Трехгорки», завода Грачева собирались по субботам небольшими группами и выезжали за город, где проходили боевую подготовку. Инструктор обучал их стрелять, разбирать оружие и знакомил с тактикой уличных боев.

Вот и в этот раз, на желтеющей осенней поляне раздавались выстрелы, и Лиза, как большинство присутствующих, стреляла по мишеням.

- У вас неплохо стало получаться, - похвалил Николай Шмит, когда Лиза выбила семь мишеней из десяти.

Лиза опустила револьвер, поставила на предохранитель. Некоторое время не решаясь, что-то сказать, смотрела на оружие.

- Я тут подумала... У меня есть довольно крупные денежные средства. Часть я хочу вложить в наше дело.

Николай присел на поваленное бревно. Лиза знала, что он делал все возможное, чтобы обеспечить оружием не только рабочих своей фабрики, но и рабочих других предприятий Москвы. И деньги, конечно же, были очень нужны – без жертвований нельзя было обойтись.

- Да, было бы неплохо... Только не забывайте, вам вскоре нужно будет содержать и воспитывать ребенка, - напомнил он осторожно.

¹ Прим. автора: участники революции 1905 – 1907 гг., члены РСДРП.

Лиза невесело улыбнулась:

- Не беспокойтесь, о своем малыше я позабочусь. В бедность его я вгонять не собираюсь.

Николай некоторое время помолчал, прежде чем спросил:

- Лиза... Вы все еще надеетесь, что ваш супруг жив?

Лиза посмотрела перед собой на покрытую местами опавшими желтыми листьями поляну, нежно погладила живот.

- Да, он жив, - ответила она.

- Но откуда такая уверенность? – Шмит не смог сдержать раздражение.

Она посмотрела на него:

- Я просто знаю.

Николай вскочил на ноги, приблизился к ней, схватил за плечи:

- Лиза, да очнитесь же! Вы себя обманываете! Вы это понимаете?!

- А вы понимаете, что делаете? - Лиза освободилась от его рук, краем глаза наблюдая, что действия Шмита привлекли внимание некоторых рабочих. - Разве так можно?

- Можно. Потому что, я люблю вас!

На некоторое время оба замолчали: Лиза от того, что ее поставили в неудобную ситуацию, Шмит – потому, что был расстроен.

- Вы так не должны говорить, - сделала замечание она.

- Но это так. Я люблю вас. И хочу, чтобы вы стали моей женой.

- Я не могу.

- Ваш муж погиб, Лиза, - упрямо напомнил он.

Лиза уставилась на свои слегка замазанные машинным маслом руки. Положила револьвер на пенек. Затем вытерла руки носовым платком.

- Лиза! – напомнил о себе Шмит.

- Даже, если это правда, - надтреснутым голосом произнесла она, - и мой муж... погиб... Я не смогу стать вашей женой.

- Но почему?!

- Потому что... я вижу в вас только друга, брата, но не боле.

Шмит побледнел:

- Я вам не верю, вы так говорите, потому что я вас рассердил!

- Да, вы меня расстроили и рассердили, поэтому мне проще стало сказать вам правду, столь неприятную для вас, - она взглянула ему прямо в глаза.

Шмит не нашелся, что ответить, в его глазах отразилась боль. Лиза отвернулась, Шмит резко развернулся и зашагал прочь.

* * *

Англия, Лондон

Поезд задерживался. Задерживался уже на час. Бледный начальник станции в который раз устало объяснял пассажирам, купившим билеты, что поезд задерживается по непредвиденным причинам, но скоро будет, извинялся и просил еще немного подождать.

Глебов вышел из душного здания, закинул чемодан на деревянную скамью и потянулся за портсигаром. Промозглый лондонский туман и начавшийся мелкий дождь пробирали до костей, плащ промок, а шляпа и подавно. Мимо сновали лондонцы с неизменно черными зонтами, раскрытыми над их головами. Алексею англичане казались бледными, что собственно не было удивительным, судя по погоде, которая постоянно заставляла его, когда он бывал в Англии – дождь, туман, хило светило солнце, такое же бледное, словно оно болело от такой погоды...

Глебов спрятался под козырек крыши от надоедливых капелек дождя. Если он пробудет в Лондоне еще немного, то превратится в бледное измученное создание. Алексей усмехнулся своим мыслям. Да что за меланхоличное настроение?! В отличие от него большинство лондонцев, проходивших мимо, были в добром расположении духа, несмотря на пасмурную погоду.

Алексей забросил промокшую папиросу в мусорную корзину и, спрятав руки в карманах, оперся плечом о колонну. Наблюдая за дождем и задумавшись, он незаметно погрузился в воспоминание...

...Маленький провинциальный городок Верхнеудинск не мог похвастаться хорошими каменными тротуарами, а когда начинался дождь, грязь просто месилась под ногами прохожих. Алексей, хотя и был непритязательным, все же не жаловал дождливую погоду, тем более, когда «на улице впору ходить не людям, а лежать в грязи облепившимся от бесплатных, как сыр в мышеловке, харчей чушкам».

Подобное заявление супруга позабавило Лизу, она смеялась, подтрунивала над ним, а потом, приподняв подол юбок, ступила в эту грязь новенькими башмачками и лукаво посмотрела на мужа. Он протянул к ней руку, желая вернуть на тротуар, покрытый досками, но Лиза увернулась и со смехом стала пробираться на другую сторону улицы, где начинался городской сквер. Глебов крикнул, чтобы она вернулась, чертыхнулся и последовал за ней. Как назло небо прорвало, и разразился дождь.

Алексей нагнал жену уже в сквере, они вместе заскочили в беседку под навес. Он раздраженно посмотрел на свою запачканную обувь и брючины, перевел взгляд на грязные обувь и подол юбок жены, затем сердито посмотрел ей в глаза. Лизу его взгляд не смутил, не напугал – она хитро улыбалась, в глазах горел веселый огонек. Перестал хмуриться и Глебов, ее ребячество оказалось заразительным, его глаза вспыхнули, и на губах мелькнула ухмылка – впервые, после трагической гибели друга – Кости Абрамовича...

Лиза, ободренная его мимолетной улыбкой, осмотрелась по сторонам, затем сделала шаг навстречу, опустила руки на его плечи. Он с готовностью принял ее в объятия, их губы соприкоснулись, а потом еще, еще. Поцелуй, такие пьяняще сладкие, то игривые, то нежные, то страстные...

Несмотря на то, что они были уже женаты, кто-то все же насплетничал родителю Лизы про их поцелуй в общественном сквере, и им пришлось через несколько дней уехать, чего они, в принципе, давно желали, но их удерживал Лизин отец...

Глебов очнулся от воспоминаний – какой-то мужчина в спешке случайно задел его плечом. Алексей бросил сердитый взгляд на хама, который даже не извинился, и замер. Так это же Рутенберг!

Пинхас оглядывался по сторонам, в руке он держал чемоданчик. К перрону подошел поезд, Рутенберг стал пробираться к нужному вагону. Глебов подхватил свой чемодан и последовал за ним.

* * *

Россия, Москва

Вечером к дому адвоката Адриканиса подкатил ломовой извозчик¹, который привез несколько ящиков с какими-то вещами.

- Кто прислал? – спросила Лиза, когда она и Катя вышли посмотреть на «посылку».

Извозчик пожал плечами:

- Ничего я не знаю, мне велено доставить сюда, я привез. Вот приедет с вокзала тот, кто меня нанял, он и объяснит.

Ящики извозчик и его помощник отнесли в подсобное помещение.

Вечером, так и не дождавшись, что кто-либо приедет и что-либо объяснит, Катя и Лиза вскрыли один из ящиков и ахнули: браунинги и маузеры!

Катя захлопнула ящик и взглянула на подругу.

- Нужно тщательно спрятать, - сказала Лиза, покусывая губы.

¹Прим. автора: Ломовой извозчик занимался транспортировкой тяжелых грузов.

- Нам вдвоем не управиться. И как назло ни мужа, ни брата в городе нет!

- Лукьянов поможет.

Вернувшись в комнату, Лиза написала коротенькую записку и позвала прислугу.

- Нужно доставить на фабрику заведующему фабричной библиотекой столяру Николаю Нифедовичу Лукьянову, - передавая записку, сказала она.

Через полчаса пришел Лукьянов. Убедившись, что все ящики с оружием, он нахмурился. Кому в голову могло прийти прислать оружие на дом к Андриканисам? Это было слишком опасно, если учесть, что шли обыски и совсем недавно жандармы были у Андриканисов и наведывались на днях к Николаю Шмиту.

- На фабрике есть небольшой тайный погребок, - сказал, наконец, Лукьянов. – Туда и отвезем. Но не сегодня. – Он посмотрел на встревоженных женщин. – Ночью подозрительно - остановят для досмотра. Сделаем завтра с утра.

Когда он ушел, Катя и Лиза встревожено посмотрели друг на друга. Что же делать? Ночью сон так и не пришел, и подруги просидели в гостиной, прислушиваясь к лаю собак и с тревогой выглядывая в окно.

К утру они задремали каждая в своем кресле, но мгновенно проснулись, заслышав шум на улице. Лиза подскочила к окну и увидела остановившуюся под окном телегу и спрыгивающего с нее Лукьянова. С ним прибыло еще двое рабочих. Они вогнали телегу во двор. Минут за десять сгрузили ящики в телегу.

- Нужно завалить чем-нибудь, - сказал Лукьянов. Лиза взглянула на Катю.

- Катя, пора менять мебель,- произнесла она. – Как ты думаешь, Николай подарит тебе новую мебель со своей фабрики?

Спустя какое-то время рабочие уже вытаскивали из дома стол, диван, стулья, наваливая их на загруженные ящики с оружием.

Лукьянов сел в телегу, взяв вожжи. Из квартиры спустилась Лиза, уже успевшая переодеться в простенькую одёжонку – фабричная работница, да и только.

- Зачем вы? – укорил ее Лукьянов, когда она протянула ему руку, чтобы он помог ей забраться на телегу.

- Так надо.

Он нехотя помог ей. Лиза села рядом.

- Ну, с Богом, - промолвила Катя, перекрестив их напоследок.

- С Богом.

Лукьянов махнул вожжами, и лошадь потянула телегу со двора.

На полпути к фабрике дорогу преградили жандармы. Лиза крепко сжала грубую ткань юбки.

- Спокойно, - буркнул Лукьянов, когда жандарм махнул рукой, приказывая остановиться. Сердце Лизы замерло. Лукьянов напрягся, натянул вожжи.

- Т-пру!

Жандарм приблизился к телеге, окинул ее внимательным взглядом, затем посмотрел на Лукьянова.

- Что везете?

- Везем мебель для ремонта, - ответил рабочий, сконфуженно улыбаясь.

- Ну, ну, - жандарм кивнул своему подручному, и тот обошел телегу вокруг, осматривая, приподнимая легкую мебель. - Ну что там?

- Погодь... - Второй жандарм стал усиленно рыться.

- Что там...

Неожиданно Лиза громко вскрикнула, ухватила за руку Лукьянова, согнулась пополам.

- Николай Нефедыч, началось, - выдавила она.

Лукьянов побледнел еще больше, жандарм уставился на Лизу.

- Чего она?

- Сноха моя... - голос его захрипел от волнения, - рожа-ет видать...

Подошел второй жандарм, с недоверием посмотрел на Лизу и Лукьянова:

- А коли брешут?

Лиза вскрикнула, ухватила за округлый живот, тяжело задышала, и захныкала:

- Батьку, воды отошли...

Жандармы и Лукьянов уставились под ноги Лизы, и глаза их округлились. Под ботинками женщины образовывалась небольшая лужица.

- И чего... теперь? - очнулся один из жандармов.

- Чего, чего! Пусть едут, будь оно неладно! - махнул рукой первый жандарм, отходя в сторону.

- Благослови вас Бог, братцы! - Лукьянов ухватился за поводья и хлестнул лошадь. Лиза застонала, обоз тронулся с места и затрясся по каменной мостовой.

Телега мчалась по дороге, грозясь развалиться на следующей колдобине.

- Николай Нефедович, чуть помедленнее, - произнесла Лиза, крепче уцепившись за борт.

- Как вы? – с тревогой спросил он.

- Будет совсем хорошо, если вы не будете так гнать.

- Так вы того... не рожаете?

- Скажем так, до января нет. – Лиза засмеялась, вытягивая из-под юбок кожаный бурдюк¹. – Вода была отсюда!

Лукьянов рассмеялся и порывисто приобнял Лизу за плечи. Затем отпустил.

- Ну вы меня и напугали. А я уж было решил...

Он снова рассмеялся, закачал головой.

- Молодчина, девонька, ай да молодчина.

* * *

Швейцария, Женева

Рутенберг прибыл в Женеву. Алексей не прекращал за ним слежку. И вскоре его ожидания оправдались – Пинхас вывел его на Савинкова.

Рутенберг и Савинков встретились в одном из скверов города. Когда Пинхас сел рядом с ним на скамейку, Савинков, наблюдая за голубями, задал вопрос:

¹ Бурдюк - кожаный мешок из цельной шкуры животного, предназначенный для хранения жидкостей. Бурдюки распространены в странах Востока, у некоторых народов Сибири и Средней Азии.

- Как обстоят дела?

- Этот напыщенный индюк профукал все дело: так хвастал закупленным оружием направо и налево, что в результате, как мне стало известно, пароход с оружием был захвачен и потоплен!

- И?

- Оружие исчезло в неизвестном направлении.

Савинков поморщился, потер набалдашник своей трости.

- А что Азеф? – спросил Пинхас.

- А что Азеф?

- Ты веришь, что он предатель?

- Так ты уже знаешь про анонимку? – Савинков вздохнул, почертил тростью на земле. – Я говорил с Гоцем¹. Он тоже спросил, что я думаю о письме.

- И что?

- Что я думаю? Ничего.

- А Татаров²?

Савинков помолчал.

- Я знаю Татарова давно. Мне и в голову не может прийти, что он провокатор. Вполне возможно, что письмо полицейского происхождения и это их интрига.

- Но провокатор есть. Тому много подтверждений.

¹ Михаил Рафаилович Гоц (Мойше Гоц) (1866, Москва - 1906, Берлин) - российский политический деятель. Народолец с 1884 г. Один из организаторов партии эсеров, создатель устава «Боевой организации».

² Николай Юрьевич Татаров (псевдоним Костров) (1877, Варшава - 1906, Варшава) - политический деятель, член партии эсеров, агент охранного отделения. Журналист, издатель, переводчик польской литературы.

- По-моему, нужно расследовать дело. Татаров сейчас в Париже. Мы за него возьмемся... Татаров за последние шесть недель издержал на дела своего издательства более пяти тысяч рублей. Гоц считает, что ему неоткуда было взять таких денег: ни партийных, ни личных сумм у него нет. Тогда, откуда он взял деньги?

- Дело ясное, что дело темное, - изрек Пинхас. – Так что теперь, раз пароход не дошел до цели, мне все-таки ехать в Петербург или нет?

- Раз Азеф говорил ехать, значит, так надо, - ответил Савинков, - проследишь за Гапоном. Нельзя его выпускать из виду.

Рутенберг откинулся на спинку скамьи с выражением полнейшего неодобрения:

- Не нравится мне все это, Борис. Дело пахнет жареным.

- Революция – это вселенский водоворот, когда на поверхность поднимается всякий человеческий мусор, случайные люди объявляют себя участниками революции... Твоя задача на данное время, Петр, следить за Гапоном...

* * *

Когда Рутенберг и Савинков распрощались, Глебов последовал за Савинковым. Савинков никуда не торопился, шел спокойной, размеренной походкой, а Алексей решил пока ограничиться слежкой.

Вскоре Савинков нанял коляску, Алексей последовал его примеру, и спустя пятнадцать минут они уже выехали за пределы города.

Савинков отпустил возничего и зашагал по тропинке в сторону леса, поднимаясь в гору все выше и выше. Глебов пошел за ним. Спустя какое-то время он нагнал его у склона – эсер в подзорную трубу наблюдал за кем-то внизу.

Обождая некоторое время, Алексей сделал шаг в его сторону, как вдруг услышал женский вопль, затем крик о помощи. Савинков не шелохнулся, продолжая наблюдать. Крик повторился. Эсер перевел трубу влево, видимо прослеживая чье-то перемещение, по всей видимости, ему стало не видно происходящее, он сложил трубу и зашагал по тропинке в гору.

Вновь раздался женский крик о помощи. Что же делать? Савинков удалялся, поднимаясь все выше и выше. Алексей свернул с тропы и кинулся на звуки голоса.

- Кто-нибудь! Прошу, помогите! Помогите!

Глебов не сразу заметил женщину, склонившуюся над обрывом. Ее практически было не видно сквозь кусты, но очередной приглушенный вопль о помощи привлек внимание Алексея. Он бросился к ней и сразу понял, в чем дело: хрупкая женщина, склонившись над обрывом, пыталась вытащить лысоватого мужчину, который мог сорваться вниз в любой момент.

Женщина повернула к Глебову запачканное заплаканное лицо, искаженное страхом, он быстро опустился рядом, одной рукой ухватился за ветви дерева, другую протянул мужчине.

- Держитесь!

Мужчина цепко ухватился за его руку, Алексей потянул его на себя, с трудом, но вытянул.

- Володя, Володенька! – плакала от облегчения женщина, глядя мужчину по плечу.

- Ну, ну, Наденька, успокойся, - произнес он, все еще пытаясь унять дрожь, затем взглянул на запыхавшегося Алексея.

- Чрезмерно благодарен вам, - произнес он. – Вы мне жизнь спасли!

- Не стоит благодарности, - Алексей поднялся, отряхивая одежду. – Моя помощь более не нужна?

Женщина отрицательно покачала головой, Алексей на прощание кивнул, и быстро зашагал к тропинке, надеясь наперез нагнать Савинкова.

Пробираться сквозь чащу леса было не так уж просто, но Глебову удалось выбраться на пригорок и тут он с огорчением заметил вдалеке силуэт Савинкова, забирающегося в повозку – догнать его уже не представлялась возможным.

Алексей чертыхнулся и, присев на каменную глыбу, стер пот со лба. Да уж, пришлось побегать!

Он скорее почувствовал, чем заметил, чье-то присутствие позади себя. В следующий момент тень метнулась в его сторону, Глебов успел увернуться – удар палкой пришелся по камню, на котором он сидел мгновение назад. Алексей повернулся к противнику лицом и с удивлением увидел перед собой Савинкова.

Тот вновь замахнулся палкой, Алексей откатился в сторону, затем вновь – мимо. Палка треснула и разлетелась пополам.

Савинков откинул ее в сторону и бросился на Глебова, но тот, вовремя согнув ноги, сделал выпад и отбросил противника на несколько шагов назад. Савинков упал на спину, Алексей быстро поднялся, но противник тоже уже вскочил на ноги и бросился бежать.

Глебов последовал за ним. Через чащу, ломая хрупкие ветки, выскочили к водопаду. Шум воды перекрывал звук собственных шагов и тяжелого дыхания. Камни под ногами были скользкими, а угрожающая бездна, заполненная брызгами и пенящейся водой, была слишком близко.

Савинков остушился, ухватился за толстую ветку дерева, Глебов тоже поскользнулся, но удержался на ногах, кинулся к Савинкову и поздно осознал свою ошибку: Савинков отпустил согнутую ветвь, она резко выпрямилась и стеганула Алексея по груди. Он потерял равновесие, взмахнул руками, немного успел повернуться корпусом, прежде чем упасть в бурлящий поток.

Вода мгновенно оглушила его, приняв в свои холодные объятия. Бурный поток подхватил его и понес за собой. При первом пороге Глебов сильно ударился плечом о каменный выступ, но боль заставила его прийти в себя, он стал бороться с течением, пытаясь грести к берегу. Попытка оказалась неудачной, второй порог оказался крутым, Алексей с головой ушел под воду, но не перестал бороться. Наконец, ему удалось зацепиться за поваленное дерево, какое-то время он цепко держался за его мертвые ветви, затем стал пробираться к берегу.

Оказавшись на берегу, Алексей рухнул лицом в землю. Началась рвота - легкие потребовали освобождения от попавшей в них воды. Отплевавшись, Глебов, вначале на карачках, затем, уже встав на покачивающиеся ослабевшие ноги, стал двигаться в сторону от водного потока. В мокрой одежде стало ужасно холодно, но останавливаться было нельзя. В данном случае движение означало жизнь.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем ему удалось выбраться на дорогу. К счастью на полянке он увидел людей и побрел в их сторону. Женщина первой заметила его, указала мужчине на Алексея, он обернулся, вскочил на ноги, и легко преодолев пробежкой разделяющее их расстояние, вскоре оказался подле Алексея.

- Это вы! Что же с вами пр-иключилось? – Мужчина, перекинув его руку себе через плечо, подхватил Алексея за торс и повел к костру. Усадив вблизи огня, дал распоряжение женщине подать плед.

Алексей трясущимися руками стянул с себя верхнюю одежду, посмотрел на мужчину, который уже сбросил с себя штаны и пиджак и стоял перед ним в рубахе и подштанниках. Свою одежду он протянул Алексею:

- Надевайте.

- Спасибо, - пробормотал Глебов.

Женщина, передав мужчине плед, предусмотрительно отвернулась, давая Алексею возможность переодеться в сухую одежду, и занялась горячим чаем для него.

Вскоре Глебов был укутан в теплое одеяло, мужчина, натянув на себя пальто, с предприимчивой активностью соорудил из палок сушилку возле костра, на которую развесил мокрую одежду Алексея, женщина напоила Глебова горячим чаем с малиной, растерла ступни ног.

Постепенно Алексей стал приходить в себя и даже с интересом стал посматривать на своих новых знакомых. Редко когда можно было встретить столь активную пару, действующую слажено и обдуманно. Каждый будто знал, что должен делать в данный момент.

- Вы наш соотечественник? – поинтересовалась женщина, видя, что Алексей оживился и наблюдает за ними.

- Я из России, - ответил он и представился, - Глебов. Алексей Петрович.

Мужчина с прищуром посмотрел на Алексея, заложив большие пальцы за нижнюю часть ворота пальто и оттопыривая его.

- Ульянов. Владимир Ильич. И супр-руга моя – Надежда Константиновна...

* * *

Новые знакомые обогрели, накормили и пригласили в гости. Алексей не отказался от приглашения, и вечером они сидели в гостиной у Ульяновых. Помимо них были мать Надежды Константиновны - Елизавета Васильевна, и некие Гусев и Лепешинский¹.

¹ Прим. автора: П. Н. Лепешинский (1868 - 1944) - революционер, член РСДРП, литератор. С. И. Гусев (настоящее имя Я. Д. Драбкин) (1874 - 1933) - российский революционер, большевистский партийный деятель.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

Англия, Лондон. Начало XX века

Швейцария, Женева. Начало XX века

Хозяин дома о чем-то говорил с Гусевым и Лепешинским, женщины ненадолго удалились, а Алексей сквозь полудрему от навалившейся усталости наблюдал за ними.

У Ульянова была залысина со скудной растительностью на висках, редкая рыжеватая бородка, но лет ему было эдак тридцать пять, не более. Крепко сколоченный, очень активный, с подвижными лицом и глазами. В его лице можно было различить монгольско-татарские черты, хотя, впрочем, лицо как лицо - совершенно такое же, как у множества русских, проживающих вблизи средней и нижней Волги... Глаза темные, маленькие, но в них светился ум. Пока он беседовал, его лицо часто меняло выражение: то настороженная внимательность, то раздумье, то насмешка, порой презрение, непроницаемый холод и злость. Говоря или, точнее, споря с Гусевым, он делал большой шаг назад, одновременно запуская большие пальцы за борт жилетки около подмышек и держа руки сжатыми в кулаки. Затем делал небольшой, быстрый шаг вперед и, продолжая держать большие пальцы за бортами жилетки, растопыривал пальцы в разные стороны. При разговоре эта жестикуляция происходила постоянно, и словно гипнотизировала слушателя. Алексей моргнул, прогоняя сон.

Лепешинский присел рядом с ним и многозначительно заметил:

- Старик наш мудр, — при этом взгляд его потеплел, и всё лицо выразило обожание по отношению к Ульянову.

Алексей повел бровью:

- Старик?

Ульянов рассмеялся:

-Ах да, Лепешинский! Ты разбудил нашего гостя!

- Простите, я и в правду задремал, - покаялся Алексей.

- Это вы уж нас простите, мы увлеклись беседой тет-а-тет, позабыв о гостеприимстве.

- Как с той дамой, приехавшей от Калмыковой с визитом? – прокомментировал Гусев, садясь в кресло.

Ульянов повернулся и с нотками раздражения в голосе заметил:

- Та, что жаловалась всем, что я принял ее с «невероятной грубостью», почти «выгнал»? Она сидела у меня два часа, отняла от работы, а своими расспросами и разговорами довела до головной боли. И она еще жалуется.

- Она думала, Ильич, что ты за ней поухаживаешь.

- Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, на это теперь нет ни времени, ни охоты. И за кем ухаживать? Эта дура - подлинный двойник «Матрены Семеновны», а с «Матреной Семеновной» я никаких дел иметь не желаю.

- Какая Матрена Семеновна? — с недоумением спросил Лепешинский и слегка смутился - на пороге возникла Надежда Константиновна, прошла к столу, положила на него шахматную доску.

- Матрена Семеновна Суханчикова из «Дыма» Тургенева, - объяснил с улыбкой Гусев, заметив конфуз знакомого.

- Стыдно, батенька, не знать Тургенева! – заметил Ульянов с неодобрением.

- Володя, не входи в раж, - тихонько сказала его жена, на мгновение положив руку на его локоть.

Он вновь заложил большие пальцы за жилетку, слегка отступив назад. И обратился к гостям:

- Может быть, партийку в шахматы?

- Э, нет, Ильич, нам с Лепешинским пора, - ответил за двоих Гусев. – Позволь откланяться, дела. А вы, - он с улыбкой повернулся к Алексею, - если решитесь с ним сыграть – будьте осторожны, Ильич прекрасно просчитывает ходы и играет с ражем.

- Он любит с нами состязаться, - добавил шепотом Лепешинский, - и может сидеть за шахматами с утра до поздней ночи.

Когда они ушли, Глебов и Ульянов все же разыграли партию. Во время игры, а играл он действительно превосходно, Ульянов насвистывал сквозь зубы разные мелодии, а слух у него был хороший.

- Огромная любовь к пению? – спросил с улыбкой Глебов.

Ульянов поднял на него свои искрящиеся глаза:

- Десять, двадцать, сорок раз могу слушать «Sonate Pathétique» Бетховена¹ и каждый раз она меня захватывает и восхищает всё боле. – Он сделал довольно удачный ход конем.

Алексей потер подбородок, обдумывая свой ход.

- А вы, не увлечены пеньем?

-Нет, мне медведь на ухо наступил, - буркнул Глебов и передвинул ферзя на доске.

- Любите гулять на природе?

- Не так, как вы, - Алексей с интересом взглянул на Ульянова – неужели выясняет, что он делал в горах? Не доверяет?

¹ «Grande sonate pathétique» - «Большая патетическая соната», посвященная князю Карлу Лихновскому. Написана в 1798-1799 гг.

- Да, природа - одно из моих увлечений... Люблю полюбоваться этой красотой. - Ульянов сделал ход и посмотрел на Алексея. - А представьте, что десятки, сотни миллионов людей, кроме курной избы, зловонной фабрики, грязной улицы ничего во всю жизнь не видят и не увидят.

Глебов промолчал, обдумывая ход, а Ульянов после паузы продолжил:

- И непременно найдутся дур-рни, которые будут уверять, что народ по своей толстокожести, не способен понимать и ценить красоту природы. Дурни не понимают, что у людей, истомленных тяжелым, а иногда каторжным трудом - больше желания вдоволь выспаться, чем любоваться восходом солнца. В этом суть.

Он устался на доску.

- Да, вы правы, - согласился Глебов.

- Не так давно, - продолжил Ульянов, - мы с Надеждой Константиновной взбирались на Салэв¹ встречать восход солнца. Компаньонами нам оказались двое рабочих, на вершине горы от нас отделившихся. Спускаясь с горы, мы их опять встретили и спрашиваем: не правда ли, восход солнца был очень красив? Они отвечают: «К сожалению, ничего не видали, весь день до этого работали, устали, в ожидании восхода солнца прилегли немного отдохнуть, да и проспали»... Часто вот говорят о воспоминаниях детства и их идеализации. Такое явление имеет место главным образом среди состоятельных классов общества. У меня, по-видимому, и у вас, сохраняются весьма приятные воспоминания о детстве.

Алексей кивнул.

¹ Прим. автора: гора близ Женевы.

- Жили мы в тепле, голода не знали, были окружены всякими культурными заботами, книгами, музыкой, развлечениями, прогулками. Но ведь этого нельзя сказать о детях рабочих и крестьян. Какие приятные воспоминания о детстве может сохранить крестьянский мальчуган, которого чуть ли не в шесть лет заставляют нести тяжелую работу вроде полки?

- Согласен. – Глебов сделал ход.

Ульянов быстро переставил королеву:

- Шах. И мат!

Алексей посмотрел на расположение фигур:

- Да, несомненно. Поздравляю.

Он взглянул на часы:

- Довольно поздно. Позвольте откланяться.

- Нет, не позволю. Определенно решено – вы заночуете у нас. Наденька приготовила для вас комнату. Она ведь знает, что если уж сели за шахматы – то глядишь, игра пойдет и за полночь.

Глебов попытался возразить.

- И не возражайте. Ничего не хочу слушать. Вы сегодня мне жизнь спасли, а я не могу вам отплатить гостеприимством.

- Чувствую себя так – будто изменил ход истории - не мира, но хотя бы государства, - пошутил Глебов.

Ульянов громко рассмеялся, хотел было что-то сказать, но слова не шли, а на глаза выступили слезы. Смех его был столь же заразительным, что вошедшая Крупская, некоторое время постояв, тоже рассмеялась.

Улыбнулся и Глебов.

- Кто знает, может быть, вы и правы, - наконец произнес Ульянов. – Надежда Константиновна, как там комната?

- Готова.

Ульянов повернулся к Алексею:

- Не желаете еще партийку перед сном?

- Раз такое дело, и я остаюсь, почему же не отыграться.

- Не бросайте слов на ветер.

* * *

Было еще раннее утро, когда Глебов проснувшись, открыл глаза и осмотрелся, не сразу вспомнив, где он. И удивляться тому не было причин – во сне ему привиделся Петербург и Лиза – и все это было как наяву. Алексей потер глаза, отгоняя ночное видение супруги, и взглянул на часы с кукушкой. Без десяти шесть. Он поискал взглядом свою одежду – она была аккуратно свешана на стуле – хозяйки дома почистили и погладили ее, пока он спал. Одевшись, Глебов спустился вниз.

Ульянов уже не спал, несмотря на то, что просидели они за шахматами за полночь, при том Глебов проиграл со счетом 2:1.

В небольшой комнате - кабинете, полуголый, Ульянов проделывал разные гимнастические упражнения: то разводил и вращал руками, приседал, то сгибал корпус, касаясь пола пальцами вытянутых рук. Судя по подтянутой фигуре, он действительно был в хорошей форме.

- Доброе утро, - поприветствовал его Алексей. Ульянов обернулся, но продолжил упражняться:

- Доброе. Немного обождите, скоро я закончу.

Спустя несколько минут, Ульянов, натягивая рубаху, без обиняков разъяснил:

- Эту систему упражнений я сам себе установил уже много лет и выполняю каждый день. Не гимнастирую только, когда, работая ночью, чувствую себя утром усталым. В этом случае, как показал опыт, гимнастика не рассеивает усталость, а ее увеличивает. Да и вы, я вижу, тоже в прекрасной физической форме. Вчера вы так ловко вытянули меня из пропасти, а потом, попав в такую передрыгу с водопадом, так быстро оправились – все это говорит о том, что вы поддерживаете форму.

- Да, это так, - согласился Глебов. – Есть набор упражнений, которым меня в детстве обучил доктор Краевский¹.

- «Отец русской атлетики»? – удивился Ульянов. – Вы занимались в его атлетическом кр-ружке? Вам несказанно повезло.

- В то время я в большей степени наблюдал за тренировками атлетов и был мальчишкой на побегушках. Но доктор, видя мою настойчивость, многому меня научил.

- А вот я когда-то, в Казани, ходил специально в цирк, чтобы видеть атлетические номера. И потерял к ним «всякое уважение».

- О, кажется, я догадываюсь, о чем вы, - Алексей улыбнулся, вспомнив еще одни моменты из своего детства, - Случайно, не о дутых гирих атлетов в цирке?

¹ Прим. автора: Развитие атлетики в России было неразрывно связано с деятельностью петербургского врача В. Ф. Краевского, основавшего в 1885 г. первый в России «Кружок любителей атлетики». Школу Краевского прошли известные всему миру атлеты В. А. Пытлясинский и Георг Гаккеншмидт («Русский лев») - неоднократный чемпион мира среди профессионалов.

- Именно об этом! Как-то, случайно побывав за кулисами, я обнаружил, что гири-то дутые, пустые и потому совсем нетяжелые. А вы почему узнали?

Алексей рассмеялся:

- До встречи с Краевским, а мне тогда было лет одиннадцать, я сбежал из дома и несколько недель прожил и проработал в бродячем цирке.

- Надо сказать, вы довольно неординарная личность!

- Нет, что вы. Я довольно простой человек.

- И чему же вас научил господин Краевский?

- Одной простой вещи, но весьма правильной. Владислав Францевич придавал большое значение развитию силы мышц спины и ног. Он говорил: «Бицепсы рук - дело второстепенное, накачать их особого труда не составляет. Спина и ноги - вот основа силы и залог победы». Тогда я мог раз сто - сто двадцать перепрыгнуть через стол.

- А не хотите ли, батенька, помериться силой? – Ульянов присел на стул и поставил руку локтем на поверхность стола, то сжимая, то разжимая пальцы.

- Борьба на руках?

- Борьба на руках.

- Согласен. – Алексей скинул пиджак и сел напротив. Закатав рукава, и приготовившись, они сцепили правые руки в замок. – Чья рука коснется поверхности, тот проиграл.

- На счет тр-ри. Р-раз, два, тр-ри...

Ульянов оказался сильным противником, но ни Алексей, ни Ульянов уступать не хотели. Как раз в это время на ступенях, ведущих на кухню, появилась Елизавета Васильевна.

Смотря на них и держа платок у рта, она, наконец, не выдержала и рассмеялась:

- Ребячиться!

Ульянов отвлекся, его рука на мгновение дрогнула:

- Елизавета Васильевна, не мешайте нам. Мы занимаемся очень важными делами!

Елизавета Васильевна заулыбалась, закивала и тихонечко вышла. Еще немного и борьба окончилась – победой Алексея.

- Силен. – Ульянов потряс рукой.

- Признаете поражение или не против повторить?

- Не так опасно поражение, как опасна боязнь признать его. Здесь важно не недооценить, а переоценить свои силы. – Ульянов рассмеялся. – Так что, я признаю.

Вернулась Елизавета Васильевна, похвалилась зятем:

- Не правда ли, какой Владимир Ильич ловкий?

Глебов, по-доброму усмехнувшись, согласился.

- Володенька во всем ловкий. Он и не курит, не выносит алкоголя, заботится о своем здоровье. Он, к тому же, воплощение порядка и аккуратности. Бывает так, что оторвется пуговица, а он сам, не обращаясь к Наде, ее пришивает с особой аккуратностью...

- Елизавета Васильевна, - остановил ее словесную хвальбу Ульянов. – Не пора ли пить чаю?

- Ах, что же я... пришла ведь вас позвать к чаю. У нас с Наденькой все готово...

* * *

Ульянов с женой проводили Глебова до вокзала, где он из камеры хранения забрал свой чемодан, и даже посадили его на поезд.

- Что ж, прощайте, - сказал Глебов, стоя на входе в вагон.

- Доведется - встретимся еще, - Ульянов хмурился. - Хотел бы я тоже поехать в Россию..., - он поправил кепку на голове, лицо его стало непроницаемым, - но не время.

Раздался свисток, а кондуктор попросил Алексея пройти в вагон.

- До свидания, господин Глебов, - крикнула Надежда Константиновна, махнув рукой.

Алексей помахал в ответ. Ильич поднял руку над головой.

Кондуктор закрыл дверь. Поезд тронулся. Алексей какое-то время постоял на месте, ощущая непонятные ему чувства – смесь сожаления, тревоги и ощущение того, что он что-то важное упустил из виду.

* * *

Глава 4. На гребне революции

Октябрь 1905 г. Россия, Петербург

После пребывания за границей, где было относительно спокойно, и жизнь шла размеренно, приехав в Россию, Глебов мгновенно окунулся в сложившуюся гнетущую революционную атмосферу. Первой же сложностью оказалось добраться до Питера, так как железнодорожники бастовали и поезда не ходили. Из газет, купленных на улице у бойких мальчишек-продавцов, Алексей узнал очень много. Газетчики, и либеральные, и консервативные, переставшие бояться цензуры, трубили на разный манер о грязи, творившейся в стране, но голоса их были созвучны в одном – «долой подлое и бездарное правительство, бюрократию, существующий режим, доведший Россию до такого позора». Из газет стало известно, что образовавшиеся в последний год союзы инженеров, адвокатов, учителей, профессоров, фармацевтов, крестьянства, железнодорожных служащих, фабрикантов, рабочих и прочих слоев населения были единодушны свалить существующий режим во что бы то ни стало, для чего многие, признав, что «цель оправдывает средства», не брезговали никакими методами.

Кроме открытой прессы, улицы заполнялись революционными листовками, прокламациями, программами, озвучивавшими более резко сложившееся положение в стране и призывавшими к немедленным действиям.

Революция в стране из подполья вырывалась наружу; император и правительство совершенно утратили авторитет и потеряли силу воздействия на происходящее. Черносотенцы под лозунгом защиты существующего строя творили беззаконие.

Смута увеличивалась не по дням, а по часам, революция угрожающе и пугающе выходила на улицы, увлекая все население. Высший класс был недоволен и ожесточен; молодежь не признавала никаких авторитетов, кроме крайне революционных и антигосударственных; профессора провозглашали: «довольно - нужно все перевернуть»; земские и городские деятели заявляли: «спасение - в конституции», а торгово-промышленный класс встал на их сторону и даже производил большие денежные пожертвования на освободительные движения, на революцию. Рабочие окончательно подпали под руководство революционеров и действовали наиболее активно там, где нужна была физическая сила. Крестьяне подняли вопрос о безземелии и об их утесненном положении. Войско было взволновано, начались вспышки непослушания, а в некоторых случаях и маленькие революционные выступления с оружием в руках, поэтому многие опасались возвращения армии с востока, которое должно было произойти после подписания мирного договора с Японией. Все инородцы, а в России инородцев больше одной трети всего населения, решили, что настал момент проводить свои мечты и желания: поляки требовали «автономию», евреи – «равноправие», и все без исключения желали устранения притеснений, в которых проходила вся их жизнь.

Было такое чувство, что вся Россия, накопившая с годами, веками, свое недовольство беспорядком и беззаконием, наконец, изливала накипевшее в вопле «так дальше жить нельзя!».

Добравшись до Питера на почтовых, Глебов застал столицу бастующей. Фабрики были закрыты, рабочие проводили время в митингах и в хождениях по улицам, где к ним примыкали различного рода хулиганы и дебоширы.

Высшие учебные заведения, сначала служившие местом революционных митингов, были тоже закрыты, и большая часть студенчества пополнила ряды митингующих и шастающих по улицам столицы. Добираясь до дома на, с трудом нанятом, экипаже, Глебов смог воочию наблюдать, что движение в экипажах почти прекратилось, прекратилось освещение улиц, и появляться вечером на них стало небезопасно. Улицы пустовали, и лишь изредка пробегали неясные тени в проулках и раздавались торопливые шаги, а порой и вопли несчастных жертв.

Последствия творившегося беспорядка и разрухи ждали и дома: отсутствовало водоснабжение, телефонная сеть бездействовала, а свет, пару раз мигнув, окончательно потух.

Судя по всему, государь с августейшим семейством, удалился из столицы, иначе их давно бы осадила во дворце толпа недовольных. К такому выводу пришел Алексей, зажигая керосиновую лампу и присаживаясь возле теплого камина с потрескивающими разгорающимися дровами.

Что ж, осталось лишь дожидаться утра, навестить поверенного, а потом... потом Алексей хотел увидеться с Лизой.

Лиза... Сколько же времени прошло! Он так устал быть без нее. Если бы можно было переступить через все – гордость, честь, предубеждения, - прийти и забрать ее из этого ада, увезти как можно дальше, где нет ни царя, ни революционеров, нет проблем...

Алексей горько усмехнулся, потешаясь над собой. Размечтался! Как говорят, «хорошо там, где нас нет»? Да и Лиза никогда не оставит своих революционных бредней, pardon, идей!

Глебов вздохнул, смотря на пламя. Да и ждет ли она его? Соломенная вдова¹. «Как там у Гёте?» - вдруг вспомнилось ему. Алексей потер лоб, припоминая, и пробормотал себе под нос:

- *«Прости Господь,
Мой муженек
Женою бедной пренебрег...
Соломенной вдовою вяну,
А САМ УПЛЫЛ ЗА ОКЕАНЫ».*

Глебов насмешливо хмыкнул. Вот тебе и раз! Неужели он винит себя? Лиза... От нее бы бежать, да нету мочи: въелась под кожу, в кости, в мозг, в сердце, да и в печенку тоже! Нет мочи быть с ней, и нет сил быть без нее.

Глебов закрыл глаза и постучал себя по лбу крепко сжатым кулаком.

¹Прим. автора: Соломенной вдовой называли замужнюю женщину, временно оставшуюся без мужа или не живущую с ним.

«Дурак! Вот дурак! Говорил же Костик – друг, товарищ: «Не влюбляйся! А если уж угораздило – беги! Иначе пропадешь!» Дурак же был я – смеялся. И что теперь? Свободу потерял, когда женился, думал «всё под контролем», и ко всему прочему – просто погиб. М-да... А все равно не получается быть без нее...»

- Я – тебя – верну, - сказал он вслух. И сам себе повел.

* * *

Завидев Алексея, вошедшего в контору, поверенный плюхнулся обратно на стул:

- Г-господин Г-глебов?! Вы... живы?!

- Как видите. – Алексей закрыл дверь и прошел к столу.

Поверенный, все еще не веря своим глазам, встал и пожал ему руку, при этом пальцы его дрожали и показались Алексею холодными.

- Можете мне поверить, я не призрак, - усмехнулся Глебов, бросая шляпу на край стола. – Яков Вольфович, предложите же мне присесть.

- Ах, да... Конечно. Прошу вас...

Когда Алексей сел на стул, Рерих вновь плюхнулся на свое место и провел рукой по лбу.

- Простите меня великодушно, Алексей Петрович. Нам сообщили, что вы скончались. Ваше тело... простите, тело, которое считали вашим, похоронено на Ваганьковском кладбище.

Алексей усмехнулся:

- Вы все еще не верите, что я перед вами из плоти и крови?

- Конечно же, нет, верю. Но как так вышло, скажите?! Что за ужасные шутки!

- Это очень долго, да и скучно, объяснять. Давайте лучше обсудим, как обстоят мои финансовые дела.

Рерих невольно смутился:

- Мы думали, что вы умерли, и потому ваша супруга...

- Да, получила в наследство мое состояние, - с нетерпением закончил за него Глебов. - Меня больше интересует, насколько обстановка в стране повлияла на «мой карман»?

- Здесь я проделал огромный титанический труд, но уберег вас от больших потерь. Вы сможете убедиться в этом, просмотрев документы... - Рерих снял с полки тяжелый увесистый грессбук и положил перед Алексеем.

- Прекрасно... - Глебов уткнулся в цифры и колонки.

- ... Но ваша супруга за текущий месяц потратила довольно внушительную сумму.

- Потратилась? Не страшно...

- Господин Глебов, я бы так не сказал! Вот, взгляните сюда, - немец раскрыл перед Глебовым страницу и указал расход, произведенный Лизой за последний месяц.

Глебов обомлел. Несколько мгновений просто смотрел на цифры перед глазами, затем медленно поднял взгляд на своего поверенного.

- Что это?

- Об этом я вам и говорю. Огромнейшие, невысказанные затраты! При том, нет приобретения – нет ни дома, ни конюшни и чего-либо другого, что могла бы купить на эти деньги ваша жена. Возможна благотворительность, но... Простите меня за резкость, я не в праве осуждать. Но я, как ваш поверенный уже немало лет, дал вашей супруге практический совет, когда она заговорила об этой сумме. Ваша супруга настояла на своем - она сказала, что не нуждается в советах и сказала держать свое мнение при себе. – Немец, возмущенный до глубины практичной и меркантильной немецкой души, плюхнулся на прежнее место.

- Так... - Алексей откинулся на спинку стула. – Расслабьтесь, все в порядке. Я с этим разберусь. – Он вздохнул. – Давайте обсудим, как поправить дела. Часть денег из России я хочу перевести на счет в Швейцарский банк - так будет надежней.

Поверенный кивнул.

- Подготовьте все необходимые документы. Я уеду на несколько дней в Москву, а когда вернусь – мы с вами обсудим пару коммерческих задумок, пришедших мне в голову.

- Понятно. Я все сделаю.

- Прекрасно. А сейчас давайте займемся бухгалтерией. Скажите, как обстоят дела на скважине в Баку...

* * *

Уже стемнело, а на улице, как назло, ни одного извозчика. Алексей осмотрелся по сторонам и зашагал в сторону своего дома.

Беседа с сыщиком, который занимался поиском Катарины и Павлика, вызвала лишь раздражение. Сыщик давно прекратил поиски женщины и ее сына, так как думал, что заказчик, то есть, господин Глебов, мертв. Алексей готов был выругаться вслух – полгода коту под хвост! Нужно самому заняться поисками, но только после того, как он вернет Лизу, чего бы это ему ни стоило. Завтра же с утра он отправится в Москву и...

Алексей обернулся. Возникло неприятное чувство, что за ним следят, но темнота улиц, освещенных лишь лунным светом, не позволяла разглядеть противника. Глебов шел, но был наготове. Прошло десять минут, а преследователь так себя и не проявил. Будто его и не было вовсе. Возможно, просто нервы. Как никак на улицах пустынно и темно, мало ли что может показаться.

Нужно было сворачивать, и Алексей шагнул в темноту переулка. Шаги гулко отдавались по пустой улочке. До выхода из проулка осталось пара шагов. Но предчувствие опасности заставило Глебова остановиться.

Тень метнулась в его сторону очень быстро, Алексей сделал шаг назад, прежде чем стальное лезвие рассекло воздух рядом с его горлом. Следующий удар слева - Алексей уклонился от него – нападающий орудовал двумя кинжалами сразу решительно и быстро. Глебов попытался отбить повторный удар, но сталь острого, как бритва, клинка резанула грудь.

Алексей прижался спиной к стене, ногой резко оттолкнул от себя нападающего, тот отлетел в сторону.

Глебову хватило времени выхватить револьвер, но нападающий швырнул в него один из кинжалов. Алексей успел отклониться, кинжал звякнул о стену и упал. Нападающий бросился прочь, Глебов кинулся за ним, выскочил из проулка и... Справа, словно ниоткуда, перед Алексеем возник человек, Глебов инстинктивно отклонился назад, но резкая боль пронзила правый бок. Нападающий отступил и затем метнулся прочь. Шаги убегających гулко отдавались по мостовой. Алексей пошатнулся, дотронулся до бока и почувствовал под ладонью теплую кровь, хлынувшую из раны. На мгновение он закрыл глаза, судорожно выдохнул, зажал рану и двинулся прочь от злополучного места.

* * *

Витте ужинал в кругу знакомых, во всех отношениях полезных людей. Ужин проходил по случаю его возвращения из-за границы и получения графского титула за достигнутые при подписании мира успехи. Празднество было в разгаре, гости его чествовали – кто искренне, а кто нет, но Витте, явно осознавая это, – испытывал огромное удовлетворение. Но его довольство, написанное на лице, исчезло, когда секретарь приблизился к нему и шепнул что-то на ухо. Витте нахмурился, кивнул, затем улыбнувшись, извинился перед гостями и последовал за секретарем.

Тот вежливо пропустил Витте вперед и открыл дверь кабинета. Завидев Глебова, Витте быстро закрыл за собой дверь и шагнул в его сторону.

Увидев мертвенно бледное лицо Алексея, он не удержался от встревоженного возгласа:

-Что с вами, друг мой?!

Алексей, прерывисто дыша, скинул плащ.

-Да вы ранены! На вас напали? Черт возьми! – выругался Витте. Выглянув в коридор, он позвал ждущего за дверью секретаря, и пояснив, что от него требуется, вновь закрыл дверь.

Приблизившись к Алексею, он осмотрел его рану. Вся рубашка была в крови, как и руки Алексея, а на ковре уже осталось несколько кровавых пятен, а также кровавые отпечатки на столе, на который еще минуту назад опирался Алексей.

- Вы потеряли много крови, – констатировал Витте, хмурясь.

Глебов попытался усмехнуться:

- Уж простите, в таком состоянии решил зайти к вам на огонек. В ближайшей версте лишь ваши слуги, узнав меня, решились впустить... Люди, знаете ли, черствы к чужим злоключениям...

Витте кивнул:

- Вам нужно выпить.

Он плеснул виски в стакан и протянул Глебову. В дверь постучали. Витте прошел к двери, приоткрыл и, увидев перед собой секретаря с перевязочным материалом, впустил его.

Позади раздался глухой звук упавшего на ковер стакана. Витте обернулся.

Алексей сидел на стуле в совершенно неестественной позе: голова запрокинута, одна рука лежит на животе, другая плетью повисла вниз, стакан валялся на полу, а виски лужицей разлито на дорогом ковре.

Секретарь быстро осмотрел Глебова, прощупал пульс.

- Что с ним? – спросил Витте.

- Потерял сознание. Пульс слабый. Он потерял очень много крови.

Витте вздохнул:

- Вы знаете, что делать.

- Не беспокойтесь, Сергей Юльевич. – Секретарь принялся за дело.

Витте вышел и плотно закрыл дверь. Затем глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, осмотрел свой наряд – нет ли на нем крови, затем еще раз глубоко вздохнул и, как ни в чем не бывало, направился к гостям с беззаботной улыбкой на лице.

* * *

Москва

Лизу мучило. Тошнота наваливалась, заставляла страдать. Она безвольно опустилась на кушетку.

- Может быть, тебе помочь чем-нибудь? – участливо спросила Катя.

- Спасибо, ничего не надо, - ответила Лиза, шмыгнув носом. Она не могла объяснить подруге, что не только физическое недомогание заставляет ее страдать, а непонятное тревожное чувство, страх от того, что что-то произошло...

- Принесли телеграмму для тебя, - сообщила Катя, протягивая ей листок казенной бумаги.

Лиза вздрогнула от неожиданности и удивленно вскинула глаза, затем взяла листок и развернула. Руки ее задрожали, и она выронила телеграмму.

- Что случилось, Лиза?

По лицу Лизы бежали слезы. Она кивнула на телеграмму, Катя взяла ее и прочитала три потрясающих слова: «Ваш супруг жив».

- Он жив! Катя, он жив! Я же говорила тебе – он жив!

- Тогда... что же ты плачешь? Дуреха!

- Я... Я не знаю. Я так боялась, что что-то плохое произойдет, а тут такое...

- Так ты рада или нет, не пойму?

- Я безумно рада! Боже, я так рада! Я так рада! – Лиза повисла на шее у подруги.

- И что теперь?

- Что... Я поеду к нему!

- Нет. Стой. Никуда ты не поедешь. – Катя встала перед недоуменной подругой. – Пусть он за тобой приедет.

- Но...

- Никаких «но». Пусть он за тобой приедет. Ты ничего не будешь предпринимать. А я отправлю ему весточку, чтобы он как можно скорее надумал приехать. И если он примчится, то значит, он тебя все еще любит.

Лиза промолчала. Подруга была права – если Алексей в скором времени приедет, значит, он ее по-прежнему любит.

* * *

Петербург

Очнувшись, Алексей не сразу понял, где он находится. Рана ныла, голова кружилась. Он с трудом разлепил глаза и, как мог, осмотрелся по сторонам. Госпиталь. Белые стены. Запах медикаментов и хлора.

Алексей закрыл глаза, пытаясь вспомнить, как он сюда попал. Последнее, что он помнил достаточно хорошо, это приход к Витте. Потом он, по всей видимости, потерял сознание. Кто же совершил нападение? Было ли оно случайным, что вполне возможно – на улицах было беспокойно, или же враги заявили о себе? На эти вопросы не ответишь, если продолжать лежать на больничной койке.

Глебов открыл глаза, стал подниматься с постели, но резкая боль заставила его вновь лечь. Да уж, не стоит забывать о ране! Алексей на этот раз поднялся без резких движений. Взглянул на свой больничный халат с завязками сзади и направился к шкафу. Одежда, к счастью почищенная, была там. Натянув брюки, он попытался справиться с завязками за спиной, чтобы снять халат, но это оказалось совсем не просто. В ту самую минуту, когда он хотел стянуть халат через голову, на пороге возникла сестра милосердия, вскрикнула, выронила поднос с лекарствами, Глебов от неожиданности вздрогнул, ударился головой об угол дверцы шкафа, чертыхнулся и сгоряча рванул на себе халат.

- Господин Глебов, а вот портить казенное имущество вам никто право не давал, – услышал он знакомый голос и обернулся.

На пороге стоял Малышев, а позади него доктор, именно тот, что занимался лечением Алексея, когда он пострадал от взрыва. Значит, он находится в той же клинике, что и в прошлый раз?

- О, господин Малышев! Какими судьбами? – Алексей скинул порванный халат. - Здравствуйте, доктор.

- Здравствуйте, господин Глебов, - доктор следил за пациентом, так и стоя за широкой спиной агента Департамента, который молча наблюдал за Алексеем.

- Прошу прощения, доктор, за «испорченное имущество». Включите его стоимость в расходы за лечение, - Алексей надел рубашку.

Доктор посмотрел на Малышева, но тот с прежней усмешкой на губах смотрел на Глебова.

- Несомненно, - произнес, нахмурившись, доктор и засунул руки в карманы своего накрахмаленного белого халата.

- Позвольте спросить, куда вы собрались? – наконец поинтересовался Малышев.

- Станный вопрос, господин Малышев, - в моем случае, главное не куда, а откуда. – Алексей накинул жилетку, застегнул манжеты рубашки.

- Вы неисправимы, господин Глебов! – не сдержался доктор и вновь посмотрел на агента. – Господин Малышев, раз вы ничего не предпринимаете, дайте хотя бы мне выполнить свою работу.

Доктор протиснулся вперед мимо посторонившегося в проходе Малышева и решительно подошел к пациенту.

- Будьте любезны, присядьте, господин Глебов. Я хочу осмотреть ваши раны.

- В этом нет необходимости. Я чувствую себя превосходно. Вы славно потрудились. - Алексей принялся за обувь, отчего ему все же пришлось присесть на стул, так как голова вновь закружилась.

Доктор же не собирался уступать:

- Вы потеряли очень много крови, и если бы вас вовремя не привез господин Малышев, мы бы с вами сейчас не разговаривали. Вам стоит поберечься, господин Глебов, соблюдать режим, питаться вовремя и только здоровой пищей. И вам необходим совершенный покой, коей без особого присмотра вы себе, естественно, не обеспечите!

- Покой нам только снится... - пробормотал Алексей рассеянно. Так его в клинику привез Малышев? Интересно. Алексей поднял голову и посмотрел на доктора с улыбкой:

- Но я обещаю, что учту ваши советы, доктор.

Малышев рассмеялся, проходя в палату и присаживаясь на свободный стул.

- О, что-то новенькое! В прошлый раз вы бунтовали и изрыгали проклятья так, что весь персонал пожелал вам скорейшего выздоровления и выписки. Сейчас вы стали более покладистым. И если дело стало так, то я, как и доктор, настаиваю на осмотре вашей раны.

- Поверьте, никто беспричинно не жаждет задерживать вас здесь, - заметил доктор, и, скорее всего, это обращение касалось не только Глебова. - Однако я давал клятву Гиппократу...

- Поэтому вы не отстанете от меня и не дадите спокойно поговорить с господином Малышевым?

- Нет. — Доктор был упрям.

Алексей устало вздохнул и стал расстегивать рубашку:

- Хорошо.

Доктор окликнул помощницу, она тут же заглянула в палату, он сделал распоряжение и подошел к пациенту. Все эти маневры с переодеванием привели к тому, что повязки на торсе и плече Алексея окрасилась в красный цвет. Доктор осуждающе посмотрел на пациента поверх своих очков, и поджал губы, когда Алексей, пожав плечами, невольно поморщился.

К тому времени, когда сестричка принесла все необходимое для обработки раны и смены повязки, доктор сам разбинтовал раненого и принялся за осмотр. Малышев же, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, расслабленно наблюдал за происходящим. Мнимая беззаботность? Алексей сквозь полуопущенные ресницы заметил напряженность и задумчивость в глазах агента Департамента.

- Ну как, доктор, я буду жить? – переключился Глебов на врача.

- Не мните, господин Глебов, себя оригиналом – таких пациентов, как вы, в моей тридцатилетней практике хватало. - Доктор даже не поднял головы. – К счастью, заражения, я не наблюдаю. Голова кружится?

- Да. Слегка.

- Что и следовало ожидать: вы потеряли много крови. Вам повезло – органы не были задеты. Хотя, если бы еще слегка глубже, то, поверьте, мы бы с вами на этом свете уже не встретились.

Перед глазами Глебова мелькнуло воспоминание о холодных глазах убийцы, воткнувшего в него нож.

- Поверьте, доктор, я постарался сделать все от меня зависящее, чтобы не покинуть этот грешный мир.

- Я рекомендовал бы вам остаться в нашей клинике. – В голосе доктора слышалась непреклонность.

- Я так и знал, доктор! Вы из тех людей, про которых говорят «им палец в рот не клади – по локоть откусят». Вы рану мою осмотрели? Огромнейшее спасибо! Я хотел бы поскорее уйти. Дела, знаете ли, не ждут...

- Раз уходите, тогда наймите сиделку. И хорошенько заплатите этой героической женщине, которой придется вас слушать.

- Вы намекаете на мой несносный характер? – Алексей приподнял бровь. – Я разозлил вас, доктор?

- О, нет. Просто вы из тех людей, которым можно сказать «не плюй в колодец, из которого придется напиться».

Малышев рассмеялся:

- Доктор, обещаю, я сам найду господину Глебову сиделку. Глухую сиделку.

Глебов взглянул на Малышева, затем на доктора.

- Я бываю больным крайне редко, но и тогда при всем желании меня никто не может удержать на одном месте.

Доктор осмотрел глубокий порез на груди.

- Я пропишу вам дезинфицирующие и обезболивающие средства, которые нужно будет применять.

Алексей усмехнулся:

- Йод и опиумную настойку?

Доктор посмотрел на него поверх очков, но проигнорировал шутку больного.

- Вижу, вам не раз приходилось прибегать к таким средствам, - отозвался Малышев с усмешкой. - Бурная жизнь?

- Жизненный опыт.

Малышев хмыкнул.

- Если вы запустите раны, может начаться заражение. - Доктор подал знак помощнице. Женщина без слов принялась накладывать повязку на раны. – Позвольте откланяться, меня ждут другие пациенты.

- Благодарю вас, доктор, - произнес Алексей вслед уходящему врачу.

- О, не стоит благодарностей. Просто сделайте все возможное, чтобы больше сюда не попадать. Я хочу сказать, поберегите себя, господин Глебов. Прощайте.

- Зачем же вы так с доктором, господин Глебов? – спросил Малышев, вздохнув.

- А иначе наш уважаемый эскулап продержал бы меня в клинике не меньше недели. Уж поверьте, я не горю большим желанием валяться в кровати в какой-либо клинике. Увольте.

Женщина закончила перевязку:

- Все. Можете одеваться.

Затем вышла, прикрыв за собой дверь палаты.

Алексей натянул рубашку, стал застегивать пуговицы.

- Вот теперь, когда мы, наконец, остались одни, скажи мне, каким образом я вновь обязан тебе своим... спасением? – спросил он.

Малышев вздохнул:

- А ты просто не можешь сказать «спасибо»?

- Спасибо. Так как?

- Я был у Витте, когда ты пришел. Случайно заметил. А когда секретарю Витте понадобилась помощь, вызвался отвезти тебя в эту клинику. Я знаю доктора – он многим помог выкарабкаться с того света. И, кстати, приехал доктор в клинику среди ночи сразу же, как только я ему позвонил и сказал, что везу тебя туда. – Малышев усмехнулся. – Так что, у доктора ты ходишь в любимчиках.

- Да. Я скрашиваю ему серость будней. Он никогда не работал в цирке? Уж очень ему нравится заниматься моей дрессировкой.

- Не преувеличивай.

- Хорошо. Я пришлю доктору открытку с искренними извинениями и благодарностью, а в подарок самый дорогой стетоскоп¹ инкрустированной работы. Пойдем отсюда. Белые стены вызывают у меня чувство, что я одной ногой уже на том свете.

Малышев рассмеялся:

- Честное слово, Глебов, я тут вдруг понял, что мне тебя не хватало...

* * *

В доме №47, выходящем на угол Невского и Владимирского проспектов, находился популярный ресторан купца Палкина. В отличие от других ресторанов, выполняющих постановление градоначальника Трепова об оформлении вывесок на красном или синем фоне, этот ресторан имел вывеску вызывающе белого цвета. Именно сюда пришли Малышев и Глебов.

¹ Стетоскоп - прибор для прослушивания шумов внутренних органов: лёгких, бронхов, сердца и пр.

- Здесь можно хорошо отдохнуть, - сказал Алексей, когда метрдотель провел их мимо общего зала в один из уютных кабинетов.

- И не только, - произнес Малышев, оценив предусмотрительность Глебова – в кабинете можно было поговорить без посторонних ушей и взглядов.

Как только Малышев и Глебов расположились на диванах, явились два официанта и застыли в ожидании, пока метрдотель воркующим голосом выяснял, что будут есть и пить господа. Сделали заказ: суп Ошпо, для Глебова, по настоянию Малышева, - консоме¹ а-ля жиров, седло дикой козы а-ля гранд, салат, крепкое столовое французское вино. Метрдотель полушепотом отдал распоряжения официантам, и вскоре они вернулись с дополнительной сервировкой и закуской. Как только метрдотель, проверив, всё ли в порядке, удалился, Глебов отпустил и официантов.

Из зала раздавалась музыка - играли довольно неплохие музыканты. Алексей вынул портсигар, предложил закурить Малышеву, затем сам закурил.

Малышев заговорил первый:

- Я осмотрел то место, где на тебя напали.

- Да? Как же ты его нашел?

Малышев усмехнулся:

- На снегу остались капли твоей крови по всему пути, который ты прошел от места нападения до дома Витте.

Глебов неопределенно кивнул:

- И что скажешь?

¹ Крепкий мясной бульон.

- Ничего. Времена сейчас беспокойные. Бандиты распоясались, революционеры, террористы, черносотенцы творят, что вздумают. Могут запросто напасть на улице.

- Понятно. – Что-то Малышев юлит. – Ну а как же кинжал?

- Кинжал?

- Да, кинжал. Я выбил его из рук нападающего. Кинжал остался в проулке.

- Ты имеешь в виду вот этот нож? – Малышев вынул из внутреннего кармана замотанный в тряпку предмет и протянул Глебову. Алексей взял сверток, развернул. Обычный самодельный нож. Глебов нахмурился на мгновение, затем положил предмет на край стола и посмотрел на Малышева.

- Так ты хочешь сказать, что на меня напали случайно?

- Я в этом уверен.

Алексей неопределенно кивнул. Некоторое время, молча покуривая папиросу, задумчиво покрутил нож. Тот, кто всадил ему нож в бок, унес оружие нападения с собой. Тот же, кто нападал на него в проулке, а Алексей был в этом убеждён, напал с кинжалом, а не с ножом - лезвие короче. Да и дорогая сталь, разрезавшая на нем одежду как бритва, ни в какое сравнение не идет с лезвием ножа, которым только впору курицу потрошить. И что-то было не так в нападении: было ощущение несогласованности действий нападающих, будто они действовали врозь... Алексей посмотрел на Малышева:

- Думаю, ты прав. – Он затушил папиросу о пепельницу, затем устало откинулся на спинку дивана. - Хочу тебя поблагодарить. Во-первых, за вчерашнюю помощь – тащить меня в бессознательном состоянии наверняка было не так легко.

- Ты уже благодарил. Не стоит...

- А во-вторых, за помощь в Портсмуте.

Малышев помолчал, слегка постукивая пальцем по столу.

- В Портсмуте?

- Напомнить? – Глебов сделал паузу, внимательно наблюдая, как реагирует его собеседник. Тот вновь застучал пальцем по столу. - Я говорю о том выстреле, который спас мне жизнь в Портсмутском лесу, когда Макфлай собирался меня убить.

- Весьма интересно. Но не про меня. Я не был в Портсмуте.

Глебов с усмешкой покачал головой:

- Я видел тебя. Будешь отрицать?

Малышев молчал, затем убрал руку со стола и откинулся на спинку стула.

- Был то я или нет – нет никого значения. Можешь сказать слова благодарности мне и больше не возвращаться к этой теме.

- У тебя дела с Витте.

- У меня со многими дела. Работа такая.

- Что ты хочешь скрыть, Малышев?

- У меня много тайн. Ты про которую из них? – Малышев усмехнулся. - Послушай, Глебов, забудь про все дела, в которые ты тем или иным образом был втянут за последний год. Ты ведь понимаешь, о чем я? Живи спокойно, забудь. Дружеский тебе совет. Чем меньше знаешь, тем лучше спишь.

Алексей наклонился к Малышеву. Лицо его было серьезным.

- А кто даст гарантии, что меня оставят в покое?
- Что ты имеешь в виду? – Малышев насторожился.

- Лопухин, ты, затем Витте. Как только я с вами связался, моей жизни что-то или кто-то угрожает. Меня уже пытались убить Азеф, Макфлай, Савинков, вот теперь и это нападение.

- Если ты не будешь путаться под ногами, они сами уничтожат друг друга. Поверь.

- Пояснишь?

Малышев помолчал, поджав губы и вновь постукивая пальцем по столу.

- Хорошо. Помнишь, мы говорили о Рачковском? – спросил он.

- Да. Азеф убеждал, что Рачковский заказал убийство Плеве и копал под Лопухина.

- Так вот, карьера Рачковского идет в гору - в начале августа его назначили вице-директором Департамента полиции.

- Звезда Рачковского взошла на небывалую высоту?! Он наверняка начал сводить счеты с теми служащими Департамента, которые были ставленниками Лопухина и Зубатова - виновников его позора?

- Не то слово. Но важно то, что Рачковский вызвал Азефа в Петербург. В Департаменте среди посвященных стали задумываться о действительной роли Азефа в революционном движении. Азеф же в панике, дабы снять с себя подозрения, выдал Савинкова и слил много других сведений.

- Савинков арестован?

- Нет. Савинкову на этот раз удалось ускользнуть от ареста. Но это дело времени: сезон охоты открыт. К тому же, ЦК эсеров через одного агента Департамента узнал про полицейские заслуги Азефа. Ему не ответить.

Алексей, вспомнив беседу Рутенберга и Савинкова, которую подслушал в Лондоне, покачал головой.

- Не сработало. Поверь, Азеф выкрутился.

- Владеешь какими-то сведениями?

- Да так, услышать нечто довелось. Разговор Рутенберга и Савинкова. Азеф пользуется огромным доверием у эсеров. Они его не будут подозревать. Да и «козел отпущения» нашелся – некий Татаров.

Малышев, нахмурившись, помолчал.

- Скверный оборот, - наконец констатировал он.

- И кто же попытался разоблачить Азефа и Савинкова?

Не ты ли?

Малышев промолчал, хотя молчание сказало Глебову больше, чем какие-либо слова.

- Ты ведешь опасные игры, Малышев.

- И это говоришь мне ты?

Глебов помолчал, обдумывая услышанное. Рачковский и Азеф повязаны, и потому Рачковский его будет защищать до последнего или избавится от него навсегда, то есть уничтожит. И тех, кто копается в их грязном белье, пустит в расход. Таким образом, опасности подвергает себя не только Малышев, но и сам Алексей.

Глебов развел руками:

- Ты прав. Совершенно. Это не мое дело. Буду заниматься исключительно своими делами. – Алексей решил сменить тему. - И у меня как раз к тебе просьба.

- Что за просьба? – Малышев тоже решил уйти от опасной темы.

- Нужно найти одну женщину. Катарину Хмельницкую, певицу из ресторана. Как, поможешь?

- Постараюсь.

- Хорошо. – Алексей устало потер глаза. Затем отхлебнул немного вина. Есть совсем не хотелось, зато слабость валила с ног. Доктор был прав – не нужно пренебрегать здоровьем.

Как будто прочитав его мысли, Малышев произнес:

- Ты неважно выглядишь. Белый, как полотно. Тебе нужен отдых.

- Да. Устал что-то. Поеду-ка я домой, - Алексей поднялся. – Хочу на несколько дней смотаться в Москву, решить пару вопросов... Так что, будет что сообщить о Катарине Хмельницкой, извести.

Малышев кивнул. Они пожали друг другу руки и распрощались.

Конечно же, Малышев что-то не договаривает. И если так, то приставит к нему слежку. Стоит убедить Малышева в том, что он действительно уедет в Москву. Прости, дорогая моя Лиза, но не могу сейчас поехать за тобой - слишком опасно привозить тебя в столицу, когда есть реальная угроза отправиться с чей-то помощью на тот свет. Слишком уж погряз в этих политических интригах, тайных заговорах вокруг.

Возможно, есть некто, кто дергает за веревочки и двигает людьми, как марионетками. Но кто? Кто же хотел его убить на этот раз? Кому он перешел дорогу? Нужно в этом разобраться. Иначе нельзя...

* * *

Алексей проснулся от шума, который раздавался в гостиной, нехотя разлепил глаза. Прислуга? Зачем же поднимать шум, когда он спит?!

- Арина! – крикнул он. – Черт возьми, что за шум?!

Раздались шаги – дверь открылась и на пороге возникла незнакомая Алексею высокая крупная женщина.

- Доброе утро, господин Глебов, - сказала она, при этом на ее неприглядном лице не отразилось ни капли доброжелательности.

- Кто вы и что вам надо?

- Я фрау Фойт. Меня прислал господин Малышев. Я ваша сиделка.

Как же – сиделка! Надсмотрщица, а не сиделка!

- Черт возьми, мне не нужна сиделка! – не сдержался Алексей, садясь в кровати.

- Господин Глебов, меня поставили в известность о вашем Wesen...

- Wesen?

- Нраве, поведении, вашей природе. Пока я не буду уверена, что вам действительно не нужен квалифицированный присмотр, а я уже замечаю вашу бледность, темный синяки под глазами, и окровавленные повязки на вашем теле, - она

ткнула пальцем и Алексей невольно взглянул на свой торс, обмотанный марлевыми повязками, - я не уйду.

Глебов пару мгновений сверлил взглядом непрощенную «надсмотрщицу»: Подобная была у него в детстве - жесткая суровая армейская солдафонка, которая портила ему жизнь. Фрау Фойт смотрела на него с превосходством и холоднейшим терпением и молчала.

- Я голый, - сообщил он, пытаясь ее как-нибудь смутить, но фрау даже глазом не моргнула.

- Я знаю.

- Знаете?

- У вас был жар и бред. Вы тяжело спали, естественно раскидались, сбросили одеяло. Я вас укрыла. Я здесь уже несколько часов, да будет вам известно.

Глебов открыл рот, затем закрыл.

- Я вас увольняю! – наконец сказал он.

- Не вы меня нанимали, не вам увольнять.

Да, ее хладнокровию можно было позавидовать.

- Вас ничем не проймешь?

Она прошла к окну, раздернула шторы.

Алексей прищурился от ворвавшегося в комнату солнечного света. Сколько же сейчас времени?

- Сейчас два часа дня, - как будто прочитав его мысли, произнесла она. - Наденьте штаны. Затем я сделаю вам перевязку. Далее плотный сытный обед. А затем опять здоровый дневной сон.

- А если я не желаю одеваться и слушать ваши бредни, - грубо ответил Алексей. Он действительно чувствовал себя неважно, иначе смог бы дать достойный отпор.

- Как вам угодно.

- Откуда, черт возьми, вы взялись?!

- Я уже говорила.

- Черт! – Алексей выбрался из постели, не стесняясь дамы, протопал в гардеробную, с раздражением подмечая, что сиделка даже не отвернулась.

Вернулся он в штанах, вынул из портсигара папиросу и осмотрелся в поисках спичек. Сиделка чиркнула спичкой и поднесла к папироске Алексея. Он хмуро взглянул на фрау, но подкурил. Затем сел на кровать.

- Вас приставил Малышев, так вы сказали.

- Меня нанял господин Малышев, - повторила она.

Алексей пару раз затянулся, смотря на сиделку. Малышев приставил ее, чтобы она за ним следила, докладывала о каждом его шаге. Что же с ней делать? Она ведь шагу не даст ступить. Ну и Малышев! Явно здесь не чисто. Что он хочет скрыть?

Глебов взглядом поискал, куда стряхнуть пепел с папиросы, и в этот раз женщина оказалась рядом, подставив ему пепельницу. При всей своей массивности она двигалась очень быстро и бесшумно. Ничего удивительного, что он не слышал, как она входила в комнату, когда он спал.

- Что вы стоите? Делайте мне перевязку.

Фрау Фойт поставила пепельницу на стол, взяла с тумбочки поднос с заготовленными заранее медикаментами и перевязочным материалом.

- Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihn malt¹, - произнесла она.

- Что?

- Больные люди – капризные как дети, - ответила сиделка.

Перевязку делали практически молча. Затем фрау Фойт накормила его обедом. И Алексея снова стало клонить ко сну. Черт, неужели эта фрау напоила его снотворным?! Это была последняя мысль, прежде чем он погрузился в глубокий сон.

* * *

Проснулся Глебов поздним вечером. Фрау Фойт трогала своей жилистой холодной ладонью его лоб. Увидев, что он проснулся, она произнесла:

- Лежите. У вас жар. Сейчас я принесу лекарства.

Она ушла, а Алексей попытался встать, но перед глазами поплыли цветные пятна. Он закрыл глаза, а когда открыл, то вновь увидел перед собой сиделку, протягивающую ему стакан с водой и ложку с микстурой.

- Хотите меня отравить?

- Всего лишь сбить жар. Примите лекарство.

- Ну уж нет. Чем вы меня опоили за обедом? Снотворным?

- Да. В вашем состоянии нужно больше спать.

- Уберите.

- Чем скорее вы выздоровеете, тем быстрее я вас покину.

¹ Чёрт не настолько чёрен, как его рисуют (нем.).

Помедлив, Алексей все же открыл рот. Приняв лекарство, он вновь уснул. Но сон на этот раз был спокойным.

Следующее утро Глебов встретил довольно бодрым, отдохнувшим.

- Доброе утро. - Сиделка была уже тут как тут: вновь принесла поднос с медикаментами и перевязочным материалом.

Алексей молча согласился на перевязку, а когда она закончила, прошел в комнату, где переоделся.

- Вы собираетесь уйти, господин Глебов?

- Вас что-то удивляет?

- Вы должны поесть, прежде чем уйти.

- Хотите меня снова усыпить?

- Вовсе нет. Хотя это не помешало бы для вашего же блага.

- Лучше я останусь голодным, чем последую вашим советам.

Алексей развернулся и пошел к выходу.

Фрау преградила ему путь.

- Фрау Фойт, отойдите.

Она лишь сложила руки на груди – такая глыба на его дороге.

«Умный в гору не пойдет – умный гору обойдет», - пролетело у Алексея в голове, и он улыбнулся.

- Чему вы улыбаетесь, господин Глебов? - с подозрением спросила она.

- Подумал о комичности ситуации, фрау Фойт, - ответил он, снимая шляпу и пальто. – Несите ваш завтрак.

Фрау недоверчиво прищурилась. Глебов же прошел в столовую, сел за стол:

- Так вы несете завтрак, фрау Фойт?

- Сию минуту, господин Глебов. Только схожу на кухню.

Она вышла, Алексей тут же встал из-за стола, бесшумно вышел в коридор квартиры и укрылся в комнате напротив. Вскоре в коридоре появилась фрау Фойт, которая проплыла с подносом в руках в столовую. Глебов в одно мгновение захлопнул дверь столовой комнаты и повернул ключ.

- Приятного вам аппетита и хорошего времяпровождения, фрау Фойт, - сказал он, с возмущением дергающей дверную ручку сиделке.

Входная дверь, как он и думал, была заперта. Под немецкую брань разгневанной фрау Глебов отмычкой вскрыл замок, надел пальто и шляпу и вышел из квартиры.

* * *

Первым делом Алексей побывал на почтамте – было дело, не требующее отлагательств. После выловил смыслёного парнишку из местной шпаны и нанял следить за Малышевым. Затем направился на Сенную площадь, где позади гауптвахты, между Конным и Спасским переулками в доме №3 был знаменитый Малинник¹ Питера. Глебов практически здесь не бывал, да и бывал по большой необходимости, и вот такая необходимость вновь настала.

¹ Малинник (жарг.) - это главное и общее место сборищ мазуриков (воров, жуликов), представляющее для таковой цели всевозможные удобства: трактир, ночлежку, бордель.

Верхний этаж над трактиром и три надворных флигеля - всё это, разделённое на четырнадцать квартир, было занято тринадцатью притонами самого непробудного пьянства и мрачного разврата. Главной публикой, задающей тут «форсу» и чувствующей себя в этом злочном месте словно рыба в воде, были мошенники средней руки и, по преимуществу, мазурики низшего разряда. Тут они кутили, сбывали «товар», вели совещания, обсуждали в маленьких кружках проекты и планы на какой-нибудь предстоящий выгодный клей¹, подвергали похвале или порицанию дела выгоревшие и невыгоревшие².

Глебов взялся за ручку, открыл дверь трактира и вошел внутрь. Смерд, удушливая прелость, тусклое освещение и сырость помещения дополнялись битой за ночь посудой, сломанной мебелью, окурками на полу и плевыми, и лежащими в своей блевотине пропойцами.

Глебов переступил через одного из таких и с прищуром огляделся. Несколько злобных недоверчивых хмельных пар глаз были устремлены на него. Алексей прошел к лестнице и неторопливо поднялся на верхний этаж.

По коридору, придерживаясь за стену, прошла полуголая путана с подбитым глазом и рассеченной губой, а из спальни, откуда она вышла, с бранью басил ее ночной приятель.

Четырнадцатая квартира – вот что нужно было Глебову. Он остановился и постучал в дверь: один длинный, два коротких стука.

¹ Воровское дело (жарг.)

² Удачные или неудачные (жарг.)

Спустя какое-то время дверь распахнулась. На пороге стоял цыган в яркой жилетке и до блеска начищенных сапогах. В руках револьвер. Смерив Глебова самоуверенным взглядом, он хмыкнул:

- Проходи.

Глебов вошел. Дверь с шумом захлопнулась, а цыган встал за его спиной.

- Чё хотел?

Алексей снял шляпу, небрежно стряхнул с нее невидимую пыль:

- Жиган¹ нужен.

- Он всем нужен.

Глебов кинул шляпу на стол. В этой квартире, не в пример другим помещениям притона, как всегда было чисто и прибрано.

- Скажи, Лёха-Руль пришел, - сказал он, смотря исподлобья на цыгана.

Цыган некоторое время изучающе, с долей недоверия глядел на непрошенного гостя.

- Лёха-Руль говоришь? – произнес он, засовывая зубочистку в рот. Затем резко взмахнул пушкой. – А ну-ка, фраер², руки в гору! Варганку крутишь³?!

Глебов смерил его холодным взглядом:

- Закрой хайло, баклан. Не то пожалеешь.

¹ Вор, урка, бандит; преступник и любитель женщин, имеющий принципы и живущий по понятиям (жарг.)

² Человек, пытающийся казаться опытным преступником, хотя не имеет отношения к криминалу (жарг.)

³ Выдаешь себя за вора (жарг.)

Столь душевную беседу прервал надтреснувший голос хозяина:

- Яха, не быкуй. Не по масти катишь¹.

Цыган опустил дуло револьвера, переминаясь с ноги на ногу, посмотрел на вошедшего жигана, затем на Глебова.

- Вальты накрыли², - шмыгнув носом и утирая его рукой, сказал он и отступил в сторону.

Глебов хмуро цыкнул, взглянул на жигана:

- Давно не виделись, Костыль.

- Да, давненько. – Жиган кивнул на стул напротив стола, сам сел на другой. Глебов сел, сложил руки на стол, наклонился к жигану:

- Дело есть. Перетереть надо.

Костыль кинул взгляд на цыгана:

- Ты не при базаре³.

Цыган нехотя, но молча вышел. Когда он закрыл за собой дверь, жиган предложил Глебову закурить. Выпустив едкий дым папиросы, он изучающе посмотрел на затянувшегося папироской Алексея.

- Дошли слухи, что ты зашился и водишься с легавыми⁴.

Глебов бросил на него суровый взгляд и процедил:

- Никогда не отчитывался и впредь не собираюсь.

Жиган помолчал. Подымив папиросой, спросил:

- По какому делу нарисовался?

- Должок за тобой.

¹ Не глупи. Неправильно оцениваешь место человека в воровском мире (жарг.)

² Неточно оценил и расставил приоритеты (жарг.)

³ Означает, что тот, кто влазит в разговор, не имеет к нему дела (жарг.)

⁴ Попал в руки полиции и общаешься с работниками полиции (жарг.)

Жиган хмыкнул:

- Костыль добро помнит. Балакай.

- На днях мне едва не подогнали деревянный макин-тош¹. Слыхал?

Жиган хмыкнул, кивнул:

- Ответку врубаешь²?

- Людишки эти мне нужны.

- Не вопрос. – Жиган вмял окуроч в пепельницу. - Послушай, Руль. Тут поговаривают, что гайка³ воровская к тебе перешла.

Алексей откинулся на спинку стула. С прищуром изучающе посмотрел на жигана:

- К чему клонишь?

- Если так, то фармазоны⁴ заграничные признали тебя лучшим. Но ты ведь наш парень. Ломом подпоясанный⁵. Масло в голове есть - мастер планов на выгодный клей. С десятков лет назад Сашку-Офицера⁶ достойно заменил в делах. Сколько мы тогда лохов потрясли, а? – Костыль многозначительно на него посмотрел, призывая вспомнить.

¹ На днях меня едва не убили (жарг.)

² Хочешь свести счеты? (жарг.)

³ Гайка – перстень (жарг.)

⁴ Мошенники, аферисты (жарг.)

⁵ Ты - мужик-ремень, волевой, сильный (жарг.)

⁶ Прим. автора: Сашка-Офицер, Сашка-Руль - клички Александра Хомякова, сына отставного поручика, лучшего карманника Петербурга в начале 90-х годов XIX в. Организовал шайку карманников со штаб-квартирой в одном из питерских притонов. По утрам, после обязательного прочтения газеты «Тираж», Хомяков, как «рулевой», отдавал распоряжения – кому и где работать. Успехи команды Хомякова тревожили конкурентов, и в 1893 г. по наводке его арестовала полиция.

Алексей и не забывал тот, хоть короткий, но мрачный период своей жизни: первые его «дела» были беспринципными, в его аферы попадали все без разбору, за что пришлось заплатить - совесть была нечиста. Но он предпочел не отвечать, а Костыль тем временем продолжил:

- И как мазу ты за меня держал¹, век не забуду. Местечко для тебя теплое найдется. Покумекаешь на досуге?

- Не грузи, Костыль.

-А ты подумай... - Жиган поднялся, поднялся и Алексей. - Как что узнаю, пришлю весточку с цыганом.

- Дело не терпит отлагательств. Так что, не тяни.

- Заметано.

На этом и распрощались.

* * *

Дверь квартиры Алексею открыла фрау Фойт, освобожденная, по всей видимости, прислугой Ариной. Она приняла у него пальто и шляпу, повесила на вешалку и напомнила:

- Время перевязки, господин Глебов.

- Прекрасно. Готов вновь передать себя вашим заботам, - он усмехнулся.

Фрау Фойт не удосужилась ответить и прошла в комнату.

Через двадцать минут, после обработки раны и перевязки, он сидел в столовой комнате и уплетал приготовленный Ариной обед. Фрау, некоторое время постояв в дверях, вышла и прикрыла за собой дверь.

¹ Поддержал, заступился (жарг.)

Алексей откинулся на спинку стула, задумчиво пережевывая пищу. Фойт вызывала у него непреодолимое неприятие. Эта фрау явно темнит. И чтобы выяснить, что к чему, нужно усыпить ее бдительность и проследить за ней.

Закончив обедать, Алексей вышел в коридор.

- Прошу меня не беспокоить, - сообщил он прислуге, так, чтобы слышала и сиделка, затем прошел в кабинет. Спустя какое-то время в кабинет все же настойчиво постучали. Это была фрау Фойт.

- Что вам нужно? Я же сказал, меня не беспокоить!

- Я принесла вам лекарство, - ответила сиделка, в руках которой был поднос. На нем были блюдечко с двумя пилюлями и стакан воды.

Алексей раздраженно взял пилюли, закинул себе в рот, затем поднял стакан.

- Будьте здоровы, - сказал он, прежде чем залпом выпить воду. После с грохотом поставил стакан на поднос и захлопнул дверь перед самым носом сиделки.

Оказавшись один, Глебов выплюнул пилюли в ладонь и спрятал их под сидение кожаного кресла. Взяв газету, он сел читать, а спустя какое-то время его стало клонить ко сну.

Минут через пятнадцать в кабинет вновь постучали, но, так и не дождавшись ответа, открыли дверь. Фойт вначале заглянула, потом прошла внутрь. Встав перед Алексеем, она некоторое время смотрела на него, потом потрясла за плечо.

Он невнятно что-то пробормотал, но так и не проснулся.

Фойт огляделась. Затем начала обыскивать его карманы. Ничего интересного не обнаружив, она принялась осматривать документы на столе, порылась в выдвижных ящиках. Ничего нового для себя не обнаружив, она покинула кабинет.

Немного выждав, Алексей встал и бесшумно ступая, прошел к двери. Отворив ее, он прислушался. Фрау Фойт куда-то собиралась. Надев пальто, она вышла из квартиры.

Алексей, наспех накинув пальто, последовал за ней. Фойт спустилась по лестнице «черного» входа. Уже внизу он услышал ее голос.

- Er ist zurückgekehrt, - по-немецки сообщила она собеседнику. - Ich habe ihn durchgesucht, aber wo er war und was er tat, habe ich nicht erfahren. Sag dem Haupt, dass Malyshev begonnen hat, etwas zu verdächtigen. Er vertraut mir nicht wie zuvor. Das ist alles. Bis bald.¹

Через пару мгновений, она стала подниматься вверх. Глебов вернулся в квартиру. Позвал прислугу и отпустил ее домой, затем снял пальто и прошел в кабинет. Пришла Фойт. Дождавшись ухода прислуги, Алексей вышел из кабинета.

Он обнаружил сиделку в гостиной возле буфета с рюмкой водки и графином в руках. Она выпила, не поморщившись, затем вернула графин и рюмку на полку. Вдруг почувствовав, что она в комнате не одна, фрау обернулась и вздрогнула – Алексей стоял совсем рядом и его вид не предвещал ничего хорошего.

- Пора поговорить, фрау Фойт, - сказал он...

¹ Он вернулся. Я обыскала его, но где он был и что делал, я не узнала. Передай хозяину, что Малышев стал что-то подозревать. Он не доверяет мне, как прежде. У меня всё. До встречи (нем.)

* * *

Москва

Власти не могли взять инициативу в свои руки, несмотря на то, что полиция проводила порой удачные операции по пресечению деятельности «революционных партий». Ревпартии имели договоренность о совместных действиях против правительства, умело проводили антигосударственную агитацию и готовили бунт. Активно действовали эсдеки согласно резолюции третьего съезда, гласившей «организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания».

События между тем нарастали. В октябре в крупных городах началась политическая стачка, в которой, наряду с рабочими, участвовали и представители интеллигенции. В начале октября прекратилось движение на Московской железной дороге, а в последующие дни была парализована значительная часть дорог в стране. В Первопрестольной¹, как и многих других городах России, закрылись фабрики, не выходили газеты, почти не было электричества.

¹ Прим. автора: Почетный титул Москвы, который стали использовать после переноса Петром I в 1712 г. столицы русского государства из Москвы в Санкт-Петербург. Применяется для подчеркивания исторического старшинства Москвы, как города, в котором впервые появился престол русского царя.

На фабрике Шмита началась регулярная подготовка к восстанию. Теоретические вопросы разбирали в помещении библиотеки, учебная стрельба проводилась в здании фабрики или в каменоломнях между Ваганьковским кладбищем, Москвой-рекой и железнодорожной линией Брестской дороги; во дворе метали «бомбу», которой служила пятифунтовая гиля. Тактику уличных боев проводили в Лифортове или в Сокольниках. Главным оружейником на фабрике стал столяр, большевик Василий Иванович Чадушкин. В длинном подвальном помещении машинного зала фабрики был устроен тир. После работы дружинники под руководством Николая Шмита учились стрелять: били по листку бумажной мишени, приколотой к стене.

В обязанности Лизы входило обеспечить медицинскую помощь, так как все понимали, что без жертв не обойтись. Вместе с доктором они занимались заготовкой медикаментов и подготовкой помещений для приема раненых. Доктор занимался обучением Лизы – она участвовала во всех операциях, проводимых врачом. Помимо всего, Лиза учила Катю и еще двух женщин – жен рабочих - оказывать первую медицинскую помощь...

Время шло, заполненное работой и партийными обязанностями, вот только Алексей так и не объявлялся. Выполняя все свои обязанности, Лиза ждала. Ждала, что муж приедет повидаться с ней. Но день проходил за днем, и она потеряла надежду.

Ее подавленное задумчивое состояние не осталось незамеченным для Николая и Кати.

- Что вас тревожит, Лиза? – спросил он ее, когда они оказались наедине в гостиной Кати.

- Я хочу съездить в Петербург, - ответила она, все для себя решив. Сдаваться она не собирается - если Глебов не делает первый шаг, то она сама его сделает.

- Железная дорога не работает из-за забастовок. А путешествовать в дилижансе долго, да сейчас и небезопасно – слишком беспокойное время, - сказал Шмит скованно. – Тем более, в вашем положении.

Лиза взглянула на свой округлившийся живот. Вот именно, о таком «положении» она и должна как можно быстрее сообщить мужу.

- Я все равно поеду.

Шмит помолчал:

- Тогда я буду вас сопровождать.

- Нет, не стоит.

- Если вы все для себя решили, Лиза, то я тоже все для себя решил. Вы не можете ехать одна. Я еще раз повторяю – это небезопасно. Я не позволю вам рисковать.

- Разве вы не понимаете? Я не хочу усложнять и так слишком сложные отношения с мужем вашим присутствием.

- Хорошо. Алексей Максимович обещался скоро навеститься к нам с супругой. Я думаю, он не откажет составить вам компанию. Вы согласны, Лиза?

Она молчала. Как плохо, что железная дорога не работает: ехать в поезде до Петербурга 22 часа, а в дилижансе четыре с половиной дня. Но она больше не может ждать...

- Лиза?

- Да?

Николай поджал губы:

- Вы хотя бы слышали, что я вам говорил?

- Да. Слышала. – Лиза вздохнула. – Не думайте, что я такая неблагоприятная. Я дождусь Алексея Максимовича. Он мне не откажет.

Но на следующий день доктор категорически воспротивился ее решению.

- Вы с ума сошли?!

- Но...

- Никаких «но»!

- Я беременна, а не больна.

- Хотите потерять ребенка? Поездка стоит того?

Лиза опустила голову, сникла.

Доктор вздохнул, похлопал ее по плечу:

- Ну, ну. Не печальтесь. Есть же такая замечательная вещь, как телеграф. Телеграфируйте в столицу - пусть ваш супруг приедет.

Лиза нервно потерела ткань юбки. Ребенок лягнул ножкой. Лиза положила ладонь на живот – малыш успокоился. Затем вновь толкнулся.

- Наверное, вы правы, - произнесла она, поглаживая живот. Ребенок – важнее всего. Но у него должен быть отец.

Ближе к полудню Лиза сходила на почтамт, чтобы отправить телеграмму. Где поселился ее муж – она не знала, так что решила отправить сообщение в контору к его поверенному господину Рериху. Долго пыталась подобрать нужные слова, писала, комкала бумажку и писала заново.

Наконец, телеграмма была отправлена. «Алеша, прошу, приезжай. Лиза».

* * *

Петербург

Фрау Фойт, крепко накрепко привязанная к стулу, с кляпом во рту, затравленно взирала на Глебова, который ставил пластинку в граммофон, а затем, покрутив ручку, опустил иглу. Зазвучал тенор Энрико Карузо, исполняющего арию Канио из оперы «Паяцы» Леанковалло.¹ Глебов прошел по комнате, помахивая рукой, словно дирижерской палочкой, взял стул, резко опустил на ножки, развернул спинкой в сторону фрау Фойт и сел на него верхом. Затем вынул из-за пояса револьвер, покрутил в руках.

- Весьма интересную игрушку я обнаружил в вашем ридикюле, фрау Фойт, - произнес Алексей и положил револьвер на край стола.

Облокотившись на спинку стула, он посмотрел на сиделку:

- Итак, фрау Фойт, сразу предупреждаю, если вы начнете орать, когда я вытащу кляп, я вам голову размозжу. Вам понятно?

Она кивнула. Глебов протянул руку и выдернул кляп. Фойт перевела дыхание.

- У меня астма, - сказала она, слегка задыхаясь.

- По мне, хоть грыжа. Кто вас прислал?

- Я вам уже говорила – господин Малышев.

- С кем вы разговаривали на лестнице?

¹ «Паяцы» - опера итальянского композитора Руджеро Леонкавалло. Премьера оперы состоялась в 1892 г. Частью оперы является популярная ария «Recitar/Vesti la giubba» («Пора выступать! Пора надеть костюм!») в исполнении итальянского оперного певца-тенора Энрико Карузо (1873 – 1921).

- С сестрой.

- Не лгите! Так с кем?

- Господин Малышев просил меня сообщать ему о вашем здоровье.

- Что еще?

- Все, больше ничего.

Глебов покачал головой:

- Опять лжете. – Он закурил папиросу, повертел ее в руках. – Скажите, а это слишком больно, если огонек папироски затушить на коже человека? Например, об лицо... или шею... может, грудь? Где кожа более чувствительна, а? Есть возможность проверить...

- Нет, прошу вас! - Сиделка вздрогнула от ужаса. Неужели кто-то продельывал с ней эту пытку?

- Все только в ваших руках, фрау Фойт. – Глебов глубоко затянулся папироской, не сводя равнодушного взгляда с ее перекошенного ужасом лица. - Я даю вам право выбрать. Или вы мне все сами добровольно рассказываете, или же переносите невероятную боль и под пытками все также мне расскажете.

- Я все расскажу. Расскажу, - дама стала задыхаться. Глебов холодным взглядом уставился на нее. – Меня нанял господин Малышев. Я работаю сиделкой...

Глебов недовольно качнул головой и протянул к щеке фрау тлеющую папироску.

- ... А еще я занимаюсь слежкой. Для полиции, если им нужно.

Алексей убрал папироску:

- Дальше.

- Господин Малышев поручил мне проследить за тем, чтобы вы какое-то время не выходили из дома. И если что, докладывать ему.

- Зачем ему это надо?

- Я не знаю. Я всего лишь выполняю распоряжения!

Глебов какое-то время смотрел на фрау Фойт. Она не договаривает, а пытаться ее всерьез у него не было намерений. Он встал, взял со стола револьвер, фрау Фойт вздрогнула и вся похолодела от страха. Алексей какое-то время постоял, смотря сверху вниз в ее перепуганные глаза, затем развязал веревку, удерживающую ее на стуле.

- Вставайте, фрау. — Он дернул ее за локоть, грубо поторапливая. Затем втолкнул в кладовку. Вставив кляп ей в рот, прижал палец к своим губам.

- Сидите тихо, - сказал он, и, захлопнув дверь, закрыл ее на ключ.

Передвинув граммофон поближе к кладовке, Глебов вышел из комнаты. Кроме тенора Энрико Карузо «'O sole mio»¹ было не слышно ни звука.

Эта фрау - служанка не одного хозяина и очень многое скрывает. На кого же, помимо Малышева, она работает? Кто еще интересуется им?

Алексей прошел в комнату, занимаемую фрау и тщательно обыскал. Напоследок осмотрел карманы ее пальто, прощупал его и под подкладкой обнаружил плотную бумажку. Не раздумывая, немного вспорол.

¹ «'O sole mio» (неаполит. «Моё солнце») — неаполитанская песня, написанная в 1898 г. Музыка Эдуардо ди Капуа, слова Джованни Капурро, в исполнении великого итальянского оперного певца-тенора Энрико Карузо.

На серой картонке было написано два ряда трехзначных цифр. Что же это? Алексей сунул картонку обратно под подкладку, повесил пальто на место. По поводу цифр у него возникло предположение, которое следовало проверить.

Он прошел в прихожую, надел пальто, взял шляпу и трость, и вышел из квартиры.

* * *

Ресторан «Вена» встретил своим гостеприимством, уютом и хорошей кухней. Однако насладиться всем этим у Глебова не было времени. Он прошел к барной стойке, заказал рюмку коньяка и спросил, есть ли у них телефон. Обслуживающий его официант указал на угловую стену, Алексей заплатил и прошел к телефонному аппарату. Когда в трубке раздался приятный голос телефонистки, он попросил набрать один из номеров, найденных им у Фойт, и вскоре услышал знакомый голос Малышева. Повесив трубку, он снова поднял ее, и попросил соединить с другим номером.

- Секретарь вице-директора Департамента полиции Рачковского слушает, - раздалось в трубке.

- Извините, я ошибся номером, - ответил Алексей и повесил трубку.

Итак, значит Рачковский. Дела еще хуже, чем он ожидал.

Глебов взглянул на часы. Мальчишка, которого он нанял проследить за Малышевым, должен был ожидать его на улице.

Парнишка, действительно, уже ошивался напротив входа в ресторан. Алексей, осмотревшись по сторонам и примечая, нет ли слежки, перешел через дорогу, и подошел к нему. Тот быстро выложил нужную для него информацию: где и с кем проживает Малышев. Заплатив мальчишке, Глебов поймал возничего, забрался в подъехавшую коляску и назвал свой адрес. Возничий хлестанул лошадку, и экипаж покатил в сторону его дома.

* * *

Вернувшись в свою квартиру, Алексей обнаружил, что дверь не закрыта на замок. Он вынул из-за пазухи револьвер. Осторожно ступая, вошел. Граммофон по-прежнему играл, хотя мелодии давно должны были быть проиграны. Глебов осторожно приблизился к двери комнаты, в которой раздавался шорох. Слегка приоткрыл и тут же заметил тень стоявшего возле двери человека. Алексей со всей мощи навалился плечом, дверью сшибая противника с ног, на ходу наставил револьвер на поверженного.

- Эй, свои! – подняв руки, проорал лежащий на полу цыган.

- Свои, говоришь? – Алексей не убрал дуло револьвера от вора. – Какого черта ты у меня делаешь? – Глебов вдруг понял и ехидно усмехнулся. - Перстень воровской ищешь? Ну как, нашел?

- Да ты че, я того... - заюлил цыган, - меня того... Костыль прислал... весточку передать...

- А про перстень он сказал?

- Нет, ты че... - цыган даже не сообразил, что проболтался.

Глебов, держа под прицелом цыгана, обыскал его карманы, проверяя, не спер ли тот чего-нибудь.

- Эй! - завозникал вор, но замолчал, когда Глебов прижал дуло к его лбу.

- Можешь передать Костылю, что гайки воровской у меня нет. Если она ему так нужна, пусть поищет в Европе, - Алексей выпрямился. – Вставай.

Цыган поднялся на ноги, неуверенно взглянул на револьвер.

- Волыну¹ убери, а?

Алексей хмыкнул, засунул револьвер за пояс, сел на край стола.

- А теперь балакай, что передал для меня Костыль.

Цыган расслаблено выдохнул. Пригладил кучерявые волосы:

- Он сказал передать тебе, где ошиваются те парни, что ты ищешь. И сказал, что тебя ждет того... «суп-рис».

- Сюрприз, что ли? – Глебов хмыкнул.

- Во-во, он самый.

Алексей вдруг вспомнил про запертую Фойт, обернулся на открытую дверь кладовки.

- Мне и здесь сюрпризов хватает, - произнес он и повернулся к цыгану. – Ты куда дел мою сиделку?

- Кого? - удивился вполне искренне цыган. – Чего?! Когда я пришел, здесь никого не было. И дверь вскрывать-то не пришлось. Заходи, бери, что душе угодно.

¹ Волына – оружие (жарг.)

- Ясно. – Алексей убрал грампластинку с граммофона. – Садись и рассказывай.

- Сесть я всегда успею, - осклабился цыган, но, поймав суровый взгляд Глебова, предпочел присесть на стул. Порывшись в кармане, он вынул бумажку и протянул ее Алексею. Карандашом корявым почерком были выведены имена и адреса тех двух типов, которые на него покушались.

* * *

Первый адресок, где проживал Иннокентий Луцин, привел Глебова в довольно неухоженную часть столицы, где в съемных комнатухах ютились служители богемы среднего пошиба, непризнанные писатели и поэты, проигравшиеся кутилы, студенты-смутьяны и разочаровавшиеся в жизни пьянчужки.

Алексей нашел нужный ему номер дома и хотел было уже направиться к одному из подъездов, однако резко остановился и укрылся за углом - из подъезда вышел Малышев. С мрачным видом сотрудник Департамента закурил папироску, некоторое время спустя из подъезда вышел околоточный¹ и протянул ему какой-то длинный предмет, завернутый в белую тряпицу. Малышев развернул, взглянул на предмет, затем вновь завернул и, засунув за полу пальто, зашагал прочь.

Спустя какое-то время, прибыла крытая повозка, предназначенная для транспортировки трупов. Околоточный вошел в подъезд, прибывшие жандармы с носилками поднялись за ним следом. Глебов, натянув поглубже шляпу и замотав шарф поверх воротника пальто, последовал за ними.

¹ Околоточный - надзиратель полицейского участка - «околотка».

На одном из лестничных пролетов возле облупленной двери квартиры стояли несколько любопытных жильцов. Алексей пристроился к ним.

- Что случилось? – спросил он у одного мужичка, что стоял поближе.

- Жильца замочили, - сообщил он. – Уж несколько дней назад, а труп только-то обнаружили.

- А я-то думаю, что так в подъезде воняет, - ответил другой. – Как в прошлый раз, когда издохла кошка.

В дверном проеме появились жандармы с носилками.

- Расступитесь!

Толпа раздвинулась, давая им пройти. На носилках лежал труп, накрытый простыней, лишь только кисть руки оказалась не прикрытой. Когда его пронесли мимо, Алексей успел разглядеть незамысловатую татуировку на запястье. Внутри треугольника было изображено око...

* * *

Отправившись по второму адресу, где проживал некий Петр Горин, Глебов какое-то время понаблюдал за квартирой. По всей видимости, в квартире никого не было: ни шагов, не звуков за дверью. Алексей, предусмотрительно вынув револьвер, постучал и прислушался. Тишина. Глебов вынул отмычку и вскрыл замок. Осторожно вошел. Затем принялся за осмотр.

Небольшая дешевая квартирка с маленькими комнатками была жилищем холостяка, хотя наличие некоторых женских штучек, как румяна и духи, говорили о том, что женщина здесь бывает. Алексей открыл флакон и понюхал. Знакомый аромат. Ненавязчивый, холодный.

Он осмотрел полки комода, шкаф, но ничего примечательного не обнаружил. Хотя... Глебов с тщательностью осмотрел одежду. Нашел едва заметные коричневые пятна на рукаве. Он прикрыл глаза, и в голове пронесли образы. Убийца заносит нож над жертвой, та пытается защищаться, но безуспешно – смертельный удар, и жертва, испуская дух, хватается за рукав пиджака убийцы. Рука соскальзывает, жертва падает на пол. А на руке – на запястье татуировка «всевидящее око»...

Глебов открыл глаза. Вернув все на прежнее место, он еще раз осмотрелся, и вышел из квартиры.

* * *

День близился к концу. Но у Алексея еще был один срочный визит – к Малышеву.

Дом, где проживал Малышев, был респектабельный: двухэтажный, аккуратненький, с белыми колоннами и покрытой черепицей крышей, а возле дома – ухоженные деревья, клумбы и газон.

Глебов постучал дверным молоточком, и вскоре ему открыл седовласый слуга. Он провел Алексея в гостиную и направился сообщить хозяину о визите гостя. Оставшись один, Глебов осмотрелся: выглянул в коридор, примечая расположение помещений, комнат, затем, отодвинув тяжелую штору, выглянул в окно. Когда же хотел приподнять щеколду на оконной раме, услышал за спиной рычание собаки. Оглянувшись, он увидел гончую, которая скалила на него зубы, а рядом с ней белокурую девочку-пятилетку в нарядном платьице, худенькой ручонкой держащую собаку за ошейник.

Она с любопытством смотрела на Глебова своими голубыми глазенками, обрамленными длинными ресничками.

- Bonsoir, mademoiselle¹, - сказал Алексей, вежливо улыбнувшись. Собака оскалилась еще больше. Шерсть на ее холке встала дыбом.

- Bonsoir, monsieur², - произнесла девочка, делая реверанс, но по-прежнему крепко держа пса за ошейник.

- У вас очень сердитая собака, мадмуазель, - заметил Алексей. Собака в доме создавала для него большие сложности.

- Его зовут Мафусаил. Он охраняет нас с мамой, когда папы нет дома, - ответила девочка и потянула собаку за ошейник.

В комнату вошла довольно миловидная молодая хрупкая женщина с такими же белокурыми локонами и большими голубыми глазами, что и у девочки.

- Здравствуйте. Вы наверно к Даниилу? – произнесла она приятным мелодичным голосом.

К Даниилу? Глебов как-то не задумывался, как же зовут Малышева.

- Да, - он вновь взглянул на собаку. - Прошу прощения, хотя ваша собака вполне милое создание, но я немного чувствую себя скованно, когда она так на меня смотрит.

Женщина улыбнулась и, без барской манерности, сама, не прибегая к помощи слуг, вытолкала пса за дверь.

- Благодарю.

- Прошу вас, присаживайтесь.

¹ Добрый вечер, мадемуазель (фр.)

² Добрый день, месье (фр.)

Глебов сел в кресло. Девочка и мать – на краешек дивана. Спины прямые, руки на коленях. Алексей приветливо улыбнулся дамам. Они улыбнулись в ответ.

- Позвольте представиться. Глебов Алексей Петрович.

- Юлия Гаврииловна Малышева. Моя дочь – Елена.

- О, очень приятно, - Алексей вновь улыбнулся. Мать и дочь смотрели на него с любопытством, так что молчание затянулось.

- Мой супруг не радуется своим знакомыми, - пояснила женщина, посчитав, что они своим разглядыванием смущают Алексея. - У нас редко бывают гости.

Глебов огляделся:

- У вас довольно мило. Изыскано и уютно.

Женщина улыбнулась. Вместе с ней и дочь.

- Спасибо. Приятно слышать. Мы с Леночкой потратили много времени и сил, чтобы все было так, как мы хотели. Правда, девочка моя?

- Да, мамочка, правда. – Девочка кивнула. – А кем вы будете? Откуда вы знаете рара¹?

- Откуда знаю? – Глебов улыбнулся. – Мы с ним работали вместе какое-то время.

- Так вы папин сослуживец! – Глаза девочки загорелись любопытством. - Скажите, а мой папа – герой?

Дверь в этот момент распахнулась, и на пороге возник Малышев. Он устремил взгляд на Алексея. В глазах недоверие, подозрительность и холод.

Глебов поднялся:

- Здравствуй, Даниил.

¹ Папа, отец (фр.)

- Здравствуй. – Малышев кинул взгляд на жену и дочь, затем вновь посмотрел на Алексея. – Пойдем.

Глебов вежливо раскланялся с дамами и зашагал за агентом Департамента, по пути не упуская из внимания расположение комнат и других помещений дома.

Малышев провел его в свой кабинет и закрыл дверь.

- Как ты меня нашел? – спросил он. Ощетинился, как гончая перед прыжком. Ни дать, не взять – Мафусаил.

- Не кипятись. Тебя не сложно было найти. Разреши, я присяду. Рана напоминает о себе – чувствую постоянную слабость. – Глебов сел в кресло. – Скажем так, ты посчитал себя вправе лезть в мою личную жизнь и подсунул в мой дом шпионку. Я решил тоже нарушить субординацию и посмотреть, как и чем живешь ты.

Малышев сжал кулаки:

- Ты мне угрожаешь?

Глебов рассмеялся. Покачал головой:

- Эх... Расслабься. Просто хотел тебе сообщить, что твоя фрау Фойт сбежала.

Малышев нервно прошел к столу, закурил папиросу:

- Я в курсе. После того, как ты ее пытал. Так?

- Это слишком громко сказано. Пытал! – Глебов поморщился. – В ее услугах я не нуждаюсь. И, будь любезен, больше никого не присылай.

Малышев пару раз глубоко затянулся, выпустил струю дыма через ноздри, затем затушил окурок и помахал рукой, разгоняя дым. Приоткрыл форточку.

- Малышев?

- Как хочешь, - ответил тот. Когда он обернулся, то был уже спокоен.

- Вот и ладненько. - Алексей улыбнулся. Почему же Малышев так разнервничался? В чем причина? Что-то скрывает или же опасается за свою семью?

- Я хотел узнать, - произнес он, - про Катарину Хмельницкую что-нибудь известно?

Малышев покачал головой:

- Нет.

В дверь тихонько постучали, затем она приоткрылась и на пороге возникла супруга Малышева. От сквозняка форточка громко хлопнула о раму, а Юлия Гаврииловна, приняв себя, укоризненно посмотрела на мужа. Он проигнорировал ее взгляд, потянулся закрыть форточку на щеколду, но резко обернулся, когда услышал голос супруги:

- Вы отужинаете с нами, господин Глебов?

Малышев не успел возразить, Алексей его опередил:

- С большим удовольствием.

Малышев нахмурился, но промолчал.

За ужином Глебов развлекал «дам», глава семейства молча наблюдал за ними, а собака сидела рядом со своими хозяйками.

- Еще, о, пожалуйста, еще! – хлопая в ладошки, попросила девочка, когда Алексей изобразил парочку комических пародий. Юлия Гаврииловна смеялась, Малышев был недоволен.

- Да, пожалуйста, Алексей Петрович! – попросила она.

- Извольте, - Алексей взглянул на Малышева, подбоченился, как он, покашлял в кулак, а затем произнес пару фраз солидным хрипловатым баритоном. Девочка и женщина замолчали, а затем с восторгом, смеясь, заплодировали.

- Как у вас получается?! Голос, как у *papa*! Папа, ты слышал?

Малышев откинулся на спинку стула, не сводя жесткого холодного взгляда с Алексея...

Когда пробило восемь, Глебов решил откланяться.

- Что ж, было очень приятно познакомиться с вами и провести столь необыкновенный, замечательный вечер, но мне пора... - он стал подниматься, но вдруг пошатнулся и рухнул обратно.

- Алексей Петрович? – встревожилась Юлия Гаврииловна.

- Все... все хорошо...

Юлия Гаврииловна взглянула на мужа.

- Я тебя отвезу, - сказал Малышев.

Глебов не отказался.

Малышев доставил его домой, дождался, когда в окнах квартиры Глебова загорится свет, и только затем отправился обратно.

Глебов же, убедившись, что Малышев уехал, вышел через черный ход, через дворы выбрался на соседнюю улочку, где его уже ждал извозчик...

* * *

Алексей ждал. Ждал, когда весь дом погрузится в сон. Наконец, выбрав подходящий момент, он пробрался к дому. Ловко ухватившись за толстую ветвь дерева, Алексей подтянулся и стал забираться выше.

Взобравшись на дерево, Глебов прошелся до середины ветви, она угрожающе под ним заскрипела, когда он оттолкнулся и прыгнул к выступу с колонной. Ухватившись за колонну и стоя лишь носочками на выступе второго этажа, он перевел дыхание, и двинулся дальше к окну. Малышев так и не замкнул форточку на щеколду, поэтому открыть окно стало намного проще. Алексей просунул руку внутрь, протиснулся в форточку и приподнял щеколды на оконной раме. Открыв створки, забрался в комнату. Закрыл.

Прислушиваясь к звукам в доме и привыкая к темноте, он некоторое время постоял на месте. Затем отдернул шторы и впустил лунный свет, который тут же осветил помещение.

Первым делом, Алексей осмотрел рабочий стол Малышева. Разного рода бумаги, ничего значащего. Пара безделушек. Нижняя полка закрыта, но Глебов без труда вскрыл ее. На дне лежали два свертка, один из которых он уже видел – тот, что передал окольничий Малышеву возле дома убитого.

В обоих свертках оказались совершенно одинаковые кинжалы. Вероятнее всего, второй все-таки был найден Малышевым на том месте, где на Алексея напал Луцин.

Глебов внимательно рассмотрел предметы. На рукоятках и лезвиях – знаки и надписи на латыни: «*Suum cuique*»¹, «*Stat sua cuique dies*»².

¹ Каждому свое (каждому по заслугам) (лат.).

² Для каждого придет его день (Из Вергилия) (лат.).

Алексей еще раз сосредоточено посмотрел на знаки, стараясь их запомнить. Затем положил ножи обратно так, как они лежали ранее, запер полку, и тут услышал быстрые приглушенные шаги в коридоре. Глебов взобрался на подоконник и задернул штору.

В кабинет вошел Малышев, держа в руках свечу. Он был одет так, будто куда-то собрался уходить. Пройдя к столу, он вынул ключ и вставил в скважину замка полки. Вынул кинжалы, завернул их в бархатную материю. Неожиданно со смутной тревогой посмотрел по сторонам. Алексей замер.

- Ваш экипаж готов, - сообщил слуга, возникнув на пороге.

- Хорошо. – Малышев засунул сверток за пазуху и вышел из кабинета. Повернул ключ в замочной скважине. Затем его шаги раздались в коридоре.

Глебов перевел дыхание. Выглянул в окно. «Проследить бы, куда направился в столь позднее время Малышев, прихватив кинжалы. Что же ты скрываешь от меня?»

* * *

Часы пробили девять. Алексей взглянул на них, дописал до конца послание, положил в конверт. Итак, три письма – три адресата. Игра началась. Он положил два письма на край стола, вызвал прислугу, наказал в срочном порядке доставить письма по указанным на них адресам.

Когда Арина ушла, Глебов открыл папку и вынул записку с символами, сделанную им по памяти по возвращению с ночного «визита» в дом Малышева.

Что значат эти символы, он разберется позже, если, конечно, выгорит дельце, которое он затеял. Алексей вернул рисунок на место, откинулся на спинку стула, сложив руки замком на затылке. Взглянул на третий конверт с посланием. Он очень рискует, затеявая все это. Но другого выхода нет.

Глебов взглянул на часы. Девять тридцать. Пора. Он встал, прошел к шкафу, вынул оттуда приобретенную ранее одежду и снаряжение сапожника. Переоделся: русская рубаха, жилетка, сверху зипун¹, поверх – фартук, широкие брюки заправил в сапоги, на голову натянул картуз. Затем, прихватив письмо, а также стульчик и ящик с инструментом, выглянул из квартиры. Убедившись, что на лестничной площадке никого нет, он вышел и по черному ходу, предназначенному для прислуги, спустился во двор...

...Прежде всего, Глебов подкинул письмо под дверь квартиры, где проживал Петр Горин – тот самый тип, который совершил на него покушение. Затем расположился у перекрестка улиц и стал наблюдать за домом.

Прошло несколько часов ожидания, в течение которых Глебов чинил обувь. Его очередной клиент стоял на одной ноге, Алексей сидел на табуретке и, держа в руке железную лапу с насаженным на нее ботинком, работал. Он вбил очередной гвоздь в каблук и тут краем глаза заметил, как из подъезда вышел сухощавый высокий мужчина, и, оглядевшись, зашагал по улице. Алексей узнал его. Он вогнал последний гвоздь в башмак, сунул клиенту и, получив оплату, быстро собрал свой скарб и последовал за ним.

¹ Зипун (полукафтан) - верхняя одежда у крестьян. Представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна.

Горин шел по улице, засунув руки в карманы и, иногда, оглядывался по сторонам. Алексей свернул в проулок, оставил там свою ношу, быстро скинул фартук. Осторожно выглянул: Горин на ходу запрыгнул в конку. Глебов нагнал ее, вскочил на подножку позади вагона и крепко ухватился за перекладину. Так и проехал пару остановок, пока Горин не сошел на нужной.

В конечном счете, Горин вошел в здание, где располагался Департамент полиции. Через полчаса он вышел и зашагал вдоль улицы, вновь сел в конку и вернулся домой. Алексей не отставал, следуя за ним и стараясь «не светиться».

Цыган ждал его возле дома, сидя на скамейке. Глебов прошел мимо. Яшка, поправляя картуз, подмигнул. Итак, Костыль прислал цыгана. Дело пошло. У него еще есть несколько часов...

* * *

Вернувшись домой, Глебов переоделся. Прислуга принесла обед, доложила о том, что письма были переданы адресатам. Голос ее звучал смущенно, а лицо не могло скрыть тревогу. Помешивая ложкой горячий кофе, Алексей понаблюдал за ней.

- Что вас беспокоит, Арина?

Женщина обернулась, нерешительно помяла в руках полотенце:

- Нет, ничего.

- Я же вижу. — Алексей был настойчив. Нужно сразу выяснить что происходит, пока это не вылилось в неприятности.

- Я не вправе вмешиваться в дела хозяина. И не вправе задавать вопросы.

Глебов улыбнулся:

- А вы задайте. Я разрешаю. Присядьте.

Женщина потеряла в руках полотенце, присела на край стула.

- Я работаю на вас больше года, Алексей Петрович. И вы платите мне хорошее жалованье, очень хорошее жалованье. Я не могла нарадоваться своей работе - вы и Елизавета Николаевна – всегда были добры. Но... как только Елизавета Николаевна уехала, в вашей жизни стали происходить странные вещи, что меня пугает. Вот, к примеру, пожар на прежней квартире. Или ваша странная сиделка. А эти письма...

- Вы боитесь?

Она взглянула на него:

- Да, боюсь.

- Хотите получить расчет?

Женщина промолчала, снова стала неуверенно тереть полотенце.

Глебов вздохнул. Она права. Уже не в первый раз недоброжелатели проникали в его дом, не ровен час, решат убить его прямо в квартире. И как часто бывает в таких случаях, заодно пострадает и прислуга, если окажется помехой или ненужным свидетелем.

Арина была ответственной, выполняла огромный круг обязанностей по дому и, самое важное, не болтала о своем хозяине с другими – он проверял. Искать же новую прислугу - не было времени. Да и мало ли что могло произойти вскоре. Даже сегодня вечером...

- Хорошо, Арина. Возьмите неделю отдыха. Съездите в деревню к родным. Тем более в городе стало в последнее время небезопасно. – Он достал портмоне, вынул пару купюр, положил на стол. – Здесь ваше жалование за прошедшую неделю, а также за неделю вперед. Поезжайте. Когда вернетесь, мы с вами вновь поговорим.

Женщина поднялась, взяла деньги, в нерешительности подержала их в руках.

- А как же вы тут без прислуги?

- Не переживайте. Я справлюсь.

Когда она ушла, Алексей откинулся на спинку стула. Аппетит совершенно пропал. Он взглянул на часы. Пора.

На выходе из квартиры Арина перехватила его.

- Господин Глебов, вам телеграмма. Только что передали из конторы господина Рериха.

Алексей развернул листок. Сердце екнуло. «Алеша, прошу, приезжай. Лиза». Его пальцы дрогнули. Как же захотелось все бросить и поехать к ней! Но... он не имеет право так ею рисковать.

Алексей неторопливо сложил листок пополам, потом еще раз. Отдал телеграмму прислуге:

- Выбросьте. Нет. Лучше сожгите.

И поправив шляпу, сбежал вниз по лестнице.

Арина проводила его недоуменным взглядом, затем развернула листок и, беззвучно шевеля губами, прочла по слогам. Затем вновь взглянула на лестницу, по которой только что спустился ее хозяин. Покачала головой и положила телеграмму в карман юбки.

* * *

Вечерело. Глебов внимательно посмотрел по сторонам. Цыган стоял за углом, рядом с ним – еще один молодчик: оба курили. Цыган первым заметил Глебова: их взгляды встретились. Цыган как бы невзначай коснулся своего правого уха. Значит, Горин в доме, один.

Алексей взглянул на карманные часы. Пора. Он посмотрел на цыгана, коснулся полы шляпы рукой. Цыган утер нос. Значит, они наготове и, если что пойдет не так, люди Костыля его прикроют.

Глебов нащупал за пазухой револьвер, затем вошел в подъезд с черного входа и поднялся к квартирке Горина. Достал револьвер, постучал. Горин открыл дверь и сразу узнал Алексея. Увидел револьвер в его руках.

Глебов кивнул ему в сторону комнат:

- Заходи.

Горин, соблюдая осторожность, отступил назад. Алексей вошел следом, быстро запер дверь. Держа под прицелом, указал в сторону гостиной.

Оказавшись в гостиной, Горин повернулся к Глебову. Некоторое время они смотрели друг на друга. Алексей заговорил первым:

- По взгляду вижу, помнишь меня.

Горин промолчал.

- Почему хотел убить меня?

- Хотел бы – убил бы.

- Тогда что же?

- Я выполнил лишь приказ.

- Чей?

- Думаю, ты знаешь.

- Хотелось бы услышать.

- Надо будет - услышишь.

- Я с тобой в игры играть не собираюсь. Может быть, мне тебя прикончить?

Алексей слишком поздно ощутил едва уловимый ненавязчивый холодный аромат духов.

- Опустит револьвер, - услышал он знакомый женский голос. При этом дуло револьвера прижалось к его затылку.

Глебов замер, нехотя поднял руки:

- Я всегда поражаюсь вашей способностью передвигаться быстро и бесшумно, фрау Фойт.

Горин забрал у него оружие. Фрау Фойт отступила на шаг назад, Алексей повернулся к ней.

- Was werden wir machen? Werden wir ihn erschiesßen?¹ - сказала Фойт Горину.

- Nein. Der Haupt hat gesagt, nicht zu berühren.²

- Kein Mensch, - она кивнула на Глебова, - kein Problem!³

- Ist es dir nicht schade? Du hast doch so viel Zeit verbraucht, um ihn zu heilen.⁴

Фойт фыркнула:

- Wie auch dir war es nicht schade, als du ihn mit dem Messer gestochen hast.⁵

¹ Что будем делать? Застрелим его? (нем.)

² Нет. Хозяин сказал, пока его не трогать (нем.).

³ Нет его – нет проблем (нем.)

⁴ А тебе не жаль? Ведь столько времени потратила, занимаясь его лечением (нем.)

⁵ Также как и тебе было не жаль, когда ты проткнул его ножом (нем.)

- Позволю себе наглость и перебью вашу столь милую беседу по поводу меня, – произнес Алексей. Времени осталось мало, а ему так много нужно узнать!

Горин уставился на него своими холодными серыми глазами. Из такого слово не вытянешь!

- Сегодня ты получил анонимное письмо, так ведь?

Горин прищурился:

- Твоих рук дело?

- Что за письмо? – с подозрением спросила Фойт.

- Потом. – Горин вновь посмотрел на Глебова. – Что дальше?

- А дальше то, что ты забил тревогу и направился к своему хозяину, заказчику покушения на меня. И к вашему хозяину, фрау Фойт, не так ли?

- Ты следил за мной? – По голосу Горина нельзя было понять, какие эмоции он испытывает - настолько он был непроницаемый и отстраненный.

- Так и есть. Ваш хозяин – не последний человек в Департаменте полиции. И он дал приказ меня не трогать. По крайней мере, пока.

На лице Горина появилась кривая усмешка:

- А ты говорила, что он не понимает по-немецки.

Фойт смерила Глебова презрительным взглядом:

- Я тебе говорила, от него нужно ждать неприятностей! Пристрели его, пока не произошло еще что-нибудь!

- Его нельзя убивать. Поняла? Дай револьвер! – Горин забрал оружие у Фойт.

Затем обратился к Алексею:

- Раз ты столько знаешь, зачем пришел ко мне?

Глебов снисходительно улыбнулся:

- Мне нужно имя.

- ?

- Имя твоего хозяина.

- Придет время - узнаешь. А может, и нет...

Алексей перебил его:

- Рачковский.

Фойт быстро взглянула на Горина, хотя тот и бровью не повел, услышав имя.

Алексей улыбнулся. Осуждающе поцокал:

- Нервишки слабоваты, фрау Фойт.

- Заткнись!

- Как грубо! Передо мной женщина или мужик в юбке.

Как ты с ней ладишь?

Фойт резко шагнула в сторону Глебова, но Горин удержал ее за руку.

- Я присмотрю за ним, а ты сообщи обо всем хозяину.

Поняла?

Фойт сжала кулаки:

- Поняла.

Она вышла из комнаты.

- Ответь мне на один вопрос, - произнес Алексей, когда он и Горин остались наедине, - Что ты знаешь про Лущина?

- Кого?

- Того парня, что напал на меня в проулке с кинжалами.

- А, - Горин поморщился.

- Так что?

Тот усмехнулся:

- Хочешь знать, кто он и почему хотел тебя убить?

- Но ты ведь знаешь это. Ты заставил его признаться, прежде чем заколол ножом.

Горин зло уставился на него:

- Я о нем ничего не знаю! Понятно?

Алексей смотрел на него - глаза Горина отражали опасность и тревогу и предупреждающе поблескивали. Кто же стоит за Луциным, раз это пугает такого типа как Горин?

В этот миг раздался грохот, топот, в комнату ворвались люди с оружием, скрутили Горина. Ввели белую как полотно Фойт. Следом вошел Малышев, взглянул на Горина, затем на Алексея. Глебов пожал плечами, насмешливо улыбнулся бывшей сиделке:

- С возвращением, фрау Фойт.

Она высоко вздернула подбородок.

Малышев взглянул на Горина:

- Так понимаю, разыскиваемый по подозрению в покушении на убийство?

Горин промолчал.

- Уведите.

Когда арестованных увели, Малышев посмотрел на сидящего на подлокотнике кресла Глебова.

- Ты рисковал, - сказал он.

- Вот если бы ты, получив мое послание, не пришел или пришел бы сюда один, то, да, рисковал, - последовал ответ.

- Думал, что я могу быть с ними заодно?

- Никогда ничего нельзя исключать, не правда ли?

Малышев помолчал.

- Я не знал, что Фойт работает не только на меня.

- Догадываешься, кто за ними стоит?

Малышев закурил, нервно выпустил струю дыма через ноздри.

Глебов невесело усмехнулся:

- Нет, не догадываешься, а точно знаешь.

Малышев кинул на него взгляд исподлобья. Страхнул пепел прямо на потертый ковер.

- Азеф и Рачковский крепко повязаны. Думаю, что Азеф, увидев тебя в Петербурге, убедил Рачковского, что ты опасен, так как слишком много знаешь и суешь нос не в свои дела.

- Почему же я до сих пор жив?

- Предполагаю, что прежде чем покончить с тобой, Рачковский решил узнать, кто за тобой стоит. Слежка – дело затратное, поэтому он решил форсировать события: наемник нанес тебе рану, и довольно профессионально, так как не отправил тебя на тот свет, а затем проследил за тобой. Так он узнал о твоём знакомстве с Витте.

- И что теперь?

- Мой тебе совет - уезжай, Глебов. Сегодня же. И как можно дальше.

- А разве тебе и Витте ничего не угрожает?

Малышев кинул хмурый взгляд на него:

- Опять лезешь не в свое дело, Глебов! Это не твоя забота. Уезжай.

* * *

Алексей вышел на улицу. Перед ним остановилась коляска, и он увидел смуглое лицо цыгана и его напарника. Если бы Малышев, получив его послание, оказался бы на стороне Горина и Фойт, и пришел бы один, Алексею понадобилась бы их помощь. К счастью, их услугами воспользоваться не пришлось.

Глебов засунул руки в карманы.

- Вы выполнили свою работу, - сказал он. - Передай Костылю, что теперь мы с ним в расчете.

Цыган ухмыльнулся, блеснув золотым зубом. Затем их коляска сорвалась с места и покатила по мостовой.

... Вернувшись домой, Алексей застал прислугу в слезах.

- Что случилось, Арина?

- Украла! – провыла она.

- Что украла?

- Ваш граммофон украла!

- Так, - Алексей выпрямился. Арина утерла нос краем накрахмаленного фартука.

- Ты видела, кто это сделал?

- Да! – Она, обливаясь новой волной слез, уткнулась лицом в подол фартука. – Ворвался цыган, угрожал оружием, потом закрыл меня в кладовке...

Глебов вздохнул. Эх, цыган, цыган!

- Успокойтесь. Все в порядке.

- А как же...

- Еще раз повторяю, все в порядке. Вы собрались в дорогу?

Женщина кивнула.

- Не тяните с отъездом.

Она испуганно уставилась на него.

- Не переживайте. Ничего не случилось. В ближайшее время ваши услуги мне не понадобятся.

- Вы уедете?

- Да, я уеду.

* * *

Сумерки прокрались в комнату, делая очертания предметов нечеткими, а их цвет тусклым, сероватым. Алексей отодвинул край шторы. Никаких сомнений – за ним была установлена слежка.

Алексей отошел от окна. Достал револьвер, проверил барабан, затем положил револьвер на край стола. Если решат убить его, то придут этой ночью.

Возможно, это последняя ночь в его жизни. Но ждать смерти он не собирается. И, прежде всего...

Он достал письменные принадлежности и сел за стол. Стал писать быстро, иногда прерываясь, а затем вновь возвращаясь к письму.

Прошло около часа, Алексей исписал не один лист бумаги и, наконец, поставил в конце размашистую подпись. Затем откинулся на спинку стула, смотря на испещренные каллиграфическим почерком листы бумаги. Он написал в письме все, что хотел бы сказать Лизе при встрече. Письмо – на тот случай, если встреча никогда не состоится.

Глебов запечатал его в конверт, оделся, засунул револьвер за пояс. Спустившись в холл, постучался в коморку швейцара. Спустя какое-то время дверь приоткрылась, и на пороге возник седой мужчина с уставшим помятым лицом. Глебов протянул ему внушительную купюру, затем письмо.

- Это письмо нужно отправить по указанному адресу. Но дня через два.

Оживившийся при виде крупной купюры швейцар кивнул:

- Будет сделано, господин Глебов.

- И еще. – Алексей достал еще одну купюру. - На улице стоят некие господа. Отвлеките их на пару минут.

- Сию минуту, - мужчина ловко перехватил деньги и выскользнул из коморки.

Глебов со стороны наблюдал, как швейцар, выйдя на улицу, постучал в коморку дворника, они перекинулись парой слов и направились к месту, где укрылся от посторонних взглядов один из типов, следящих за Алексеем. Он отступил в сторону, пытаясь от них скрыться. Дворник пронзительно зашвистел в свисток.

Воспользовавшись суматохой, Алексей проскользнул вдоль стены дома к ограде, ловко перебрался через нее и исчез в темноте спустившейся ночи.

* * *

Огни в клубе, игривая музыка, карточные столы, привлекающие внимание движения танцовщиц, табачный дым, пары алкоголя и захмелевшая толпа. Многолюдное место – то, что надо.

Алексей, заказав выпивку, несколько минут понаблюдал за карточными столами. Выбрав один из них, он сел за игру.

Игра шла с переменным успехом - Глебов то выигрывал небольшие суммы, то проигрывал. Время тянулось тягостно долго. Но он был начеку. В какой-то момент Алексей заметил среди посетителей, стоящих близ стола, подозрительного типа. Несомненно, по его душу, решил он.

Карты вновь были розданы. Глебов раз за разом стал повышать ставки и выиграл довольно крупную сумму. Игра пошла по очередному кругу, и вновь он стал повышать ставки. Толпа наблюдавших переместилась к их столику. Все внимание было приковано к рисковому игроку. Выигрыш! Толпа загудела, обсуждая куш¹ Алексея.

Раздали карты и снова ставки взлетели вверх. Толпа замерла в ожидании исхода. Оставшийся один на один с Глебовым чрезмерно азартный соперник не желал сдаваться. На кон было поставлено имение. Помещик ждал. Глаза его лихорадочно поблескивали, а пальцы рук подрагивали. Алексей с легкой ухмылкой на губах, с прищуром, смотрел на него. Толпа напряженно ждала его решения. Глебов поддержал ставку. Стали вскрывать карты. Помещик выложил карты на стол. Толпа одобрительно загудела.

- Неплохая комбинация, - сказал Алексей. Наклонился вперед и медленно, подогревая интерес толпы, выложил карту за картой.

¹ Куш - ставка, выигрыш в карточной игре.

Наступила тишина. Помещик уставился на карты Алексея, не веря своим глазам. Глебов неторопливо закурил сигару. Толпа взревела. Игрок перевел остекленевший взгляд на Алексея и сорвался с места. Его стул упал, брякнув спинкой о пол. Толпа замолкла и, ахнув, расступилась, увидев в его руках револьвер.

- Мне не жить!

- Не делайте этого, - предупредил Глебов.

Но тот его будто не слышал. Поднял руку, навел револьвер на Алексея:

- И тебе тоже!

Прогремел выстрел. Глебов рухнул вместе со стулом на пол, его рубашка на груди окрасилась алым. Игрок перевел револьвер на себя и выстрелил...

- Убили!

- Нужно вызвать полицию!

Толпа запаниковала, засуетилась, стали быстро расходиться. Общаться с полицией никто не хотел.

Полиция прибыла довольно быстро. Прикрыли трупы простынями. Допросили служащих. Сгрузили убитых на носилки, вынесли на улицу, погрузили на телегу и повезли прочь.

...Преследователь Глебова все это время наблюдал со стороны. Ему ничего не пришлось делать. Все разрешилось само собой. Глебов убит – работа сделана.

* * *

Телега, трясаясь и треща, катила по булыжной мостовой. Жандармы, сидевшие по краям телеги, хмуро смотрели друг на друга. Какое-то время ехали молча.

Светало. Телега свернула за угол и остановилась. Один из жандармов перебрался вглубь телеги и отдернул простыню с лица убитого. Наклонился, разглядывая его лицо.

- Ну, здравствуй, Глебов.

Алексей медленно открыл глаза. Усмехнулся:

- Рад видеть тебя, Гришка.

- Конечно же, рад. Едва успели. Сразу тронулись в путь, как только получили твое письмо.

- Я ваш должник.

- Само собой.

- А что наш «злостный игрок»? – Алексей повернулся к «труп». - Антон! Спишь, что ли?!

Гришка слегка поддал мыском сапога под бок Антону. Тот охнул, сел, держась за бок:

- Ну, вы скоты!

- Храпа твоего еще не хватало, - Гришка осмотрелся по сторонам. Алексей перемахнул через бортик телеги.

- Что, подремать нельзя?! Я две ночи не спал! – Антон выкарабкался наружу вслед за Глебовым.

- Зато выглядел правдоподобно, - усмехнулся кучер. Второй жандарм хрипло рассмеялся.

- Расходимся, – дал распоряжение Алексей, надевая пальто.

Шутки прекратились. Антон и Гришка быстро сменили верхнюю одежду, ненужную спрятали в соломе в телеге. Компания без лишних слов разделилась: Алексей, Антон и Гришка зашагали в одну сторону, а кучер с «жандармом» на телеге заколесили в противоположную.

* * *

- У тебя большие неприятности, - произнес Гришка.

Глебов кивнул. Они втроем сидели в одной из комнат в ресторане Палкина, вдали от посторонних глаз, а Алексей вкратце посвятил их в курс своих нынешних дел.

- Что собираешься предпринять? – Антон облокотился на стол.

- Лягу на дно. Нужно обождать пару дней. Все решится. А вам стоит как можно скорее покинуть Питер.

- Мы так и поступим. Но и ты... Поехали с нами, Глебов.

- Нет. Я не могу.

- Слушай, Глебов, если все дело в твоей бабе... - Антон замолчал под суровым взглядом Алексея, - Ах, да, пардон, не бабы, вы же люди иного круга...

Гриша остановил его, положив руку на его плечо. Антон, нахмурившись, откинулся на спинку стула, а Гриша посмотрел на Алексея:

- Мы с тобой съели не один пуд соли, друг. И если тебе нужна помощь – мы поможем.

- Я ценю это. И вы уже помогли.

- Алексей, Антон прав, тебе нужно поехать с нами.

- Я уже все сказал.

Антон хохотнул, кинул взгляд на Гришку:

- Ты думал, что он свою бабу на тебя променяет? Не видишь что ли, она его к юбке своей привязала.

Глебов раздраженно взглянул на Антона, затем на Григория:

- Я уже начинаю жалеть о том, что позвал вас.

Гришка вздохнул:

- Легавые скоро просекут, что ты жив. И тогда начнут на тебя охоту. И если дело только в твоей жене, то мы и здесь подсобим.

- Подсобите? – Алексей смерил их бесстрастным взглядом, усмехнулся. – Каким же образом?

Гриша замолчал, а Антон наклонился вперед, и, сложив руки на столе, сказал, глядя Глебову в глаза:

- Похитим и увезем, куда твоей душе угодно.

Бровь на лице Алексей непроизвольно поползла вверх:

- Спятил?

- Вполне серьезно.

Глебов взглянул на Гришку, но по выражению его лица понял, что тот с Антоном солидарен.

- М-да, - медленно произнес Алексей. – И как давно вы это придумали?

Затем заговорил очень спокойно, но сухо:

- Возможно, я попрошу вас это сделать. Когда-нибудь. Но не сейчас и не здесь. И мой вам совет, не рискуйте нашей многолетней дружбой, ради того, чтобы вернуть меня в общее дело. Вам ясно?

Лицо Антона покрылось красными пятнами:

- Иди к черту!

- И вам не хворать. Всего хорошего.— Глебов поднялся и зашагал к выходу.

- Алексей, стой! - Гришка догнал и остановил его. — Не кипятись! Мы же не чужие люди. Пойдем. Посидим, поговорим. Столько времени не виделись. — Он взглянул на Антона. - Антон, извинись.

- Еще чего! — огрызнулся тот, но под суровым взглядом Гришки, замялся и сердито буркнул: - Да ну вас! Я больше и слова не скажу!

- Вот и прекрасно. — Гришка добродушно посмотрел на Глебова. - Пойдем.

Они вернулись за стол. Глебов с растущим недоверием смотрел на приятелей: Антон все еще сердито пыхтел, а Гриша разливал горькую в рюмки.

- Давайте выпьем за крепкую мужскую дружбу, - предложил он.

Чокнулись, молча выпили.

- Вы должны сегодня же уехать, - сказал Алексей, ставя рюмку на стол. — Наверняка случаем в клубе уже заинтересовалась полиция. Когда поймут, что это дело рук не местных, начнут искать гастролёров.

- Во-во, и я о том же! — сказал Антон. - Тебя кинутся искать все, кому не лень!

- Не переживай, мы уедем, - ответил Гришка. — Только вот развлечёмся немного.

Он позвонил в колокольчик, явился официант, Гришка с ним пошептался, тот подобострастно кивнул, удалился. Через минуту в комнату вплыли три миловидные девицы. Алексей хмуро взглянул на Гришку, тот лишь с улыбкой пожал плечами.

Девыцы составили им компанию, постарались разрядить обстановку. Глебов же становился все хмурнее, чем больше блондинка, сидящая с ним рядом, оказывала ему свое внимание и благосклонность. Ее рука легла ему на колено, затем медленно стала продвигаться по его бедру. Алексей перехватил ее руку, убрал. Отказался от очередной рюмки водки, встал.

- Я ухожу.

- Эй, Глебов, расслабься! Раньше ты не вел себя как монах. Или твоя жена сделала из тебя скопца¹? – Антон заржал, как лошадь.

Алексей дал ему основательный подзатыльник. Зубоскал подскочил на ноги:

- Эй! Да я тебя...

- Лучше заткнись, - предупредил Глебов.

Гришка тот час вклинился между ними:

- Эй, остыли! Остыли, парни!

Он обернулся к девицам:

- Брысь отсюда!

Девушки сгребли купюры со стола и быстренько исчезли.

¹ Скопцы («агнцы Божьи», «белые голуби») - последователи мистической секты духовных христиан, возводящей операцию оскопления (удаление половых желез) в степень богоугодного дела.

- Я тоже уйду. – Алексей поправил галстук и манжеты.

- Останься еще ненадолго. Прошу, присядь, друг.

Алексей пристально посмотрел на Гришку, затем прищурился и усмехнулся.

- Да что это я, в самом деле, ведь давно не виделись. Да и когда еще увидимся, - он хлопнул приятеля по плечу, затем протянул ему руку. – Без обид?

Гришка расплылся в улыбке, крепко пожал ее:

- Без обид, друг.

Глебов его по-братски обнял, снова похлопав по плечу. Взглянул на хмурого Антона, затем направился к столу и заявил:

- А вот он пусть извинится.

Антон мгновенно перевел взгляд на Алексея, ноздри его вздулись от негодования:

- Не в жизнь.

Алексей вальяжно сел на стул, закурил:

- Тогда я с ним пить не буду.

Гришка предостерегающе посмотрел на Антона. Тот засунул руки в карманы:

- Антоха, на пару слов, - сказал он, отводя его в сторону. Они довольно бурно перешептывались какое-то время, повернувшись к Глебову спинами. Затем вернулись к столу.

- Мне как, перед тобой на колени пасть, барин, или пары слов хватит? – съязвил Антон.

Глебов усмехнулся:

- Пары слов хватит.

- Ну, извини.

- А давайте-ка выпьем, - предложил Гришка, раздавая разлитую по рюмкам горькую. – За наше партнерство и дружбу.

- За нас, - согласился Алексей, чокаясь с ними...

Через пятнадцать минут, захмелевший Глебов, ощущая неимоверную усталость, вяло, заплетающимся языком заявил:

- Все. Я пас... Да и вам пора.

Гришка снисходительно улыбнулся:

- Да, пора.

- Если что, не держите на меня зла... Да и я не буду...

- Безмозглый идиот! – выругался Антон и взглянул на Гришку. – И что, мы так и позволим ему остаться в Питере?

Гришка усмехнулся. В этот момент Глебов рухнул на стол.

Антон уставился на него:

- Чего это он?

- Барбитурат¹. - Гришка, встал с места, усадил спящего Алексея на диван.

- Что это на тебя нашло? – Антон проскользнул к двери, осторожно осмотрелся.

Гришка развязал галстук на шее Алексея, расстегнул ворот его рубашки:

- Я подумал, что твоя идея-то не плоха.

- В смысле?

- В смысле похищения. Вот только, похитим не его же-ну, а самого Глебова.

¹ Барбитураты - группа лекарственных средств, оказывающих угнетающее влияние на центральную нервную систему. Ранее широко назначались в качестве успокаивающих и снотворных средств.

- Ты псих! Да он нас порвет за это!

- Не бойсь. Когда мы привезем его кralю, он сменит свой гнев на милость. Помоги мне.

Они с двух сторон подхватили Глебова под плечи. Антон покачнулся под тяжестью ноши, вздохнул:

- Отступать некуда.

- Вывезем его из города от греха подальше. А там уж разберемся...

В общий зал вышли, изображая пьяных. Гришка щедро расплатился с подскочившим к ним официантом, во все горло потребовал подогнать извозчика. Антон, раскачиваясь с повисшим на его плече Алексеем, попытался распевать романс, потом шумно извинялся перед посетителями - как никак время движется к полудню, а господа уж в дребедень набрались горькой. Какая наглость! Администратор быстренько предоставил им извоз. Их приветливо, бережно и аккуратно проводили к выходу. На пороге же столкнулись с некими господами, один из которых, завидев Антона и Алексея, с ужасом метнулся в сторону. Когда компания покинула ресторан, бледный господин посмотрел на своих приятелей ошарашенными глазами.

- Что с тобой? – спросил один из них.

- Так это... - он с шумом втянул воздух. – Вы разве не заметили?

- Что именно?

- Так это... те самые... Что сегодня друг друга постреляли в клубе...

Приятели рассмеялись:

- Тебе что, теперь они повсюду мерещатся? Пора, брат, полечить нервишки. Съезди на курорт на воды...

- Не то тебя водяра изведет.

- У тебя, приятель, белая горячка...

* * *

Во дворе их ждала карета – на козлах все те же кучер и «жандарм», но уже не в жандармских шинелях, а в ливреях¹.

Троица забралась внутрь, дверца захлопнулась и карета заколесила по мостовой.

Антон устало зевнул, с завистью посмотрел на спящего безмятежным сном Глебова.

- Сколько он проспит?

- Часов шесть-десять, - ответил Гришка, выглядывая в окно. Столица казалась ему беспокойной и по-настоящему опасной. И дело было не только в полиции, но и в непредсказуемых донельзя участниках революционных беспорядков. Не ровен час...

Антон вновь зевнул:

- Раз Глебов спит, то и мне не грех прикорнуть немного. Три дня почти без сна, - он вновь зевнул, поудобнее устроился на сидении и натянул шляпу на глаза.

На выезде из города их остановили на заставе² для проверки документов. Документы были выправлены как положено, так что по данному поводу Гришка не переживал. Но если дело дойдет до осмотра кареты, то...

¹ Ливрея - форменная одежда особого покроя и определённого цвета для лакеев, швейцаров, кучеров и иных слуг.

² Застава - заградительный, сторожевой пункт на границах города.

Экипаж стоял на дороге, ожидая своей очереди. Гришка выбрался наружу, перекинулся парой фраз с «кучером и лакеем», давая им распоряжение. Осмотрелся. Выкурил папироску и направился к посту. Переговорил с караульным офицером, предъявил документы, вернулся к экипажу. «Кучер и лакей» тихонько разговаривали, но завидев «хозяина», умолкли.

Гришка открыл дверцу кареты, собираясь забраться внутрь, и... Глебов исчез!

- Антон! – рывкнул он на спящего приятеля, но тот не шевельнулся. Гришка грубо потряс его за плечо. Антон застонал, пробубнил что-то, но так и не проснулся.

- Черт! – выругался Гришка и осмотрелся по сторонам. Не было смысла кидаться в поиски – Глебова и след простыл.

Сверху с козлов наклонился кучер.

- Вы чего, ваше благородие?

Гришка в сердцах махнул рукой:

- А, растяпы! Глебова профукали!

- Чего? – не понял кучер. Его напарник тоже недоуменно уставился на Гришку.

Гришка не стал объяснять.

- Поехали уж, - сказал он, забираясь в карету.

Экипаж заколесил по дороге, преодолевая заставу с поднятым шлагбаумом, а Гришка хмуро уставился на спящего Антона, перебирая в голове последние события. Вот он подмешивает Глебову барбитурат, пока тот выясняет отношения с Антоном. Вот он не дает Глебову уйти, тот по дружески хлопает его по плечу, обнимает, опять хлопает по плечу...

Гришка постучал кулаком по лбу. Вот дурак! Да Глебов же ловко обшмонал его карманы, проверил, что в них есть! Затем они как полные кретины повернулись к нему спиной, чтобы он не прочел по губам, о чем они говорят. А тем временем Глебов подменил рюмки, переставив свою со снотворным Антону! И ведь точно рассчитал, что на уснувшего Антона никто не обратит внимание, так как тот не спал несколько суток!

Гришка вдруг всполошился, заглянул под сидения и быстро вытащил сумку, в которой лежал их общий куш от аферы в игровом клубе. Деньги были на месте – Глебов ничего не взял. Гришка закрыл сумку и вернул ее на прежнее место. И на том Глебову спасибо - ведь мог забрать деньги!

Усевшись на место, Гришка уставился на захрапевшего с присвистом Антона. Эх, авантюра с похищением Глебова не удалась. Жаль. А ведь хотелось помочь приятелю вернуться к прежней жизни. Не судьба. Ну, попытка – не пытка. Главное, чтобы Глебов не держал зла и понял их правильно. Гришка закрыл глаза. А ведь было время, когда они вместе – Гришка, Глебов, Костик Абрамович и Антон – проворачивали не хилые делишки! Теперь нет ни Абрамовича, ни Глебова, и нет прежней бравады и удачи...

* * *

Глебов ехал в почтово-пассажирском дилижансе, направляющимся в Петербург. Пассажирам, ехавшим рядом, не было дела до него – «мужчины без дорожного багажа», севшего в экипаж на заставе. Каждый был занят по-своему: кто спал, кто тихонько беседовал, кто жевал что-то из съестного.

Глебов же сидел между тучной женщиной и интеллигентным старикашкой в пенсне. Старик читал газету, женщина беседовала с соседкой напротив, обсуждая рецепт рыбного пирога. Алексей, натянув шляпу на глаза, казался спящим. На самом деле его обуревали тревожные мысли и чувства. Он был огорчен поступком приятелей. Когда-то работающая слаженно под его руководством команда, стала неуправляема. «Что на них нашло? Бог знает, что стоит за их помыслами, но все это, ой, как, не своевременно! Помимо всех остальных забот и напастей, свалились и эти!» - Алексей вздохнул. – «Я должен вернуться в Петербург. Если известно, кто стоял за наемником Гориным, то с фанатиком Лущином еще ничего не ясно. Что же кроется за покушением с ритуальными кинжалами, которое совершил Луцин? Луцин – пешка, кто-то заставил его совершить покушение, но кто?»

Судя по символам и латинским надписям на кинжалах, Луцин принадлежал к одной из тайных организаций, о которых Алексей слышал еще в период своей студенческой молодости. И кому же он перешел дорогу? Алексей чувствовал, что если он узнает этот секрет, то это знание станет ключиком к чему-то очень важному. Самое главное сейчас выиграть время. Иначе...

* * *

Рано утром Глебов был уже в Императорском Санкт-Петербургском университете: было необходимо найти профессора Платонова¹.

¹ Сергей Фёдорович Платонов (1860, Чернигов - 1933, Самара) - русский историк и педагог. С 1890 г. профессор по кафедре русской истории; с 1900

Профессор оказался в университете, несмотря на то, что всем было не до учения: студенты, охваченные революционными идеями, не желали учиться, а преподаватели - люди образованные и интеллигентные, каждый на свой манер, считали необходимым внести вклад в происходящее. Занятия не шли, тем более не так давно возле университета состоялось столкновение между студентами и полицией, что было чревато и грозило последствиями и для студентов, и для преподавателей, и для самого университета.

Алексей застал профессора в кабинете. Платонов кинул взгляд на постучавшего в дверь Глебова, продолжил перебирать документы, часть из которых перекладывал в саквояж.

- Здравствуйте, профессор. Я от Василия Ивановича, - Глебов протянул Платонову письмо – как и в ранние студенческие времена, он с ловкостью подделал письмо от сейчас уже бывшего ректора университета Сергеевича¹, лекции по истории права которого когда-то посещал.

Профессор вновь взглянул на Глебова, взял письмо в руки, вскрыл, быстро прочел, затем посмотрел на непрошенного гостя.

- Прошу прощения, не знаю вашего имени...

- Алексей Петрович.

- Алексей Петрович, я глубоко уважаю Василия Ивановича – он мой наставник, мой учитель. Но, к сожалению, у меня очень мало времени. Так, что вас ко мне привело?

по 1905 г. декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

¹Василий Иванович Сергеевич (1832, Орел -1910, Москва) - русский историк права, тайный советник, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета.

Глебов вынул из внутреннего кармана сложенные листки бумаги, развернул и положил их перед профессором на поверхность стола.

Платонов поправил на переносице очки и внимательно изучил нарисованные Алексеем по памяти знаки, прочитал надписи на латыни.

- Что вы можете сказать, профессор? Какой организации, тайному обществу они принадлежат?

Профессор вновь взглянул на рисунки, пожал плечами:

- Я не особо сведущ в данном вопросе. Лучше всего об этих символах вам мог бы рассказать профессор Московского университета Василий Осипович Ключевский¹ – его некоторое время интересовала данная тематика.

Алексей покачал головой:

- К сожалению, дело не терпит отлагательства.

Профессор помолчал. Затем прошел к шкафу и стал быстро просматривать полки с книгами. Вынул одну из них, полистал, ткнул пальцем, показывая Глебову рисунки:

¹ Василий Осипович Ключевский (1841, Воскресеновка, Пензенская губерния - 1911, Москва) - российский историк, профессор Московского университета; академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, тайный советник.

- Треугольник, с помещенным внутрь него оком – Лучезарная Дельта, иначе, всевидящее око - знак просвещенности и принципа сознания, символ осознания и внимания, которое каждый должен проявлять по отношению к миру. Звезда с пламенем на пересечении лучей - Пламенеющая звезда, знаменует жизненную силу и дух, наполняющий всю природу, а также ум, освещающий все дела и направляющий на верный путь. Изображение круга с точкой в центре это Солнце. Оно символизирует истину, мужество и правосудие. Все эти символы связаны с Орденом вольных каменщиков. Слышали о таких?

- Franc-maçonnerie¹?

Профессор кивнул:

- Франкмасонство или масонство - движение, возникшее в XVIII веке в виде закрытой организации. Масонство берёт своё начало с конца XVI - начала XVII века, предположительно, из цехов каменщиков. Масонство организовано в независимые Великие ложи, каждая из которых руководит собственной юрисдикцией и состоит из подчинённых ей лож. Некоторые Великие ложи признают друг друга, некоторые нет. Первая Великая Ложа сформировалась в Лондоне, чуть позднее во Франции. Как правило, в одной стране существует только одна «Великая ложа» той или иной масонской юрисдикции. Масонство символически использует инструменты и орудия каменщичества и легенды о строительстве Храма Соломона, чтобы метафорически выражать свою систему морали.

- Вы можете сказать по символам, о какой масонской организации идет речь?

¹ Франкмасонство (фр.)

Профессор пожал плечами:

- Масонских знаков, по которым масоны в других странах опознают друг друга, в России не существовало... Но, судя по всему, до нынешнего времени? В России существовала целая сеть лож розенкрейцеров, традиционно связанная тайной и сильной внутренней дисциплиной с такими принципами, как «равный равному повелевает», «достойный достойнейшему повинуется». В 1822 году масонские ложи в России были официально закрыты высочайшим рескриптом императора Александра Павловича. Все же розенкрейцеры сумели просуществовать в России практически весь XIX век, несмотря на строгий запрет, возможно, и поныне.

- Чем занимаются организации?

- Хм... Их работа ведется в строгой тайне. Даже в самой организации нижестоящие в масонской иерархии не знают тайн вышестоящих. Рядовые масоны, выполняя приказания, не знают, от кого они исходят. Письменного делопроизводства и протоколов заседаний также не ведется.

- Вышестоящие масоны занимаются политической манипуляцией?

- Думаю, что так. Предполагаю, из всей сложившейся в нашей стране ситуации, что новые российские масоны находятся в постоянном контакте с революционными партиями и даже приглашают их представителей для поддержки своей противоправной деятельности.

Глебов задумался. Затем взглянул на профессора:

- Как становятся масонами?

- В масонство поступают не желающие, а те, которых масонство само себе вербует. Предложения делаются или лицам, имеющим хорошие средства, или тем, кто имеет влияние в политике и в обществе. Ложи тщательно избегают посвящения профанов, которые не могут вынести расходов общества. Масонство не пренебрегает торговцами, старшими мастерами фабричных заведений и даже мастерами, получающими хорошие оклады, но обыкновенный рабочий, приказчик, чиновник конторы и прочий мелкий люд не имеет доступа в ложи. Политические убеждения поступающих не играют роли, также как и их религия.

Профессор замолчал, видя, что Алексей задумался. Чем больше Платонов ему рассказывал о масонстве, тем больше Глебов ощущал тревогу. Что-то во всем, что с ним происходило, не так; присутствовал какой-то подвох, но Алексей не мог понять, какой. Лопухин втянул его в свои делишки, так как хотел знать, кто был причастен к убийству Плеве. Но к убийству были причастны эсеры Азеф и Савинков. И как оказалось, за Азефом в этом убийстве стоял Рачковский. Затем возник Витте, и если уж быть с собой до конца честным, втянул его в решение своих проблем. Что было не так с перепиской Витте, которую Алексею пришлось выкрасть у Рузвельта? А ведь надо было вскрыть документы, когда они были в его руках! Что ж теперь сожалеть, теперь это так и останется тайной.

Алексей непроизвольно взял пешку с шахматной доски и повертел в руках. Сейчас нужно думать о том, что на него было совершенно два покушения. И если за первым стоял Рачковский, то кто же стоит за вторым? И раз за последнее время было столько попыток отправить его *Ad patres*¹, что или кто мешает им сделать это сейчас?

Профессор кашлянул, стараясь привлечь внимание посетителя.

Алексей взглянул на него:

- Простите, профессор, - он поставил пешку на шахматную доску.

- Позвольте, - профессор протянул руку и переставил пешку на доске, - Пешка хоть и младшая фигура в шахматах, но имеет важное стратегическое значение. Вы ее переставили и нарушили всю игру. А мне хотелось бы с профессором Гревсом партию доиграть. Когда-нибудь.

Алексей вновь взглянул на шахматную доску и переставленную Платоновым фигуру, но в тот же миг их внимание привлек раздавшийся шум за окном. Глебов прошел к окну, выглянул наружу. На открытой площадке у входа в университет стояли жандармы, солдаты. Офицер, командующий отрядом, громогласно отдавал приказы. Распоряжением правительства университет был объявлен закрытым до осени следующего года.

Алексей кинул взгляд на Платонова, со смятением на лице смотревшего на происходящее:

- Сочувствую, профессор, но вам не скоро удастся довести игру до конца...

¹ «К праотцам», т. е. на тот свет (лат.)

* * *

Покинув университет, Алексей решил побольше разузнать о Лушине: чем он занимался, с кем общался, встречался, где чаще всего бывал. Об этом ему могли поведать соседи Лушина, его сослуживцы, семья. Узнать удалось не особо много. Лушин был студентом, подрабатывал на жизнь переводами, жил один, с родными он порвал отношения, хотя родственники у него были довольно состоятельные люди. К нему заходила разношерстная публика, однако в последнее время он стал довольно замкнутым и не общительным.

Таким образом, Алексей мало что узнал.

На улице Глебов совершенно случайно столкнулся со старым знакомым.

- Алексей Петрович! – окликнул его Пешков. – Здравствуйте!

Глебов обернулся:

- Здравствуйте, Алексей Максимович.

Он осмотрелся по сторонам.

- Как ваши дела? Как Елизавета Николаевна? Слышал, что тогда, 9 января, все обошлось, и вы ее нашли в здравии.

Глебов напряженно посмотрел на писателя:

- Да, так и есть, Алексей Максимович.

Пешков нахмурился:

- Да что с вами не так, друг мой? Что же вы хмуритесь?

Алексей вздохнул, грустно улыбнулся, похлопал Пешкова по плечу:

- Не берите на свой счет, Алексей Максимович. Это я так... Елизавета Николаевна сейчас в Москве, я в Петербурге. Но буду рад передать ей от вас благопожелания, если хотите.

Пешков рассмеялся:

- Если только вы поедете к супруге сегодня, друг мой! Я вот собираюсь в Первопрестольную. Могу сам передать весточку вашей супруге. Где она остановилась?

Глебов нахмурился:

- Остановилась? У Шмитов.

- Прекрасно. Николая и Екатерину я хорошо знаю. Славные молодые люди. Простые, открытые, без фальши.

На лице Алексея заходили желваки от напряжения, что не осталось незамеченным Пешковым.

- Простите, друг мой, я вас наверно задерживаю.

Глебов натянуто улыбнулся:

- Есть немного, Алексей Максимович. Вы уж не обессудьте, тороплюсь.

- Не смею задерживать.

Глебов откланялся и быстро зашагал по улице. Разговор о Лизе выбил его из колеи. Однако он ощутил и иное - за ним установилась слежка.

* * *

Следили за ним довольно профессионально, так что скрыться не удалось, хотя Алексей и сделал несколько попыток обхитрить следящих.

В конечном счете, Глебов решил, раз дело так пошло, не лучше ли подкрепиться в хорошем ресторане, а там будь что будет. От судьбы не уйдешь.

В ресторане Алексея провели за отдельный столик, благо посетителей оказалось не так много – революционные беспорядки в городе многих удерживали дома. Услужливо предложили меню. Глебов сделал заказ, особо не вдаваясь в его содержание. Официант удалился, а Алексей откинулся на спинку стула и осмотрелся.

Играла музыка, певичка, только что вышедшая на сцену, затянула романс, четыре официанта с подносами сновали меж столиками. Глебову хорошо просматривался вход: в помещение вошли двое, осмотрелись, заметив Алексея, выбрали места – один у барной стойки, другой за столиком близ входа. Кто же они такие, чьи люди?

Вскоре принесли заказ, и Глебов принялся за ужин. Спустя десять минут перед его столиком возникла фигура, Алексей поднял глаза.

Перед ним стоял Горин. Взгляд холодный, бесчувственный, лицо без каких-либо эмоций. Алексей откинулся на спинку стула, улыбнулся.

- Ба! Кого я вижу. - Его пальцы легли на рукоять револьвера.

- Без лишних движений, - бесстрастно предупредил Горин, для которого жест Алексея не остался незамеченным.

- И ты тоже. - Взгляд Глебова сделался жестким и предостерегающим.

Горин, не сводя взгляда с Алексея, отодвинул стул и сел напротив. Официант услужливо предстал перед столиком и предложил меню. Горин на него даже не посмотрел, лишь сказал:

- Стопку горькой.

Официант быстро удалился.

Горин молчал, Алексей тоже.

- Что дальше?

- Ждем.

- Чего именно?

- Решения.

Итак, Горин здесь и готов его убить – Алексей знал, что у наемника оружие наготове. Однако Горин ждал. Ждал решения, которое должен был принять Рачковский...

- Значит, время еще есть? Тогда я бы хотел закончить свой ужин.

Горин промолчал, а Алексей принялся нарочито медленно ужинать.

Официант принес стопку водки и поставил перед Гориным. Тот даже не шелохнулся.

Прошло еще десять минут. Алексей отложил вилку и нож, выпил вина. Пригубил салфеткой рот, кинул ее на край стола. Обманчиво вальяжно откинулся на спинку стула, не сводя взгляда с Горина. Напряжение росло.

И вот к их столику вновь вернулся официант. Положил перед Гориным листок бумаги.

- Просили передать, - смущенно произнес он, - «Нет».

На лице Горина пробежала едва заметная тень:

- Свободен.

Официанту повторять не пришлось – его как ветром сдуло.

Горин по-прежнему не сводил холодного взгляда с Алексея. Взял записку, принесенную официантом, протянул ему.

Алексей не сразу, но взял листок. Горин неторопливо поднял стопку водки, одним глотком опустошил, поставил на стол и без резких движений поднялся. Еще раз окинул взглядом Глебова, развернулся и зашагал к выходу. Двое других последовали его примеру.

Только теперь Алексей смог свободно вздохнуть. Последние двадцать минут он находился на грани между жизнью и смертью. На этот раз ему повезло.

Алексей развернул листок бумаги. На нем был указан адрес, номер комнаты и время.

* * *

По адресу, указанному в записке, находилась гостиница. Не солидная, да и не убогая – так, среднего уровня. Ухоженная, простенькая и, главное, укромная.

Глебов явился чуть раньше назначенного времени: пришлось заплатить извозчику вдвойне, чтобы он срочно доставил его в назначенное место. Алексею не пришлось об этом пожалеть: он увидел выходящего из гостиницы Витте, следом за ним вышел мужчина – Алексей узнал его – это был Рачковский. Мужчины обменялись вежливыми фразами на прощание, пожали друг друга руки и разошлись. Витте сел в ожидающий его экипаж и сразу же укатил прочь. Рачковский дал распоряжение подошедшему к нему мужчине, направился к карете. Ему услужливо приоткрыли дверцу, но прежде чем сесть, он повернул голову и посмотрел в сторону Алексея, затем забрался внутрь. Карета тронулась и тоже укатила прочь.

Итак, Рачковский уехал. Тогда, кто же ждет его внутри?

Алексей покинул переулок, в котором стоял, пересек улицу и вошел в здание. Портье за стойкой с услужливой улыбкой встретил посетителя. Глебов сказал, что его ждут, и назвал номер комнаты. Портье позвонил в колокольчик, явился коридорный, который и проводил его до нужного номера на втором этаже.

Коридорный постучал в дверь, раздались шаги, она открылась. Незнакомый Глебову мужчина взглянул на него, сунул коридорному чаевые, отступил в сторону, предоставляя Глебову возможность войти.

Алексей сделал шаг вперед. Мужчина же молча вышел и закрыл за собой дверь.

Глебов осмотрелся. Всего лишь еще одна закрытая дверь. Он подошел, взялся за ручку и, медленно повернув, распахнул дверь.

* * *

- Здравствуй, - первым прервал затянувшееся молчание Малышев. Глебов стоял напротив в нескольких шагах от него.

- Здравствуй. – Он снял шляпу.

- Присаживайся.

Алексей молча сел в кресло.

- Предполагаю, ты недоумеваешь, что я здесь делаю.

- Почему же, - Глебов устало усмехнулся, - следовало ожидать сюрприза: пять минут назад я видел выходящими из здания господ Витте и Рачковского, любезно распрощавшихся друг с другом.

- Хм..., - Малышев сел в кресло напротив. – Хочу сказать, сложившуюся ситуацию удалось благополучно разрешить. И, надо признать, не без твоей помощи. То, что ты передал Горина и Фойт в мои руки, дало нам козыри. Рачковский счел лучшим не портить отношения с Витте.

Алексей предпочел промолчать.

- И по сему, так как он считает тебя человеком Витте, как и меня впрочем, ни он, ни Азеф, не будут предпринимать против тебя никаких действий, но только если ты... не вздумаешь перейти им дорогу.

Алексей потер подбородок, смотря в сторону, так что Малышев не мог видеть выражение ни его лица, ни глаз.

- Глебов?

- Да? – Алексей посмотрел на Малышева.

- Ничего не хочешь сказать?

Глебов пожал плечами:

- Нет.

Малышев помолчал.

- Что касается того, второго покушения – этот вопрос почти решен.

Глебов заинтересовался:

- Каким образом?

- Я провел частное расследование. Еще один твой неприятель – Савинков – не забыл такого? - решил от тебя избавиться. Он, как и Азеф, не мог использовать Боевую организацию эсеров в собственных целях для покушения, ведь ты не относишься к числу государственных лиц, на которых ведет охоту БО. Тогда Савинков решил использовать Луцина – попавшего под его влияние фанатика одной из тайных групп, в которую входил и Савинков. Покушение не удалось. Луцин был убит. А Савинков исчез из поля зрения. Его ищут. Конечно, я не гарантирую, что на тебя не совершат вновь покушение, но думаю, что Савинкову уже не до тебя.

Алексей молчал. Затем усмехнулся:

- Мне стоит поблагодарить тебя?

- Когда мне понадобится услуга – я к тебе обращусь.

Глебов хмыкнул, кивнул и встал.

- Надеюсь, я свободен?

- Не смею задерживать. - Малышев поднялся. - Один только вопрос.

- Какой?

- Сколько ходов вперед ты просчитал, Глебов?

Алексей усмехнулся, надел шляпу.

- Не понимаю, о чем ты говоришь. Позвольте откланяться, господин Малышев.

Глебов слегка поклонился и вышел из комнаты.

Малышев проводил его задумчивым взглядом. С Глебовым нужно быть поосторожней.

* * *

На улице стемнело. Но в сравнении с предыдущими днями, Глебов ощутил покой, несмотря на то, что ночные улицы нынешнего Петербурга таили опасность.

Теперь Глебов мог вернуться в свою квартиру. А завтра утром отправиться в Москву. Подальше от политических заговоров, погрязших во лжи политиков, сотрудников и ищеек Департамента, тайных дел революционных и масонских организаций. Нужно уехать из России. На время. И забрать с собой жену. Похитить ее, если на то пошло. Но оставаться в России опасно. У Рачковского клеветы¹ и в Петербурге, и в Москве. Влияние его усиливается. Боевая организация через Азефа стала орудием, которым Рачковский пользуется для достижения личных целей. В Департаменте полиции мало кто догадывается о причастности Рачковского к темным делам и интригам. Этот «мастер сыска», лишенный совести и чести, не останавливается ни перед чем и прибегает к убийству как к средству укрепления собственной власти. К тому же, Рачковский стал пользоваться благоволением императора Николая. Одно это делает его всемогущим и страшным, даже для имперских верхов.

Что касается молчаливого Малышева – он та еще темная лошадка. Что, по сути, Алексей знает о нем? Практически ничего.

¹ Клевет - приспешник, приверженец, не брезгающий ничем, чтобы угодить своему покровителю. До середины XIX в. употреблялось в значении «союзник», «единомышленник».

Всегда холодно вежливый, Малышев держится несколько особняком даже среди сослуживцев. Ценим начальством. Дослужился до ответственного места в Департаменте полиции. Начатая Рачковским «чистка» в Департаменте, поставила его дальнейшую службу под угрозу, так как Малышев был одним из «птенцов гнезда» Зубатова, которых теперь изгоняли из Департамента. Возможно, если бы не покровительство Витте, Малышеву, да и Алексею тоже, было бы несдобровать.

Рачковский и Витте договорились. Но почему? Позиции Витте в политике усиливаются и явно что-то вскоре должно произойти, что подтвердит догадки Алексея. Рачковскому выгоден союз с Витте. Что-то связывает и связывало Витте и Рачковского. Оба были в опале в период министерства Плеве, и оба пошли в рост после его смерти. Не в этом-то причина? Плеве многим испортил карьеру, тому же Зубатову. Так что смерти ему желали не только социал-революционеры, но и многие государственные чинуши.

Единственное, что следует сделать, держаться от них как можно дальше. Иначе, так получится, что с помпезными словами «на службе Отечеству» окажешься пешкой в чужой игре.

* * *

Октябрь 1905 г. Москва

Это был не первый вечер, когда собрались в доме Плевако, где проживал Николай, для обсуждения партийный задач, поставленных ЦК РСДРП.

В кабинете Николая находился его ближайший друг Шанцер, Иван Карасев, Лиза. Обсуждали подготовку вооруженного выступления. Лиза взглянула на часы, зевнула. В кабинет вошла Катя, принесла на подносе чай и кое-какую еду. Поставила на стол. Вдруг с парадного кто-то позвонил. Все вздрогнули, переглянулись. В последнее время участились полицейские облавы и аресты по любому поводу. Катя сделала шаг к двери, но Николай ее остановил:

- Пожалуй, при данных обстоятельствах это должен сделать я, - сказал он напряженно.

- Мы перейдем на кухню, - произнес Шанцер, все молча согласились – на кухне имелся черный ход.

- Если что не так, я уроню одежную щетку с трюмо, - предупредил Николай и направился в переднюю, встречать непрошенных посетителей. Иван вынул из-за пояса браунинг и встал за дверью в коридоре.

Шанцер, Лиза и Катя перебрались на кухню и прикрыли дверь. Притаившись, стали напряженно вслушиваться в то, что происходило в коридоре. Открылась внешняя дверь, в передней раздались голоса – по всей видимости, вошло несколько человек. Катя и Лиза тревожно переглянулись. Катя приоткрыла дверь черного хода, но Николай все еще не подал сигнал. В передней стало шумно.

Лиза быстро прошла к окну и выглянула, но ничего подозрительного не обнаружила, и, обернувшись к Кате, кивнула.

Катя сдернула с вешалки приготовленное для подобного случая пальто и протянула Шанцеру – любой мог под видом рабочего покинуть их квартиру в случае необходимости. В кармане лежали заранее заготовленные документы. Шанцер надел пальто и прошел к черному входу, в коридоре раздались быстрые шаги, дверь распахнулась...

На пороге стоял Шмит и улыбался.

- Катенька, иди встречать дорогих гостей! – радостно сказал он, быстро ободряюще пожал руку Лизы. Шанцер облегченно выдохнул, повесил пальто на вешалку и последовал за Шмитами и Лизой в переднюю.

- Боже мой! Кого я вижу! – воскликнула Катя, устремляясь навстречу гостям. Лиза тоже обрадовалась, увидев Пешкова с женой Марией Федоровной¹ и господина Шаляпина². Позади них стоял, пришедший с ними смущенный Лукьянов, рядом Карасев, придерживающий полу пиджака, чтобы не было видно выпирающего оружия.

Познакомившись и обменявшись приветствиями, шумная компания перебралась в гостевую комнату. Спустя какое-то время все уже сидели за столом около самовара.

Пешков весело рассказывал, каким образом они забрели к ним в гости в столь поздний час.

¹ Мария Федоровна Андреева – актриса, гражданская жена Пешкова А. М. (М. Горького).

² Фёдор Иванович Шаляпин (1873, Казань -1938, Париж) - русский оперный и камерный певец (высокий бас), в разное время солист Большого и Мариинского театров, театра Метрополитен Опера. Имел яркие вокальные данные и артистизм. Занимался живописью, графикой и скульптурой. В 1905 г. жертвовал сборы от своих выступлений рабочим. Порой его выступления с народными песнями («Дубинушка» и др.) превращались в политические демонстрации.

- Уж простите нас за столь неожиданное нашествие! – говорил он. – Мы вот с Марией Федоровной решили навестить Федора Ивановича, потом все вместе отправились прогуляться по тенистым аллеям Новинского бульвара, которые Федор Иванович очень любит! Пока мы решали, идти к вам на фабрику или явиться на квартиру, нам повстречался Николай Нефедович!

- Ведите нас к нему! – повторил басисто свои слова Шаляпин.

Лукьянов смутился, кинув на шумную знаменитость взгляд.

- Николаю Нефедовичу пришлось проводить нас, - засмеялся Пешков. Затем поймал взгляд Лизы, по-доброму пожал ей руку и продолжил беседу. Лиза практически не слышала, о чем шел разговор: ей хотелось лишь одного, спросить у Алексея Максимовича виделся ли он с ее мужем...

Вечер вышел на славу. Удалось даже уговорить Лукьянова почитать стихи, которые, как оказалось, он сочинял. Его похвалили, Пешков посоветовал ему писать и дальше. Спел несколько песен Шаляпин. Песни Варламова¹, песнь ямщиков в исполнении Шаляпина тронули до глубины души, так, что некоторое время все молчали, а певец задумчиво смотрел в окно на Новинский бульвар. Затем он вновь запел такую близкую его душе «Дубинушку»²...

¹ Александр Егорович Варламов (1801, Москва - 1848, Санкт-Петербург) - русский композитор, капельмейстер, певец, музыкальный критик. В историю русской музыки вошёл как автор романсов и песен. Основными жанрами для композитора были «русская песня» и лирический романс.

² Прим. автора: Знаменитая революционная песня, созданная в 1860-х гг. на основе дополнения и авторской обработки народной песни В. И. Богдано-

*...Но настала пора, и поднялся народ,
Разогнул он согбенную спину
И, стряхнув с плеч долой тяжкий гнет вековой,
На врагов своих поднял дубину.
Эх, дубинушка, ухнем,
Эй, зеленая, сама пойдет, сама пойдет,
Подернем да ухнем...
Так иди же вперед, мой великий народ,
Позабудь свое горе-кручину
И свободы святой гимном радостным пой
Дорогую, родную дубину...*

После этой песни долго молчали – эта была совершенно иная редакция песни, которая затронула умы и сердца и взволновала до глубины души... Шаляпин перебрался в кресло, таким образом показывая, что петь больше не будет.

Время приближалось к полуночи, и надо было расходиться. В прихожей Николай, все еще находящийся под впечатлением песен Шаляпина, шепнул Лукьянову:

- Эх, тетка, тетка! Вот на фабрике бы этот концерт, чтобы услышали все рабочие!

Пешков, расслышав его слова, улыбнулся:

- Там, пожалуй, ничего бы не вышло – нет инструмента!

вым, а затем А. А. Ольхиным. Песня стала революционным символом конца XIX-начала XX в., и была особенно известна по её исполнению Ф. И. Шаляпиным. Существует ряд вариаций песни.

- Наоборот, Алексей Максимович, там в сто раз лучше! – загорелся идеей Шмит. – Рядом в нашем особняке стоит концертный рояль Бехштейна¹. А наши ребята в один миг принесли бы его в цех!

Шаляпин рассмеялся:

- Ну и отлично! Придется повторить концерт, если это так можно назвать!

Шанцер остался ночевать у Николая, а Лиза и Катя решили воспользоваться возможностью и вернуться в квартиру Андриканиса. Гостей и молодых женщин вызвались проводить до дома Карасев и Лукьянов.

Когда компания брела по ночным улицам, Пешков наконец-то улучил момент, чтобы обратиться к Лизе:

- Как вы поживаете, моя дорогая Елизавета Николаевна?

- Благодарю, неплохо, - ответила она.

- Мой друг, вы весь вечер хотели что-то мне сказать?

Лиза благодарно улыбнулась Пешкову.

- Да... Хотела.

- И что же? – подбодрил ее писатель.

- Вы ведь приехали из Петербурга?

Он кивнул.

- Скажите... Вы виделись с моим мужем?

- Да.

- Как он?

¹ Прим. автора: «Бехштейн» - немецкая компания, основанная Карлом Бехштейном в 1853 г. и по сей день занимающаяся производством и реализацией пианино и роялей.

Пешков посмотрел на молодую женщину, обдумывая, что же ей сказать.

- Он угрюм и молчалив. У вас размолвка?

Лиза отвернулась, сдерживая навернувшиеся слезы:

- Хуже.

- Простите меня за мою бестактность.

- Ничего. – Лиза вздохнула.

- Любовь порой делает людей глупыми и ревнивыми, - сказал Алексей Максимович, поглаживая усы.

- Я слышу, вы про Алексея Петровича? – спросила Мария Федоровна, оставив разговор с Катей и Шаляпиным и беря супруга под руку. – Не судите его строго. Я думаю, что он вас очень любит. Вам следовало бы с ним объясниться.

- Мария Федоровна! – попытался осадить жену Пешков.

- А что? – возмутилась она. – Ей Богу, будто малые дети! Послушайте меня, милочка, в наше время жизнь так скоротечна. Мы не можем с уверенностью сказать, что с нами будет завтра. Так есть ли смысл терять время?

Пешков крикнул в знак одобрения, пожал руку жены. Какое-то время шли молча, затем Пешков и его жена заговорили о своем, а Лиза задумчиво брела рядом.

* * *

Утро оказалось холодным и промозглым. Лиза поправила воротник, чтобы под него не задувало, и спрятала замерзшие ладони, просунув их в рукава пальто.

На фабрике ждала работа – хотя доктор и говорил, что справится сам и что госпоже Глебовой в ее положении лучше сидеть дома, но Лиза-то знала – ему нужна помощница как никогда. Многие болели – заболевали от холода, от голода, усталости, нищеты. Недовольство масс росло, несмотря на то, что правительство готово было пойти на уступки...

По дороге на фабрику Лиза почувствовала, что что-то случилось. У рабочих, что ей попадались на пути, был озабоченный, угрюмый вид, несколько раз она услышала, что говорят о Баумане¹ и столкновении с черносотенцами.

Возле фабрики Лиза заметила Николаева среди группы рабочих и решительно зашагала к нему.

- Михаил Степанович, что случилось?

Николаев кивнул рабочим, они стали расходиться, а сам он повернулся к Лизе:

- Баумана убили. Черносотенцы.

- Но как?!

- На площади Старых Триумфальных ворот произошло столкновение рабочих с монархистами. Началась перестрелка. Сегодня будем собирать митинг. Предупредите Шмита.

Лиза кивнула.

Днем рабочих собрали на митинг. Николаев встал на импровизированную трибуну и сообщил о столкновении с черносотенцами и убийстве Баумана. Для большинства эта новость не была тайной. Николаев призвал рабочих принять участие в похоронах. В конце добавил, что они знают, чем они могут закончиться.

¹ Николай Эрнестович Бауман (1873, Казань -1905, Москва) - российский революционер, деятель большевистского крыла РСДРП.

После митинга, когда рабочие стали расходиться, Шмит подошел к Лизе:

- Завтра вы с Катей останетесь дома.

- Об этом не может быть и речи, - категорично возразила Лиза. – Вы же понимаете, если начнется стрельба, понадобится моя помощь. Я неплохо разбираюсь в медицине.

- Лиза!

- Нет, Николай.

Он некоторое время молча смотрел на нее. Затем вынул из-за пояса браунинг, вложил в руки Лизы:

- Держите. Он заряжен.

Лиза хотела возразить, но он ее остановил:

- Лиза, они будут стрелять во всех без разбору. Я хочу, чтобы у вас была возможность выжить.

...На похороны Баумана собралось много рабочих. От Лефортова до Ваганьковского кладбища шли, взявшись за руки, чтобы никто не мог остановить процессию, сопровождающую гроб. Впереди шли Шанцер, Васильев-Южин¹, Карасев, Николаев, Лиза, Николай, члены боевой дружины и многие другие. Всю дорогу мужчины сменяли друг друга, неся гроб Баумана.

Боевая дружина была наготове, ожидая нападение черносотенцев. До Ваганьковского кладбища добрались к концу дня, когда уже начало темнеть. Дружинники заняли посты у входа и вокруг могилы и зорко следили по сторонам.

¹ Михаил Иванович Васильев-Южин (1876, Пятигорск – 1937, Москва) – революционер, член исполнительной комиссии Московского комитета РСДРП; участвовал в подготовке Декабрьского вооруженного восстания. Участник революции 1905 – 1907 гг.

Начался митинг. Выступали Шанцер, Васильев-Южин с призывом свергнуть самодержавие, бороться, как Бауман, за демократию и социализм...

С кладбища вышли, неся развернутые красные знамена. Николай приблизился к Лизе ближе:

- Будьте внимательнее, Лиза, - прошептал он.

Лиза ощутила тревогу. Неужели все-таки будут стрелять?

Возле университета на улице было слишком темно – кто-то разбил газовые фонари. Николай поймал руку Лизы и сжал. И тут со всюду засверкали выстрелы: из Александровского сада, из Манежа, с крыш домов. Шмит потянул Лизу прочь из толпы в сторону ближайшего укрытия. Дружинники открыли ответную пальбу, но вскоре выстрелы стихли. Рабочие подхватили раненных и убитых и укрылись в стенах университета. Николай не выпускал руку Лизы, пока они не оказались внутри.

Раненых отнесли в большую аудиторию, Лиза и другие женщина занялись перевязкой и уходом за пострадавшими в перестрелке. Большая часть мужчин взялась за сооружение баррикад возле университета. Боевая дружина рассредоточилась и заняла позиции.

Николай принес несколько столов, воды, скатерти под бинты. Помог расположить тяжелораненых на столах. Лиза взглядом его поблагодарила – ей действительно трудно было наклоняться, а оказать качественную помощь тяжелораненым могла только она.

Время шло. Ждали продолжения боя. Было тревожно. Некоторые раненые стонали, но Лиза для них сделала все, что могла.

Она прошла к окну и отогнула край тяжелой шторы. На улице горели костры. Рабочие укрылись за баррикадами и были наготове. На небе же безмятежно горели такие далекие звезды.

Лиза закрыла глаза, прижавшись головой к стене. Как же ей сейчас хотелось, чтобы Алексей был рядом. Укрыться в его надежных объятиях, почувствовать его тепло, услышать ласковый завораживающий голос мужа. Он бы смог ее успокоить, рассмешить, снять усталость, напряжение, тревогу. С ним так надежно... Лиза открыла глаза. Как же она не понимала раньше! Он всегда был для нее надежной опорой, поддержкой, частью ее самой, а она от этой важной части отказалась! Сколько в нем терпения и любви. О, Господи, одна надежда, что все еще можно исправить и его вернуть!

... Ночь прошла спокойно, без происшествий. Утром с рассветом мимо проехали конные патрули казаков, но в конфликт с рабочими не вступили. К полудню было решено поодиночке расходиться...

* * *

Уехать в Москву на следующий день Алексею не удалось. Пришлось улаживать некоторые денежные вопросы. Когда затруднения были разрешены, Алексей отправился в дорогу. Путь был дальний, так что времени хватило все обдумать.

В Москву Глебов ехал с твердым намерением вернуть Лизу. И если так сложится, что она ему откажет, на этот случай у него был разработан план. Гришка и Антон подкинули неплохую идею. Глебов готов был похитить жену и вывести ее Швейцарию. Есть там пара-тройка ему знакомых укромных живописных мест, где он «поселится» с женой...

По прибытию в Москву, Алексей не стал селиться в гостинице и сразу же отправился на поиски жены по адресу, который передал ему адвокат.

Дверь открыла прислуга, он сообщил, что к госпоже Глебовой, женщина его впустила и попросила обождать. Услышав голос жены в соседней комнате, Алексей ждать не стал - сердце екнуло и припустило вскачь, - он направился к двери и распахнул ее.

Лиза сидела в библиотеке за столом. Как только дверь распахнулась, она сразу же подняла глаза и насторожено посмотрела на вошедшего. Их взгляды встретились, и время будто замедлило бег. Глаза Лизы вспыхнули, расширились, Алексей сделал шаг навстречу и... тут увидел Шмита. Николай Шмит стоял возле книжного шкафа и хмуро смотрел на Алексея.

Благое настроение сразу пропало. Глаза Глебова сузились, он криво осклабился, высокомерно расправил плечи. Лиза, заметив изменившееся настроение супруга, смущено взглянула на Шмита, поднялась.

- Алексей...

Глебов сразу заметил ее выпирающий живот. Сердце разбилось на куски, в ушах зазвенело. Он зло взглянул ей в глаза, затем перевел взгляд на Шмита.

- Алексей!

- А ты время зря не теряла! – озлобленным тоном выплюнул он слова, повернувшись к жене. – Два месяца была вдовой, и такие изменения!

Лицо Лизы пошло красными пятнами.

- Как вы смее! – вступился Шмит, но Лиза слабым жестом попросила его успокоиться.

- Алексей, я не могу разговаривать с тобой, пока ты говоришь со мной таким тоном...

- Я совершенно спокоен, моя дражайшая супруга! – Он сделал несколько шагов в ее сторону, уперся руками в стол. – Скажи, ради приличия ты немного подождать не могла, а? Хотя какие приличия?! Виноват – сглупил, не дав тебе развод. Теперь же, что я получил? Жену, обрюхаченную любовником. Деньги тоже потратила на него?

- Так тебя волнуют только потраченные мною деньги? – На лице Лизы отразились боль и гнев.

Алексей зло усмехнулся:

- Возможно!

- И может быть, ты нарочно сделал так, чтобы я поверила в твою смерть? Ты нарочно подверг меня такому испытанию?

Глебов не преминул усугубить положение:

- Ты догадлива, моя дорогая!

Лиза наотмашь ударила его по лицу, и опустилась на стул, закрыв лицо руками.

- Вам лучше уйти! – Шмит вновь выступил вперед. – Вы ее не заслуживаете!

Глебов не помнил, как преодолел расстояние между ними и врезал Шмиту, что было сил, так что Николай отлетел в сторону на пару шагов.

- Что ты творишь?! – закричала Лиза на мужа, но он будто не слышал ее. Николай быстро поднялся на ноги и ринулся на Алексея. Занес кулак, но Глебов уклонился и ударил его под дыхло. Схватил за лацканы и врезал в лицо.

- Алексей, прекрати!

Но Глебова было не остановить. Он пару раз коленом ударил Шмита под дыхало, тот скрючился и скатился к его ногам. Алексей выпустил противника из рук, грубо оттолкнул. Его грудь высоко вздымалась, а кулаки непроизвольно сжимались и разжимались, пока он иступлённо смотрел на поверженного противника. Лишь спустя некоторое время он взглянул на Лизу. Глаза ее были заплаканными, большими, и напоминали два синих озера, лицо ее пылало, а его ярость явно ее напугала, ошеломила.

- Ты, ты... - она не нашла слов, чтобы выразить свои мысли и чувства, и лишь бережно прикрывала ладонями свой живот.

- Знаю, - ответил он свирепо, переведя взгляд от ее живота на лицо. – Черта с два ты получишь развод.

Он стремительно вышел из комнаты, и Лиза разрыдалась. Она подошла к Шмиту и присела рядом с ним на пол.

- Прости меня. Пожалуйста, прости, - прошептала она, видя как он стирает кровь со своего лица и шмыгает разбитым носом. Шмит не ответил. Лиза и не ждала его ответа. Сердце ее было разбито окончательно и бесповоротно.

* * *

Алексей напился. Умышленно, сознательно напился. Он никогда не напивался до такого состояния. Все плыло перед глазами, язык плохо слушался, но алкоголь не помог заглушить боль и отчаяние, и не помог забыть Лизу.

- Пре-е-датель-ница, - заплетающимся языком сказал он и залпом выпил очередную рюмку горькой. – Оф-ии-цант, еще-е водки! и-и.. эх! – Глебов, упираясь локтем в барную стойку, схватился за голову.

- Господин Глебов, - окликнул его знакомый голос. Алексей с трудом поднял голову и увидел перед собой расквашивающийся образ Малышева.

- А! Кто к на-ам пожаловал! – протянул Алексей. Пьяно осклабился. – Поди вон! – он отвернулся от Малышева.

Малышев же уходить не собирался: подвинул высокий стул, сел и залпом выпил предназначавшуюся Алексею рюмку водки.

Глебов недоуменно посмотрел на него:

- Ты-й е-ще з-десь?

Малышев посмотрел ему в глаза:

- Чем обязан столь немилой встречи?

Алексей фыркнул:

- Ес-ли бы не вы... с вашими гряз-ными иг-рами... у мя была б семья! – Глебов развел руками. - Щас у мен-ья ни-йчё нет!

Он отвернулся:

- Офи-ицант!

Официант услужливо вновь поставил перед Алексеем рюмку, но Малышев вновь первым перехватил ее и выпил.

- Нар-ываешься! – Алексей замахнулся на Малышева, но тот увернулся и в тот же момент подхватил Алексея, чтобы он не упал.

- Тпру, спокойно, - сказал он, усаживая Глебова на место.

- Откуда ты взялся?

- Да так, по служебным делам, - отмахнулся Малышев от вопроса. – Хочу предложить тебе компанию вместе вернуться в Петербург. Что скажешь?

- Я ни-икуда не поед-у, - Глебов отрицательно замотал головой, за которую затем схватился. – Официант, почему так шторм-ит? Мы чт-о, в море?

Официант взглянул на Малышева. Малышев махнул рукой, заставив его уйти. Затем встал, поставил Глебова на ноги – того же качало из стороны в сторону – и придерживая за лацкан пиджака, профессионально дал ему кулаком в челюсть. Глебов сразу отключился, сник, но Малышев удержал его, взвалил себе на плечо как тряпичную куклу и вынес из ресторанчика под пристальными недоумевающими взглядами посетителей.

* * *

«...Алексей движется куда-то, его несет невидимая сила, несет по темному узкому коридору. Внезапно распахивается дверь, и он оказывается в черно-белой комнате. В ней пусто, лишь посередине стол, стул. На столе горит свеча. Ее огонек полыхает, колыхается и гаснет – лишь тоненькая струйка дыма поднимается зигзагами вверх. Алексей приближается ближе.

На столе разложены предметы, вместе выглядящие бессмысленно: Библия, кинжал с всевидящим оком на рукояти, циркуль, молоток, черный шнур. Алексей оглядывается и видит, как на стенах появляются надписи. Он не успевает их прочитать, но слышит громкий голос Малышева: «Преступление не может остаться безнаказанным», «Совість самый верный судья», «Без законного приказа мести - преступление». Комната кружит все быстрее и быстрее. Так, что перед глазами все плывет, голова трещит по швам, а желудок готов вывернуться наизнанку...»

Алексей проснулся. Голова болела, а перед глазами плясали цветные пятна. Безудержно мутило, а в горле пересохло так, что с трудом поворачивался язык. Алексей открыл глаза, и снова их закрыл - потолок комнаты плыл.

Пытаясь вспомнить, где он и как здесь оказался, но, так и не вспомнив, Глебов вновь открыл глаза. Это была его комната в Питере, без сомнения. Но как, черт возьми, он здесь оказался?! Ведь пил-то он в Москве!

Алексей вновь закрыл глаза и попытался вспомнить. Вот он входит в ресторан, садится за барную стойку... Вот он выпивает рюмку за рюмкой... Затем еще и еще... напивается до чертиков... Точно, до чертиков, так как вспомнился образ Малышева. Неужто тот его притащил в Питер? Как?!

Глебов попытался встать, но со стоном повалился на подушку. Отвратительно чувствовать себя беспомощным. Мозг работает, а тело не слушается. Так и умереть недолго! И некому даже стакан воды поднести...

Дверь комнаты открылась и на пороге возникла прислуга Арина.

- Вы проснулись, хозяин?

Он посмотрел на нее, как на спасительницу. Она вошла, держа в руках поднос.

- Что это? - спросил Алексей, наблюдая, как она ставит поднос, прикрытый салфеткой, на прикроватный столик.

- Чай с сахаром, - сообщила она, наливая в кружку черный чай и добавляя в него изрядное количество сахара.

- Мне сейчас не чай нужен, а что-нибудь ядреное...

- Никакого хмельного! - объявила она, так что Алексей растерялся.

- Я имел в виду рассол. Огуречный.

Горничная широко по-доброму улыбнулась.

- Господин, который вас привез, настоятельно рекомендовал отпаивать вас чаем с сахаром. А потом отправить прогуляться. Пешком. По морозу.

- Что за господин? - спросил Алексей, но чай отхлебнул. Жидкость приятно прокатилась по гортани и желудку.

- Он как-то приходил к вам, один раз.

Алексей поморщился. Ну, точно, Малышев.

- Он что-нибудь передавал?

- Нет, не передавал. Уложил вас и ушел.

- Как это мило с его стороны, - пробурчал Алексей, попивая чай. На большее сейчас не было сил, и он снова лег на подушку. В конце концов, куда ему торопиться? Если Малышев вновь хочет втянуть его в какую-нибудь авантюру, он даст о себе знать. Но, ой, как не хотелось вновь связываться с полицией! Как же он их недолюбливал и от них устал!

* * *

После полудня Алексей выбрался на прогулку. Пешая прогулка и свежий морозный воздух благотворно повлияли на его состояние. Почувствовал он себя на много лучше. Когда же Глебов решил вернуться домой, перед ним остановилась карета, и первой мыслью Алексея было предположение, что явился Малышев. Но тут же понял свою ошибку, когда дверца открылась, и выглянул Витте.

- Добрый вечер, Алексей Петрович!

- Добрый вечер.

- Составите мне компанию?

Алексей пожал плечами:

- Пожалуй.

Он забрался в карету и сел напротив Витте.

- Слышал, Его Величество пожаловал вам титул.

Витте усмехнулся:

- Так и есть, господин Глебов. Но злые языки не преминули приписать приставку к титулу. «Граф Полусахалинский». Думаю, еще долго мне в вину будут ставить потерю Южного Сахалина. Бездари и сплетники! Еще, был награжден орденом Александра Невского и на средства казны мне прикупили виллу в Биаррице... А вы разве не в курсе последних новостей?

- Каких?

Витте удивленно воззрился на Алексея:

- Вы Манифест читали?

- Манифест? Простите, Сергей Юльевич, я действительно не знаю, о чем вы. Последние дни... как-то выпали из моей жизни.

Витте улыбнулся, протянул ему газету:

- Тогда прочтите.

Глебов развернул газету. В ней цитировалось содержание основных статей Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка¹. Алексей бегло прочел:

«Выражая свою скорбь по поводу «смут и волнений», охвативших государство, государь признает необходимым «Объединить деятельность высшего правительства», на обязанность которого он возлагает «выполнение непреклонной нашей воли: даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы, совести, слова, собраний и союзов; не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим развитие общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку; и установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

- И как вам мой манифест? Я принимал непосредственное участие в его составлении и продвижении.

¹ Прим. автора: Манифест об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) - законодательный акт Верховной власти Российской империи, обнародованный 17 (30) октября 1905 г. Был разработан С. Ю. Витте по поручению Николая II в связи с непрекращающейся «смуту». В октябре в Москве началась забастовка, которая охватила всю страну и переросла во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку. 12—18 октября в различных отраслях промышленности бастовало свыше 2 млн. человек. Эта всеобщая забастовка и, прежде всего, забастовка железнодорожников, вынудили императора пойти на уступки.

- Демократично, - единственное, что нашелся сказать Алексей. Россия вступила на путь зрелого парламентаризма. Однако он предполагал, что Манифест вызовет растерянность власти на местах и не внесет скорого успокоения в массы. Если умеренно-либеральные круги примут созданное манифестом положение как исполнение их желаний, то левые круги, социал-демократы и эсеры, не будут удовлетворены и продолжат борьбу. С другой стороны, и правые круги не примут содержащиеся в Манифесте уступки революции...

- А еще меня назначили председателем Совета министров, то есть первым русским премьер-министром с предоставлением широких полномочий.

- А вы этого хотели? — осторожно поинтересовался Алексей.

- Этого ли я хотел? Я хотел и хочу служить Отечеству! Манифест устанавливает политические права для подданных России: неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. К выборам в парламент станут привлекаться слои населения, ранее лишенные избирательных прав. Государственная дума поменяет свое значение и приобретет черты развитого парламента. Закон не будет иметь силу без одобрения Государственной думы. Вот чего я хотел, и это все содержится в Манифесте 17 октября.

Глебов предпочел молчать. К чему какие-либо комментарии. Витте любит говорить и любит себя слушать. Как многие из политиков.

Тем временем Витте продолжил:

- Прием, сделанный мне в Америке, сделался известным в Петербурге и многим мешает хорошо спать. Знаете, что внушили Государю? Государю внушили, что я хочу быть президентом. Президентом всероссийской республики. Бред! А мы ведь с вами понимаем, что должность председателя Совета министров «расстрельная» и для карьеры безнадежная. Террористы отстреливают чиновников как дичь. У нас в России все, что ни делается, хотя, может быть, и хорошее, принимается или озлобленно, или критически, или равнодушно.

Алексей пожал плечами:

- Согласен.

Витте внимательно на него посмотрел:

- Вам нездоровится?

Глебов устало усмехнулся:

- Да, так и есть.

- Тогда, простите, Бога ради. Я не хотел вам досаждать.

Позвольте, я отвезу вас домой.

Алексей признательно улыбнулся:

- Да, покорнейше благодарю.

* * *

Витте доставил Алексея домой, но и здесь его не оставили в покое. Когда он вошел в квартиру, то застал в гостиной Малышева. При виде Алексея Малышев поднялся со стула и с ироничной улыбкой произнес:

- Рад видеть тебя в добром здравии.

Глебов изнеможенно опустился на диван. «Что им всем от меня надо?» Он опустил голову на спинку дивана и посмотрел на Малышева, который сел рядом.

- К чему такая забота обо мне?

Малышев посмотрел на него:

- Везде ищешь подвох?

- Только не надо говорить о проснувшемся альтруизме¹!

Малышев помолчал. Затем с усмешкой покачал головой:

- Да нет! Скорее полнейшее безумие было с моей стороны тащить тебя на себе до вокзала, а затем еще и за компанию пьянствовать с тобой всю дорогу до Петербурга. За двенадцать часов, Глебов, я узнал о тебе, больше, чем за все время знакомства.

- Вот только не надо лезть в душу! – огрызнулся Алексей, обрывками припоминая их загул в поезде. Дни пьянства выпали из головы, а вот предательство жены ни на секунду забыть не удалось! – Малышев, тебя никто не просил везти меня в Петербург. Я вообще не собирался сюда возвращаться. Вы мне все уже осточертели!

Малышев хмыкнул. Вздохнул:

- Вообще-то я по делу. Тебя еще интересуют сведения о Катарине Хмельницкой?

Глебов удручено провел рукой по волосам. В последнее время он занимался только своими делами и про поиск Катарину и ее сына и не вспоминал. В жизни бывают сложности, но слово держать всегда надо. А он обещал позаботиться о семье Кости Абрамовича, который жизни своей не пожалел ради друга.

Алексей посмотрел на Малышева:

¹ Альтруизм - нравственный принцип бескорыстного служения людям; готовность жертвовать своими интересами ради них.

- Бесспорно, интересуют.

Малышев протянул Глебову листок бумаги:

- Здесь адрес. Но хочу предупредить – тебя ждет неприятный сюрприз.

Глебов взглянул на адрес.

- Больше ничего не скажешь?

- Ты должен знать. Это Хмельницкая сдала тебя Лопухину.

- Я знаю.

- И ты все еще хочешь ей помочь?

- Костик, Катарина и я вместе прошли огонь и воду. Они были моей семьей. Как ты думаешь, хочу ли я помочь?

* * *

Как только Малышев ушел, Глебов сразу же отправился по адресу.

Дверь в квартиру оказалась не заперта. Алексей распахнул ее и увидел довольно значительную по численности разношерстную толпу: мужчины, женщины, богатые и бедные – эдак, человек пятьдесят.

Все чего-то ждали, кто-то тихонько перешептывался, кто-то застыл в задумчивой позе, кто-то нервно постукивал пальцами по поверхности спинки стула или отбивал дробь ногой. Словно были на приеме к высокопоставленному чиновнику.

- Простите, что происходит? – спросил Алексей у лысеющего мужчины, стоящего рядом.

Тот посмотрел на Глебова как на безумца.

- Ждем-с, - ответил он, приглаживая рукой и так чрезмерно зализанные волосы.

- Чего ждем-с?

- Когда Григорий Распутин примет,- ответил мужчина таким тоном, разве что не покрутил пальцем у виска.

- А, - Глебов понимающе кивнул, а потом вновь с улыбкой спросил: - А он кто?

Мужчина выпучил глаза:

- Вы разве не знаете?

- Нет.

- Распутин – человек Божий из Тобольской губернии. Провидец, целитель.

Алексей скептически хмыкнул, обвел взглядом присутствующих:

- И что, здесь все больны?

- Ну, знаете-с! – Его насмешливый тон не укрылся от мужчины: он отошел от Алексея в сторону и отвернулся.

В этот миг дверь комнаты открылась, вышел мужчина и сказал:

- Прошу простить, но время приема закончилось. Григорий устал. Приходите завтра. С десяти до часу.

Толпа зароптала.

Дверь вновь открылась и на порог вышла женщина, по всей видимости, посетительница, а следом за ней мужчина, судя по всему, провидец, приема у которого все ждали.

Распутин внешне напоминал русского крестьянина. Крепыш среднего роста. Его светло-серые глаза сидели глубоко и одновременно и приковывали, и вызывали неприятное чувство. Взгляд пронизывал и немногие его выдерживали. Его длинные умасленные густые волосы ниспадали на плечи, что делало его похожим на монаха или священника.

Он поднял вверх руку, и все замолчали.

- Вы пришли все ко мне просить помощи. Приходите завтра. Я всем помогу.

Его голос был спокойным, убаюкивающим, таким, что люди стали постепенно расходиться. Глебов отодвинулся в сторону, чтобы пропустить уходящих.

Когда толпа разбрелась, Глебов последовал к комнате, в которую чуть ранее вошли Распутин и его секретарь.

- Что ты хочешь от меня, Арон¹, что я могу сделать? – говорил Распутин.

- Недопустимо, чтобы разводились разговоры о княжнах, и эти разговоры дошли ИХ ушей, - возражал тот, - Ты должен понять, что перед столь важной встречей с Ними², ты не должен быть замешан в грязи! Придержи свой темперамент.

- Убирайся к черту, - повысил голос Распутин. – Я ничего не сделал!

¹ Арон Симхович (Симонович, Самуилович) Симанович (1872, Вильна - 1944, Освенцим) - российский купец 1-й гильдии, мемуарист, получивший известность как личный секретарь и советник Г. Распутина.

² Прим. автора: Речь идет о встрече Григория Распутина с императором и его семьей.

- Все происходит от того, что ты постоянно гоняешься за юбками, - продолжал спокойно его советник. - Оставь этих баб. Ты же не можешь пропустить мимо себя ни одной женщины.

- Разве я виноват? Я не насилую их. Они сами шлятся ко мне. Я здоровый мужчина и не могу противостоять, когда ко мне приходит красивая женщина. Почему мне не брать их? Не я ищу их, они сами приходят ко мне.

- В твоих собственных интересах покончить с этим. Хотя бы временно.

Глебов постучал о дверной косяк, будто только что ступил на порог их квартиры. Мужчины резко замолчали и обернулись.

- Прием окончен, - сообщил быстро помощник Распутина.

- Я по другому вопросу, - Алексей прошел внутрь, - Я ищу Катарину Хмельницкую.

Секретарь взглянул на Распутина, тот же с заинтересованностью смотрел на посетителя.

- Ничем не можем вам помочь, - заявил секретарь.

Глебов посмотрел на Распутина, игнорируя ответ его помощника. Распутин усмехнулся, обнажив нездоровые черные зубы.

- Уйди, Арон, - сказал он.

Секретарь хотел возразить, но набрав больше воздуха, шумно выдохнул и зашагал к выходу.

- Ньюра! - крикнул он, захлопывая дверь. - Почему парадная до сих пор открыта?!

- Ту женщину, которую ты ищешь, ты здесь не найдешь, - произнес Распутин.

- А вот мне достоверно известно, что Катарина Хмельницкая находится здесь.

- Уходи. Тебе здесь не место.

Алексей напряжено смотрел на Распутина. Его взгляд, голос вызывали у него неприятное чувство – Распутин гипнотизировал, подчинял, желал управлять его волей. Его натура источала магнетизм, который как притягивал людей, так и отталкивал. Алексея он отталкивал. И ответы Распутина его не устраивали.

- Нет, так нет, - сказал Глебов, решив временно отступить. – Прощайте.

* * *

Алексей вышел на улицу, обдумывая, как поступить дальше. Единственное, что оставалось – это последить за домом Распутина, дожидаться его ухода и вновь вернуться.

Время шло, но ничего такого, что подтвердило бы нахождение Катарини в квартире Распутина, не произошло.

Вечерело. Становилось все холоднее. Голова раскалывалась. Туфли же, купленные в Лондоне, не выдерживали Петербургской промозглости и холода. Алексей постучал ногой об ногу, пытаясь хоть как-то согреться. На сегодня достаточно приключений, решил он, и зашагал по улице. На площади вновь был митинг, но не с той агрессией, что раньше – все же Манифест 17 октября дал результаты. Алексей шел сквозь толпу. Студенты, служащие, рабочие, солдаты...

Глебов неожиданно ощутил, что кто-то находится к нему слишком близко. И тут, чья-то рука почти неощутимо проникла ему в карман...

Алексей схватил воришку за руку, он вскрикнул.

- Я тебе сейчас уши надеру! – пригрозил Глебов выворачивающемуся из его рук мальчишке. Драная поеденная молю шапка слетела с его головы, обнажив грязные белесые волосы.

- Отпусти, дядьку! – взвизгнул испуганно пацан.

- Пашка? – Алексей с сомнением уставился на чумазое лицо мальчишки. Мальчик взглянул на него своими светлыми голубыми глазами, и сердце Глебова рухнуло вниз. Он поздно осознал, что ослабил хватку: мальчишка вырвался и бросился бежать.

- Пашка, стой!

Глебов рванул за ним, но пробираться сквозь толпу, в которую нырнул худенький мальчик, ему было сложнее. В прежние времена в толпе бы нашлись те, кто остановил бы воришку. Но сейчас все были слишком заняты идеями революции, чтобы отвлекаться на такие мелочи.

- Пашка, стой! – еще раз крикнул Алексей, выбираясь из толпы и заметив, как мальчишка ловко зацепился за задок коляски. Мальчик оглянулся, но в этот момент коляска попала в рытвину, подскочила, он не удержался и грохнулся на дорогу, сильно приложившись головой о камень.

- Пашка! – внутри у Глебова похолодело. Он бросился к мальчишке. - Пашка!

Мальчик был без сознания. Алексей осторожно осмотрел его голову. Слава Богу, большая шишка, а не дыра в голове!

Глебов подхватил мальчика на руки. Благо заметил извозчика, махнул ему рукой. Нужно показать Пашку доктору. А потом уж все остальное...

* * *

Пока доктор осматривал ребенка, Алексей стоял рядом. Мальчишка со страхом и недоверием смотрел на мужчин.

- Ничего страшного, до свадьбы заживет, - сказал устало доктор, осмотрев ушиб на голове мальчишки и намазав зеленкой. Затем посмотрел на Глебова:

- Все в порядке.

Доктор оставил свои рекомендации по уходу и ушел. Глебов взглянул на мальчика, который смотрел на него как загнанный волчонок, готовый цапнуть за руку в любой момент. Рукава и брючины его одежды были коротковаты, и вся одежда висела на исхудавшем мальчишке. Первый делом нужно его накормить, затем отмыть, а потом можно будет и поговорить.

- Арина, - позвал Алексей прислугу. Женщина явилась по первому зову. – Ужин готов?

- Готов, Алексей Петрович. Подавать?

- Накройте на две персоны.

Женщина с неодобрением уставилась на грязного мальчишку. То, что он уже пачкал хозяйскую постель, вызывало у нее недовольство.

- И еще. Вскипятите воду. Да побольше.

Женщина одобрительно кивнула:

- Хорошо, Алексей Петрович.

...Мальчишка сидел за столом, неуверенно вертя ложкой, и голодным взглядом наблюдал, как Глебов неторопливо ест на другом конце стола.

- Почему ты не ешь?

Пашка молчал. Алексей вздохнул. Мальчишка чурался его, как черт ладана. И ко всему прочему голова по-прежнему раскалывалась после встречи с Распутиным. Неплохо было бы выпить. Да вот только Арина нарочно не поставила спиртное на стол. Глебов встал и прошел к шкафу, где хранились разнообразные алкогольные напитки. Заперто. М-да...

Он обернулся на странный звук позади. Мальчишка с шумом выпил суп из тарелки и руками стал выедать гушину, быстро запихивая ее себе в рот. Увидев, что Глебов на него смотрит, он замер, медленно поставил тарелку на стол и утер рукавом губы и подбородок.

- Ешь. Не стесняйся.

Но мальчишка лишь больше ссутулился, опустив голову вниз.

Алексей подошел к столу, подвинул к Пашке тарелку со вторым.

- Котлета с вермишелью. Арина мастерица их готовить, - сказал он. Мальчик сглотнул слюну, смотря на еду.

- Можно? – не удержался он и взглянул на Алексея. - Я отработаю.

Глебов скрыл смущение. Ведь и он виноват в том, что сын его друга, стал бродяжкой и уличным воришкой.

- Договорились.

... Искупать мальчишку оказалось еще труднее, чем накормить. Он брыкался, сопротивлялся и не позволял Арине его раздеть. Алексею пришлось вмешаться.

- Что у вас здесь происходит? - спросил он с недовольством, явившись на шум.

- Он не желает раздеваться! – женщина развела руками, чем мальчуган не преминул воспользоваться. Он бросился от нее прочь, но мимо Алексея ему проскользнуть не удалось. Глебов поймал его за руку. Мальчишка вскрикнул и от страха прикрылся рукой, будто ждал, что Алексей его ударит.

- Пашка, - позвал Глебов мягко, чтобы успокоить мальчика. Тот неуверенно с опаской посмотрел на него.

Алексей присел на корточки:

- Почему ты не хочешь мыться?

Пашка молчал.

- Ты обещал отработать. Так вот, первым делом ты должен помыться. Понял?

Мальчишка отвернулся. Затем нехотя кивнул.

Алексей отпустил его плечо. Пашка вернулся к медной ванне, из которой поднимался пар, и стал расстёгивать пуговицы на одежде.

- Отвернись, - буркнул мальчишка женщине, - отвернись!

- Еще чего! – возмутилась она. – Чтобы ты деру дал?

Алексей взглядом попросил женщину не спорить, и, убедившись, что все благополучно обошлось, вернулся в столовую комнату. Хотелось выпить, а для этого нужно было вскрыть шкафчик, так как Арина спрятала ключ.

Может, просто пригрозить ей увольнением? Иначе, что, прислуга стала командовать в доме? Нет, пусть пока занимается мальчишкой.

Глебов был не мастак в общении с детьми, и уходила масса сил, чтобы убедить Пашку послушаться. Да еще голова трещит.

Алексей скрутил проволочку и сунул ее в замочное отверстие шкафчика, но тут же вздрогнул от натужного вопля мальчишки.

Глебов чертыхнулся и вновь направился к ним.

- Да что у вас опять, черт возьми?

Женщина перекрестилась от его чертыханий. Мальчишка плюхнулся в воду.

Арина сгребла с пола грязную одежду, мальчик вновь завопил, забыв про страх перед мужчиной.

- Что ты вопишь? – Алексей встал над ним. Пашка поднял на него глаза. Плачет?

- Что случилось?

Арина пояснила:

- Я хотела забрать его одежду, чтобы постирать, а он не дает.

Алексей вновь посмотрел на Пашку:

- И что из того, что твою одежду стирают?

Мальчишка шмыгнул носом:

- А я что, голяком буду?

- Арина, принеси мою сорочку.

- Какую?

- Любую.

Женщина вышла, а Глебов вновь заговорил с ребенком:

- Завтра ты сможешь забрать свою одежду. Арина стирает и прогладит ее. Тебе все ясно?

Мальчишка нехотя кивнул, не смотря ему в глаза.

Глебов протянул ему полотенце.

- Вылазь.

Пашка послушно выбрался. Только теперь Алексей заметил на спине мальчишки полосы. Полосы от розог, которыми его пороли. Глебов завернул мальчика в полотенце, подождал, пока ребенок вытрется. Пришла Арина, Алексей отошел в сторону, позволив ей одеть парнишку.

Глебов вышел из ванной комнаты, вернулся в столовую, вскрыл шкафчик, налил коньяка.

Нужно поговорить с мальчиком. Узнать, что случилось и где его мать. Глебов прошел в гостевую спальню, где Арина постелила для Пашки, но мальчишка уже спал.

* * *

Алкоголь смог притупить и головную, и сердечную боль, но не избавил от ночного кошмара...

«Распутин гипнотизировал его своими темными глазами, и Алексей тонул в их черной бездне. И чем сильнее затягивала его их пучина, тем сильнее становилась головная боль. И вот беспроглядная мгла окружила его со всех сторон. Нет ни боли. Ни света. Ни звука. Невесомость. Смерть... Внезапный мощный импульс, толчок выбрасывает его из тугой мглы. Проблеск. Больше, ярче. Свет...»

...Алексей вздрогнул, резко проснулся. Шея и плечи болели, так как заснул он в кресле. Глебов потер шею, зевнул и посмотрел на кровать, где спал Пашка. Мальчишки не было! Алексей подкинуло с места. Неужели сбежал?

Он быстрым шагом вышел из комнаты, заглянул в некоторые помещения и пошел на шум. В одной из комнат он застал Пашку, уже одетого – по всей видимости, Арина рано утром принесла его выстиранную и проглаженную одежду. Мальчишка шарил в шкафах.

- И чем же ты занимаешься?

Пашка вздрогнул и обернулся на голос. Спрятал руку за спиной.

- Ничего мне не хочешь сказать?

Пашка исподлобья взглянул на Алексея, весь напрягся, готовый в любое мгновение сорваться и сбежать. Глебов сел на стул. Что же делать в таких случаях? Мальчишка хотел его обворовать. И естественно, потом сбежать. Нужно что-то сделать, чтобы Пашка не пытался сбежать. А для этого нужно выявить причину. Пашка тихонько отодвигался к выходу.

- Я знал твоих родителей, - произнес Алексей, - Они были моими друзьями.

Пашка остановился.

- Ты мой крестник, Пашка. Я хочу помочь тебе и твоей маме.

Мальчик с недоверием и надеждой посмотрел Глебову в глаза:

- Правда?

- Правда.

Пашка бросился к Алексею и повис на его шее, крепко обхватив своими худенькими ручонками. Глебов растерялся, затем приобнял мальчишку рукой.

- Я тебя искал, - радостно произнес мальчик. – Сейчас. – Он выбежал из комнаты и вскоре вернулся с грязным измятым конвертом в руке. – Мама сказала отдать тебе.

Глебов взял конверт, вскрыл, развернул письмо. Почерк Катаринины, но строчки неровные и слабо прописанные. Словно писал очень обессиленный или больной человек.

«Алексей!

Я больна. Как не старалась, но обмануть смерть я не могу. Ты крестный моего и Кости сына. Паша нуждается в защите и опеке. Позаботься о нем. И прости, если что.

Катарина Хмельницкая»

Глебов посмотрел на мальчика, с надеждой смотревшего на него.

- А где твоя мама, Пашка?

- Мама у того черного дядьки. Она сказала, что он вылечит ее и что мы должны остаться в его доме.

Алексей присел перед мальчиком на корточки.

- Как зовут этого дядьку? Григорий Распутин, так?

Мальчик кивнул.

- Скажи, это он бил тебя?

Пашка молчал.

- Почему ты не живешь с мамой?

- Я сбежал. Но иногда я пробираюсь к ней. – Мальчик замялся. – Она не хочет уходить, а я хочу, чтобы она ушла со мной. Ты поможешь? Мама говорила, что если я буду слушаться тебя, ты мне будешь помогать.

Глебов не нашелся, что ответить. Пашка некоторое время сомневался, затем стал выгребать из своего кармана то, что успел украсть в квартире – деньги, запонки, кольца.

- Вот, забери. Я больше не буду. Только помоги мне вернуть маму! И я всегда, всегда буду слушаться тебя. Клянусь!

Алексей взглянул на украденные богатства. Странная штука – жизнь. Много лет назад Костик Абрамович говорил ему схожие слова: «Вот, забери. Только помоги мне спасти Катарину. Я всегда, всегда буду слушаться тебя. Клянусь!»

Глебов взглянул на Пашку.

- Не надо кляtv, - ответил он мальчишке так же, как ответил и его отцу. Встал и добавил:

- Я помогу.

* * *

Прежде чем отправиться к Распутину, Алексей позвонил Малышеву.

- Я собираюсь вломиться в квартиру Григория Распутина и забрать Катарину, - сообщил он.

В трубке последовало молчание, затем Малышев произнес:

- У Распутина много высокопоставленных покровителей. Это плохая идея, Глебов.

- Тогда приезжай и останови меня, - ответил Алексей и повесил трубку. У него фoры чуть более четверти часа...

...Глебов решительно вдавил кнопку звонка. Дверь приоткрыла девушка, не снимая цепочки с замка.

- Мне нужна Катарина Хмельницкая.

Девушка испугано вытаращила глаза.

- Уходите! – Она хотела захлопнуть дверь, но Алексей вышиб ее плечом.

- Катарина! – крикнул он, проходя мимо перепуганно закричавшей женщины, и заглянул в первую из комнат. – Катарина!

Позади слышались тяжелые шаги, Глебов обернулся. Перед ним стоял Распутин. Его темные глаза устремились на Алексея.

- Зачем ты здесь? – сказал он обволакивающим тоном.

- Я пришел за Катариной.

Распутин приблизился, не сводя взгляда с глаз Алексея:

- Ее здесь нет. И никогда не было, - произнес он окутывающим голосом. - Ты был моим врагом, но теперь ты больше не враг. Ступай домой. Я хочу остаться с моими здесь и отдохнуть.

Глебов сделал медленный шаг вперед, приблизившись к Распутину.

- Черта с два на меня подействует твой гипноз, - процедил он сквозь зубы.

Распутин с интересом посмотрел на Алексея.

- Где она?

- Так вот ты каков, Алексей Глебов, - произнес Распутин. – Позволишь заглянуть в твою душу, и я отдам тебе ее.

Алексей раздраженно схватил Распутина за плечо.

Яркая вспышка... «Распутин у императора и императрицы, он прикладывает руки к голове малолетнего наследника престола... Вокруг Распутина выются толпы богатых знатных женщин, мужчин, боготворят его, целуют ему ноги... Распутин окружен кучкой озлобленных людей, они стреляют, еще и еще... Его подносят к краю моста, переваливают через бордюр, бросают, удар об лед... Холод...»

Алексей вздрогнул, отпустил руку Распутина.

Григорий был удручен:

- Я ничего не увидел. Уходи!

Алексей взглянул на настенные часы.

- Ты бил Пашку? – спросил он. - Да или нет?

Распутин надменно вздернул голову:

- Наказывал. За воровство.

Глебов врезал Распутину так, что тот отлетел к стене. Алексей склонился над ним:

- Я видел твою смерть. Ты умрешь от того, что возомнишь себя Богом. Отдай Катарину.

Распутин выплюнул обломки зубов, рассмеялся.

- Она там. Забирай ее.

Алексей прошел в комнату, распахнул дверь. Катарина лежала на кровати, и была очень слаба. Ее кожа просвечивалась как бумага.

- Катарина, - Алексей опустился на колено, коснулся ее волос.

Женщина открыла глаза, с трудом понимая, кто перед ней.

- Опять сон? – обессиленно прошептала она.

- Нет. Я пришел за тобой.

По щеке женщины скатилась скупая слеза.

- Глебов, - прошептала она. – Ты пришел. Прости меня...

- Все в порядке, Катарина. Я хочу забрать тебя.

По щеке женщины сбежала очередная слеза:

- Я не знаю, где сын. Мне сказали, он сбежал... Найди его, найди моего сына...

- Я нашел. – Алексей бережно завернул женщину в покрывало и подхватил на руки. – Я с тобой. Все будет хорошо.

Глебов вынес женщину в прихожую. Вокруг Распутина уже стояли несколько мужчин и женщин, явившихся к нему на прием. Увидев Глебова, они ринулись в его сторону.

Алексей отступил на шаг назад. Придется воспользоваться револьвером.

Малышев возник перед ним вовремя, прикрыв его своей спиной.

- Полиция. Расступитесь! – он показал удостоверяющую бумагу, вытянув руку вперед.

Толпа зароптала:

- Он напал на Григория!

- Руки ему оторвать!

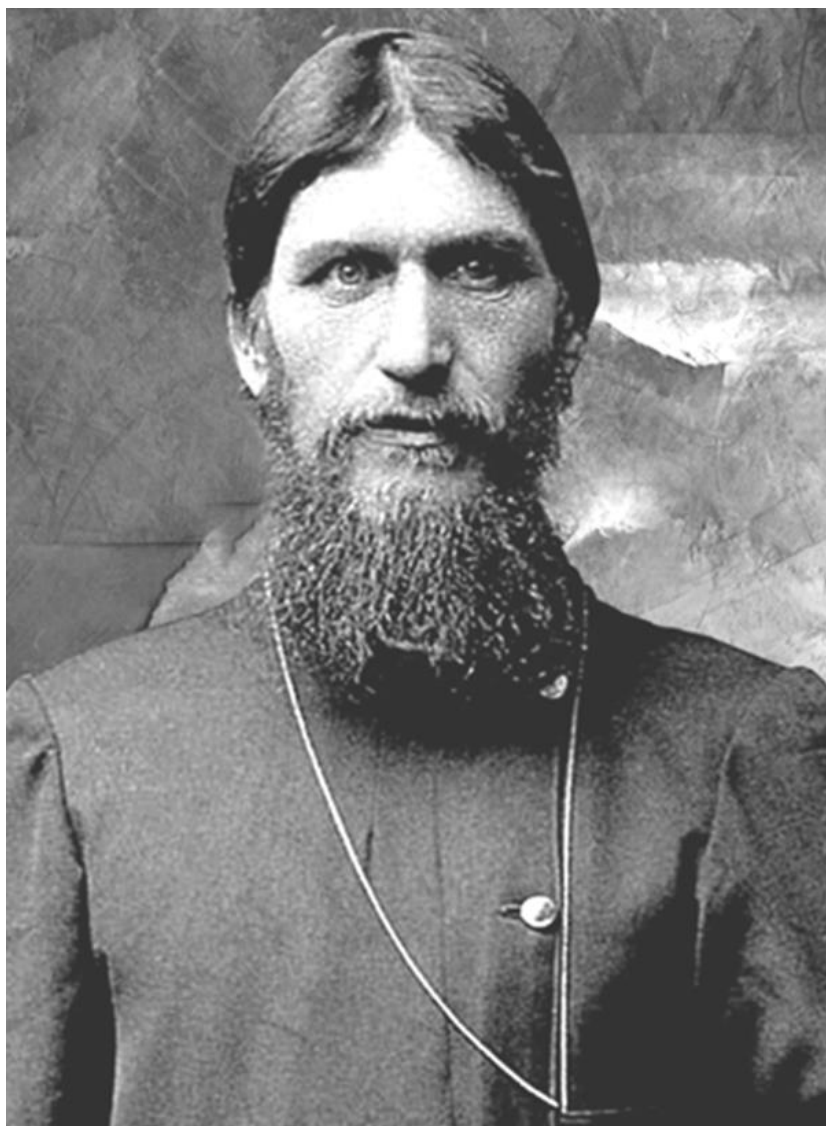
- Да они заодно!

Малышев убрал бумагу и тут же выхватил револьвер:

- Стоять, я сказал! Дальнейшие ваши действия буду расценивать как нападение на сотрудника Департамента полиции!

- Пустите их! – раздался голос Распутина. Его последователи обернулись.

Григорий Ефимович Распутин

- Но Григорий...

- Бог им судья. – Распутин прошел в их сторону, Малышев посторонился, и он приблизился к Алексею. Григорий посмотрел на больную женщину на его руках, коснулся рукой ее лба:

- Катарина, - позвал он, - Ты ведь понимаешь?

- Да... - ответила она. – Я хочу побыть с сыном.

Он убрал руку и посторонился. Алексей прошел к выходу первый, Малышев последовал за ним.

На улице их ждала коляска.

- Мог бы взять с собой парочку агентов, - заметил Глебов, когда извозчик повез их прочь.

Малышев с сарказмом взглянул на него, но промолчал.

- Но я благодарен тебе за то, что ты пришел.

Малышев взглянул на Катарину. Глаза женщины были закрыты, она слабо дышала. Он посмотрел на Алексея. Тот перехватил его взгляд и крепче прижал женщину к себе. Оба понимали, что дни ее сочтены.

* * *

Доктор, осмотревший Катарину, аккуратно прикрыл дверь комнаты и повернулся к Алексею.

- Что скажите?

- Сожалею, - доктор развел руками, - медицина здесь бессильна. Чудо уже то, что она прожила так долго.

- Сколько времени у нее осталось?

Доктор пожал плечами:

- Может быть, день, может быть неделя. Трудно сказать.

Доктор откланялся, и Алексей вернулся в комнату Катарина. Пашка лежал с краю, бережно обнимая руку матери, другой она перебирала его челку, гладила по щеке.

Мальчик что-то шептал ей, она слабо улыбалась...

Алексей вышел, прикрыв за собой дверь.

* * *

Ночью Катарина бредила. Алексей перенес спящего Пашку в его комнату, и всю ночь провел возле больной – поил настоями, протирал лицо и руки водой.

К утру бред прекратился, и Алексей некоторое время смог поспать.

...Снилось ясное голубое небо, цветущее поле... запах полевых цветов и меда... Он слышит залиvistый смех младенца, нежный шепот его матери... Они где-то там. Среди высоких колышущихся на ветру цветущих трав... Он идет к ним... Идет на звуки радости и счастья... Идет... Он приближается, осталось только раздвинуть высокие, по пояс колышущиеся травы...

Тяжелый кашель заставил Алексея проснуться.

- Прости, я разбудила тебя, - произнесла Катарина.

- Тебе что-нибудь нужно?

- Да... Попить...

Глебов напоил женщину из стакана. Она измученно откинулась на подушки.

- Присядь, пожалуйста, - попросила она.

Алексей поставил стакан на прикроватную тумбочку и присел на край кровати.

- Спасибо тебе, - произнесла она. - Я должна сказать тебе... Меня изъедали боль и гнев от того, что я считала тебя виновным в гибели Кости... Когда же представилась возможность отомстить... и сломать тебе твою спокойную размеренную жизнь, я сделала это... Я сдала тебя полиции.

Глебов склонил голову, смотря на свои руки, обручальное кольцо.

- Мое предательство не принесло мне успокоения: долгие годы мы были друзьями, а я предала друга... Прости меня, если сможешь. Я знаю, ты можешь.

Ее слабая рука опустилась на его руки.

Алексея бережно сжал ее пальцы.

- Забудь. Я забыл.

- Как всегда, благороден. Ты обещал позаботиться о Паше. Ты сдержишь слово? Выполнишь последнюю просьбу мою и Кости?

- Да.

Женщина вздохнула, устало закрыла глаза:

- Хорошо.

* * *

Дни шли. Катарина, изъедаемая болезнью, не вставала с постели. Доктор, как и обещал, прислал опытную сиделку. Пашка крутился рядом с матерью, но она все чаще впадала в бессознательное состояние, бредила и тогда или Глебов, или Арина занимали чем-либо ребенка.

Алексея угнетало то, что происходило в его жизни: предательство жены, болезнь Катарины, беспокойство за Пашку. Обстановка в столице, да и вообще в стране, вызывали опасения и тревогу. После 17 октября на улицах происходили стычки революционеров с войсками, полицией, черносотенцами, было убито несколько сотен человек. Совет рабочих объявил демонстративные похороны убитых рабочих, но правительство не допустило демонстраций. Все же через несколько дней в Петербурге установилось относительное спокойствие, в отличие от других мест России, где происходили смуты и волнения. Но, как говорится, это было лишь затишьем перед бурей.

Как бы то ни было, жизнь шла своим чередом. В один из дней Глебов вызвал к себе домой поверенного – господина Рериха и с письменного согласия Катарины было оформлено опекуновство Глебова над Пашкой.

Оставшись наедине, они обговорили несколько финансовых вопросов, а перед уходом Рерих передал Алексею серый конверт, пришедший в контору на его имя. Алексей повертел конверт в руках, но вскрывать не торопился. Его угнетал еще один безотлагательный вопрос, который нужно было решить.

- Господин Глебов?

- Да?

- Позвольте откланяться.

- Да, конечно... Нет, постойте. - Алексей помолчал, не смотря на поверенного. - Подготовьте документы, я даю жене развод.

Рерих приподнял бровь, кратко произнес:

- Да, конечно, - и вышел.

Алексей положил конверт на край стола, откинулся на спинку кресла, устало положил голову на ее жесткую обивку. Вот и все. Он решил. Если она хочет, пусть будет счастлива с этим чистоплюем-студентом.

* * *

Ноябрь 1905 г. Москва

В этот день Лиза осталось дома: ее задача была дожидаться посыльного и получить оружие. Лиза выглянула в окно. По улице проходили прохожие, проезжали повозки, но посыльный не появлялся.

Наконец она увидела в конце переулкa Елену Кравченко. В руках женщины была большая коробка из-под торта, аккуратно перевязанная голубой лентой. Лиза медленно спустилась вниз, дождалась, когда в дверь позвонят. Открыла.

Женщина улыбнулась:

- Здравствуйте! Вам торт от Филиппова, как заказывали.

Лиза взяла коробку. И в тот же момент увидела мужчину, по ступенькам поднимающегося к ним.

Он официально вежливо улыбнулся, снял шапку:

- Здравствуйте, Елизавета Николаевна.

Кравченко кинула встревоженный взгляд на Лизу, но та внешне сохранила спокойствие:

- Здравствуйте.

Лиза узнала помощника поверенного Алексея. Господин Юдич. Этот человек приносит ей дурные вести!

Сердце екнуло, а малыш неожиданно толкнулся, так что Лиза невольно прижала ладонь к животу. Поверенный, посмотрев на ее живот, смутился.

- Мы можем с вами поговорить?

Лиза кивнула:

- Да, конечно. Проходите.

Лиза кинула взгляд на Елену Кравченко. Та попрощалась и ушла.

- Вы позволите вам помочь? – помощник поверенного кивнул на торт в руках Лизы.

- О, нет, не стоит, - натянуто улыбнулась она. – Мне не тяжело.

Лиза провела помощника поверенного в гостиную, поставила торт на столик, не нужно, чтобы Юдич заметил под лентой толстую бечевку, и повернулась к нему.

- Мадам, я по поручению вашего, гм, супруга – господина Глебова, - он полез в свой портфель за документами. - Ознакомьтесь.

- Что это?

- Документы о разводе.

- О разводе? – Лиза не поверила в услышанное и растерянно взяла документы. - Но ведь это было больше полугода назад!

- Если быть точным, семь месяцев назад.

Лиза посмотрела большими беззащитными глазами на помощника поверенного.

- Я не хочу развода, - промолвила она.

- Ваш муж подписал документы. Его адвокат передает документы в патриаршество с прошением о расторжении брака. Я привез для вас экземпляр.

Юдич застегнул замок портфеля, а когда поднял голову, то увидел, как по щеке женщины пробежала невольная слеза.

- Госпожа Глебова, - произнес он благожелательно, Лиза моргнула, и по щекам пробежали очередные капли. Она перевела взгляд на него. – Господин Глебов готов выплачивать вам хорошее содержание. Пока вы вновь не выйдете замуж.

Лиза твердо отчеканила:

- Мне ничего не нужно. Так ему и передайте.

- Думаю, что в вашем положении деньги не будут лишними...

- Я сказала, мне ничего не нужно.

Юдич помолчал. Вдохнул, пробормотал:

- Имею честь, - и вышел.

* * *

Шмит пришел вечером. Увидев на столике так и не вскрытую коробку из-под торта, удивленно посмотрел на Лизу. Она сидела возле окна, плотно укутавшись в шаль.

- Вы сегодня рассеяны, - произнес он, доставая ножик и разрезая бечевку. Сняв картонную крышку, на дне коробки он увидел два револьвера. Открыв тайник в стене, положил их туда. Обернулся к Лизе. – Что с вами?

Лиза вздохнула, поднялась:

- Все в порядке, - и больше ничего не говоря, вышла из гостиной.

Шмит удивленно повел бровью, его взгляд упал на бумаги, лежащие на столе. Он взял их в руки, прочел. Не веря, бегло прочел еще раз. Бурная радость охватила его. Наконец-то!

Он быстро зашагал в сторону комнаты Лизы. Постучал:

-Лиза!

- Что вам нужно? – раздался усталый женский голос.
- Мне нужно поговорить с вами.
- Не сегодня. Я устала.

Шмит помолчал.

- Я приду завтра утром.

Ответа не последовало.

...Лиза проплакала всю ночь. Шмит пришел утром, немного взволнованный, но настроенный решительно. Приблизившись к Лизе, он сразу заметил и покрасневшие глаза, и темные круги под глазами, однако это его не остановило.

- Елизавета Николаевна, не буду юлить, я ждал подходящего момента долго. Вы знаете, вы мне не безразличны. Прошу оказать мне честь и принять мое предложение. Составьте мне счастье, будьте моей женой.

Его предложение застало Лизу врасплох, так как мысли ее были заняты сокрушительным поступком Алексея. Она долго смотрела на него, затем опустила глаза, понимая, что пауза затянулась.

- Николай Павлович, не принимайте скоропалительных решений.

- Вы прекрасно знаете, что мое решение продуманно и имеет под собой твердую основу.

Лиза молчала, но он терпеливо ждал ее ответа.

- Я не могу это сделать, - выговорила она.

- Почему же? Ваш развод состоится. Или вы думаете, я не приму вашего ребенка и не воспитаю его как собственного?

- Я не сомневаюсь в вашей широте душевной, Николай Павлович. Но я не хочу развод и не могу выйти за вас замуж.

Шмит смотрел на ее склоненную голову, затем отошел к окну.

- Это ваше окончательное решение?

- Да.

- Значит, вы его по-прежнему любите?!

Лиза промолчала.

- Он не любит вас, Лиза. Он хочет развода и не признает вашего ребенка, - жестко произнес он, - Он не думает о том, как развод в вашем положении отразится на вашей репутации. А о вас начнут судачить! Не только люди нашего круга, но и рабочие и их жены – они станут смотреть на вас косо, независимо от того, сколько вы для них сделали. Мало того, вас будут обходить стороной. А вы подумали о своем ребенке? Как будут окружающие к нему относиться? Как собираетесь растить его? Что вы собираетесь делать?

Лиза закрыла лицо руками:

- Замолчите!

- Мое предложение в силе, Лиза. Вам только нужно дать согласие. Я готов пройти с вами рядом все трудности. Подумайте. Я буду ждать вашего решения, - Шмит развернулся и вышел из комнаты.

Лиза опустилась на краешек кресла. Малыш сердито толкнулся. Она положила руку на живот, погладила. Николай Шмит прав. И она должна найти выход из ситуации. Ради своего ребенка.

* * *

Несколько дней подряд Лиза отправляла мужу телеграммы, но не на одну из них не пришло ответа. Она была в отчаянии. Алексей не любит ее? Он ее разлюбил? Столько времени прошло, он мог измениться! От таких мыслей становилось еще больней. Конечно же, она может отказаться от развода. Но спасет ли это их брак, ведь Алексей не хочет с нею быть. Он не хочет признавать ребенка, у малыша же должен быть отец. Тогда не лучше ли принять предложение Николая Шмита? И что, что нет любви. Как доказала жизнь, брак по любви – не значит счастливый брак. А Глебов? Лиза стала чувствовать к нему ненависть из-за нанесенной обиды и оскорбления. Раз он смог разлюбить ее, то и она его не простит...

Время безжалостно летело, не оставляя никаких шансов. Шел ноябрь - напряжение нарастало как в стране, так и в личной жизни, требуя какого-либо исхода. Наконец Лиза решилась. Выдался подходящий момент, нужно было передать Шмиту документы от Шанцера и Лиза пришла в его дом. Николая дома не оказалось, а прислуга сообщила, что скоро он вернется. Опасаясь, что ее решимость улетучится, Лиза решила дожидаться его прихода.

Время шло, а Николай все отсутствовал. Лиза взглянула на часы. Было довольно поздно. Она открыла тайник, положила в него документы, переданные Шанцером. И тут совершенно случайно увидела письмо, подписанное до боли знакомым почерком. Она взяла конверт в руки. Письмо на ее имя от Алексея. Рука задрожала. Откуда? Когда? Почему здесь?

Лиза вскрыла конверт и развернула письмо.

«Здравствуй, моя несравненная, неподражаемая Лиз!»

Нет другой возможности, как только написать тебе письмо. Не обессудь, буду краток, но предельно честен. Мы так давно не виделись с тобой, и я не представляю, что происходит в твоей жизни. От этого мне больно. Самый дорогой мне человек отдалился от меня, а я так и не понял, почему, и ничего не смог сделать, чтобы вернуть тебя. Время идет, а я день за днем мечтаю увидеть тебя. Увидеть твое милое лицо, заглянуть в глаза и услышать одно – хотя бы одно - слово «Люблю!». Ради такого я готов побороться со смертью, не то, что с судьбой!

Но нет. Сейчас я в Петербурге и пытаюсь разобраться с кучей неприятных дел, навалившихся на меня скопом. Если все разрешится – я приеду и, надеюсь, мы сможем сесть и поговорить. Если же я не объявлюсь, не обессудь. Заранее скажу, прости меня. Я тебя люблю. Люблю безумно, безотчетно. Хотел бы снова быть с тобою, однако одного моего желанья мало.

Твой навсегда. Алексей Глебов»

Лиза еще раз пробежала по строкам глазами. О, Боже! Она взглянула на дату. Датировано 12 октября. То есть написано до того скандала, что учинил Алексей. Но почему же она не видела этого письма?! Почему оно оказалось у Николая?!

Лиза услышала шаги и встала. Николай вошел в комнату с улыбкой, но увидев в ее руке письмо и открытый тайник, перестал улыбаться.

- Что все это значит? - Лиза пошла ему навстречу, показала письмо. - Каким образом письмо от моего мужа оказалось у вас?

Шмит не нашелся, что ответить.

- Не молчите!

- Не ждите от меня объяснений! – Он схватил ее за плечи. – Вы спрашиваете о том, на что сами можете ответить!

- Вы хотите, чтобы я была пристрастной?!

Шмит взбудоражено всматривался в ее глаза, будто желал в них что-то увидеть, помимо гнева и разочарования.

- Я забрал письмо у почтальона, когда приходил в ваш дом. И жалею лишь о том, что не сжег его. Тогда бы не было этого разговора!

Лиза скинула его руки со своих плеч, опустилась в кресло.

- О, Боже! Вы разрушили мой брак! – Она закрыла лицо руками.

- Разрушил?! Ваш брак давным-давно рухнул! Вы разве не заметили этого, Лиза? – Шмит горько рассмеялся.

Лиза встала, потянувшись за ридикюлем, собираясь уйти, но Шмит сделал отчаянный шаг к ней навстречу:

- Не уходите, Лиза! Я прошу вас! Мне без вас не жить!

- А мне нет жизни без моего мужа. Я его люблю. Если надо, я последую за ним на край света, лишь бы быть рядом с ним.

- Он вас бросил, вы забыли? – отчаяние в глазах Шмита заставило Лизу на миг закрыть глаза. И увидела Алексея. Его усмешку и искорки в глазах. Она вновь посмотрела на Николая:

- Он хочет отпустить меня. Потому что любит. И думает, что я несчастна с ним.

Шмит некоторое время смотрел на Лизу, внутри него шла борьба, затем он без сил рухнул в кресло.

- Уходите, - потухшим голосом произнес он.

Лиза без промедления вышла. Она уже думала о том, как ей вернуть строптивого несносного мужа, возлюбленного, друга, без которого ей не жить и не быть счастливой...

* * *

Стряпчий поднял глаза от бумаг и взглянул на вошедшую посетительницу.

- Госпожа Глебова, – он встал из-за стола, вежливо придвинул ей стул. – Что привело вас ко мне?

- Я к вам по вопросу, не требующему отлагательств, - сказала она, опускаясь на стул. От внимательного стряпчего не утаилось старательно скрываемое ею волнение.

- Я вас слушаю.

- Я хочу не допустить развода.

- Но, позвольте, не развода ли вы хотели?

- Господин Юрский, взгляните на меня! – Лиза развела руками. – Разве вы не видите? Когда я семь месяцев назад хотела развода, я еще не знала, что беременна. Затем пришло это ужасное известие о гибели моего мужа. А когда он вернулся, он начал бракоразводный процесс. Мне нужна ваша помощь, господин Юрский!

- Так, - адвокат потер подбородок. – Почему же ваш муж, после стольких отказов от развода все же решился на него?

Лиза смутилась.

- Так что же?

- Он думает, что я жду ребенка от другого, - наконец, призналась она.

Адвокат помолчал.

- Раз я представляю ваши интересы, скажите правду, он прав?

Лиза задохнулась от возмущения:

- Я не изменяла своему мужу, если вы об этом!

- Простите. Я должен был спросить.

Лиза еще больше покраснела, но гордо вздернула подбородок.

- У нас были разногласия, - произнесла она, - но развестись я хотела, потому что думала, что бездетна. Я не желала такой участи для своего мужа.

Адвокат задумчиво потер подбородок:

- А вы пытались с ним об этом поговорить? Возможно, выслушав вас, ваши объяснения, он переменит свое решение.

- О, господин Юрский, если бы все было так просто! Я знаю его, он не будет меня слушать, - Лиза заломила пальцы, хорошо помня, как он ее встретил в Петербурге после того, как Шмит ее поцеловал. – Он не отвечает ни на мои письма, ни на телеграммы. Если уж он решил что-то, то его невозможно переубедить. Нужен другой путь.

- А от меня вы что хотите? – мягко поинтересовался адвокат. – Хотите сохранить брак формально?

- Прежде всего, я хочу сохранить свой брак перед Богом и людьми. Когда Алексей поймет, чего я желаю на самом деле, он вернется. – Голос ее дрогнул.

- Женщины! Как вы любите все усложнять.- Адвокат улыбнулся. - Я возьмусь за ваше дело. Как я прежде вам говорил, дела по расторжению брака решаются духовным ведомством. А отцы-протопопы будут склонны к сохранению брака и семьи, нежели к разводу. Однако здесь есть несколько «но». Во-первых, ваш муж при рассмотрении дела, возможно, будет решительно настроен на развод. Во-вторых, может не признать ребенка. В таком случае, дело затянется на неопределенный срок и, скорее всего, окончится не в вашу пользу. Однако за это время вы можете и переубедить супруга.

- Я готова.

Адвокат ободряюще улыбнулся:

- Тогда, за дело. Я лично съезжу в Петербург и поговорю с господином Глебовым о возможности примирения. Но не особо надейтесь на чудо.

Лиза слабо улыбнулась:

- Я буду молиться, чтобы Алексей услышал вас.

* * *

Петербург

Алексей очередной день ближе к вечеру прикладывался к спиртному, будь он просто дома, или же находясь в клубе или в других, живущих ночной жизнью, заведениях. Причиной было не только предательство Лизы, от которого он никак не мог оправиться, но и то, что каждый раз при виде Катарины он знал, что скоро она умрет.

Видения мертвой женщины, лежащей на кровати в предрассветных сумерках, мучали его. Если раньше ему снились кошмары, и он старался не брать в голову, почему так происходит, и он видит чужие смерти, то теперь кошмары стали все чаще видаться ему наяву. Алексея видения не пугали, однако на фоне неприятных событий в его жизни, они вводили его в черную хандру, уныние и угнетенное душевное состояние.

Ближе к утру Глебов возвращался домой и засыпал, с бутылкой в руках, в одном из глубоких кресел в кабинете. Но и здесь кошмары настигали его.

Очередной день принес очередной тревожный сон. На этот раз Глебову снились Азеф, Рутенберг, Савинков. Они были здесь, в Петербурге, встречались на квартире инженера. За ними следили. Вышел Азеф, чуть позже Рутенберг и вот в стеклянных дверях парадной мелькнул силуэт Савинкова. Он заметил околоточного и двух филеров. Швейцар распахнул перед Савинковым дверь, пропустил его и встал позади. Арест! Как и говорил Малышев, Савинкова арестуют. Осталось протянуть руку, схватить его. «Никаких мер не принимать», - раздался голос, и филеры отступили. Савинков удалялся, удалялся...

- Дядя, дядя! – Алексея трясли за плечо. – Дядя!

Глебов с трудом разомкнул глаза, бутылка выскользнула из его рук и плюхнулась на ковер. Но не разлилась, оказалась пуста. Алексей перевел взгляд на Пашку, который его разбудил.

- Что? – спросил он хриплым голосом.

- Ты стонал. Я испугался.

- Я в порядке. – Глебов закрыл глаза.
- К вам дядька. Второй раз приходит. И ждет как час.
- Кто? Зачем рано?
- Время почти три.

Алексей нехотя разлепил глаза, взглянул на настольные часы. Без двадцати три. За окном светло. Он нахмурился, потер лицо:

- Позови Арину.

Мальчик пулей выбежал из комнаты.

В кабинет заглянула прислуга:

- Простите, мальчик вас разбудил, я не знала.
- Как его мама?
- Приходил доктор. Она плоха, редко приходит в себя.

Алексей промолчал. Затем с сердитыми нотками в голосе произнес:

- Арина, я просил тебя всем говорить, что я не принимаю. Ты прогнала того, кто пришел?

- К вам поверенный вашей жены, - сообщила Арина. - И он не уходит.

- Кто? – Алексей не мог поверить своим ушам.

- Господин Юрский – поверенный Елизаветы Николаевны. Он так сказал.

Глебов взбеленился. Что еще ей надо?!

- Арина, гони его к чертовой матери! Поняла?!

Напуганная прислуга скрылась за дверью.

Алексей вскочил, прошелся из угла в угол как загнанный зверь. Немыслимо! Отправила адвоката!

Он выглянул из окна.

Юрский стоял на улице, оглядываясь по сторонам, затем поднял голову и посмотрел наверх, туда, где за окном стоял Глебов. Улыбнулся, коснувшись козырька шапки.

В дверь постучали, а Алексей вздрогнул.

- Войдите! – рявкнул он. На пороге вновь возникла Арина. – Что еще?

- Господин адвокат оставил вам документы, - ответила она.

- Какие еще документы?!

Арина положила на край стола толстый конверт и отступила в сторону. Глебов смотрел на него как на злого врага, затем сквозь зубы произнес:

- Брось в топку.

Та снова удивленно взглянула на хозяина:

- Так это ж документ, как можно?

- Брось в топку, Арина, - сказал он и быстрым шагом вышел из кабинета.

Арина бережно взяла в руки пухлый конверт и протерла краем фартука, словно он запылится.

- Как можно в топку? – пробурчала она. – Это же документ. А если что важного? А они: «В топку». Экий странный Алексей Петрович...

* * *

Алексей мерил коридор шагами. Пашка играл в гостиной, сидя на персидском ковре. Арина суежилась возле камина. А в спальне Катарины слышались тихие шаги сиделки.

Алексей провел рукой по волосам. Его охватывали злость и отчаяние поочередно. Жизнь рушилась, как карточный домик. Катарина постепенно умирала. Пашка станет круглой сиротой. А Лиза... Лиза, узнав о его якобы смерти, быстро утешилась в объятиях мальчишки, сосунка! А он-то думал, что ее любовь крепка. И не смотря на размолвку и разлуку, она к нему вернется. Вот дурак! Но ничего, он вырвет ее из своего сердца. Пусть только она оставит его в покое. Она ему не нужна. Не надо ныть – лучше злиться. Очень сильно злиться, чтобы не лезли в душу. Оставили в покое...

Дверь спальни Катарина отворилась, и вышла сиделка с тазиком в руках. Когда она прошла мимо, Алексей в нерешительности остановился возле порога спальни, затем взялся за ручку, отворил дверь. В комнате пахло лекарствами, свет был приглушен плотно затянутыми шторами, а с постели раздавалось прерывистое дыхание Катарина. Глебов внутренне содрогнулся, но в комнату вошел.

- А я думала, ты уж не войдешь, - раздался слабый голос Катарина.

- Прости. Я не хотел беспокоить, - Алексей сел на стул подле ее кровати.

- Скоро никто не сможет побеспокоить, - она попыталась улыбнуться. – Ты выглядишь отвратно. Пьешь?

- Пью.

- Не пей. Не надо. – Она закашлялась. – Паша где?

- В гостиной. Играет. Позвать?

- Нет, не надо. Не хочу, чтобы он помнил меня такой, - Катарина закрыла глаза. – Мне осталось мало.

- Перестань. – Алексей коснулся ладонью ее головы. Она открыла глаза, а Алексей отнял руку.

- Нет, не надо. Не убирай.

Алексей снова погладил ее по волосам. Она закрыла глаза, вздохнула:

- Так хорошо... Твои руки забирают боль...

Они помолчали.

- Помнишь, когда-то я в тебя была влюблена.

Алексей промолчал. Он помнил. И помнил, сколько было от этого хлопот.

- Ты особенный. Был и сейчас такой.

- Да уж, я особенный, - усмехнулся Глебов. Катарина посмотрела на него:

- Да, особенный. Но Костик был для меня всем... Хорошо, что я вовремя поняла, что его теряю... А он мне снился во сне! Улыбался.

Она помолчала. Алексей погладил ее по голове как ребенка. Катарина всегда была красива, но он привык к ней относиться как к сестре. И не потому, что он не замечал ее красоты, а потому что придерживался правила «Найти верного друга сложнее, чем красивую женщину». Он выбрал дружбу Костики, и ни разу не пожалел. Возможно, он просто не был влюблен в Катарину...

- Скажи, Глебов, а ТАМ что-нибудь есть? Я с ним увижусь?

Алексей не знал, что ответить. Есть ли что-нибудь там? Как он может ответить? Рай и ад – есть, но они на земле...

- Прости меня, Глебов. За все прости, - Катарина вздохнула, умиротворенно закрыла глаза. – Ты - особенный. Ты простишь. Всегда прощаешь. Бог тебя любит...

Глебов слабо усмехнулся. Это он-то прощает? Это он-то у Бога в любимчиках?

Катарина спокойно задышала. Уснула спокойным за последнее время сном. Алексей бесшумно поднялся. «Любимчику Бога» так гадко на душе, что он отправляется очередной раз напиться. Чтобы забыться, хотя бы на время ...

* * *

Ресторанчик Палкина встретил теплом, огнями, музыкой, забористым алкоголем и хорошей закуской. Глебов в последнее время стал завсегдатаем ресторана и для него всегда был готов столик.

Но в этот раз Алексею представилась весьма неожиданная компания. В зале он столкнулся с посетителем, они оба вежливо извинились, но тут же друг друга узнали.

- Алексей Петрович!

- Господин Ульянов? Вы в Петербурге?

Мужчина улыбнулся. В его глазах плясали озорные огоньки.

- Весьма рад вас видеть. Вы один?

- Да... Присоединяйтесь. Для меня здесь всегда заготовлен свободный столик.

- Нет уж, вы пожалуйста к нам. У нас отдельная кабина. В зале слишком шумно, не поговорить. – Ульянов опомнился. – Позвольте представить. Воровский¹. С Гусевым вы знакомы. Глебов Алексей Петрович.

- Да, слышан, - Воровский пожал руку Алексею.

Они прошли в отдельный кабинет. Все как положено: закуски, горячее, спиртное.

За столом говорили обо все и ни о чем. Тон задавал Ульянов, подкидывая темки. Сам он говорил мало - впрочем, как и Алексей - предпочитал слушать, но порой вставлял коронные свои фразы: «архидлинно, пусто, скучно», «болтовня», «ха-ха», еще раз «ха-ха» или же «вздор, ложь, клевета».

Алексей тяготился. Ему было «скучно», разговоры – пустая «болтовня». На самом деле он чувствовал во всем недоговоренность, присутствующие господа вели беседу так, словно что-то им мешало. Точнее кто-то. И этим кто-то был никто иной, как Глебов. Да, Алексей чувствовал себя лишним. Откланяться, назвав любую правдоподобную причину, и уйти. Сходить в кабак напротив и напиться? Идея, по сути, не плоха, так он в принципе планировал провести вечер.

¹ Вацлав Вацлавович Воровский (псевдонимы: Орловский, Шварц, Жозефина и др.) (1871, Москва -1923, Лозанна) - российский революционер, публицист, литературный критик. В 1894 г. вступил в РСДРП. В 1905 г. приехал из-за границы в Санкт-Петербург, сотрудничал в большевистских газетах и журналах, занимался закупкой оружия для боевых дружин.

Глебов как раз обдумывал предлог для того, чтобы удалиться, когда господа завели беседу о литературе. Воровский перечислял произведения, имевшие некогда большой успех, а через некоторое время становившиеся настолько скучными, что кроме равнодушия ничего уже не вызывали. Он приводил в примеры некоторые вещи Жорж Санд, «Вертера» Гёте, «Бедную Лизу» Карамзина, «Знамение времени» Мордовцева и что-то другое. Алексей многозначительно взглянул на свои часы, кашлянул, чтобы чуть-чуть привлечь внимание. Но Ульянов, наблюдавший за ним последних несколько минут, неожиданно его спросил:

- А вы что скажете?

- О чем?

- О потерявших актуальность произведениях, конечно.

Алексей смотрел на Ульянова. Зачем тот его остановил?

Он слегка пожал плечами:

- Согласен, многие быстро устарели и надоели.

- А что вы скажете о романе Чернышевского «Что делать?»

Гусев и Воровской в раз замолчали. Почему? Глебов усмехнулся:

- Читал. Давно. В конце восьмидесятых.

- И как?

Алексей вновь усмехнулся. Ульянов дотошно его пытал. Зачем?

- Ну-с?

Гусев предостерегающе подал знак Глебову, а он с едва скрываемой улыбкой ответил:

- Трудно представить себе что-либо более претенциозное. Большинство страниц романа написаны таким языком, что их читать невозможно.

Ульянов стремительно взметнулся так, что стул под ним закрипел. Скулы его покраснели. Гусев отчаянно стукнул себя по лбу. Глебов усмехнулся.

Ульянов же бросил Алексею:

- Как в голову может прийти чудовищная мысль назвать пр-етенциозным и бездар-рным произведение Чернышевского!

Глебов пожал плечами:

- Может. Сюжет мелодраматичен. Любовная история, каких немало.

- А я заявляю: недопустимо называть пр-етенциозным и бездарным роман «Что делать»! Он увлек многих. Увлек моего брата, он увлек меня. Он меня всего глубоко перепахал! Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и пр-имитивно? Никогда! Когда вы читали «Что делать», господин Глебов? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло!

Алексей пожал плечами:

- Почему? Потому что, произведение не просто и подчёркнуто занимательное, авантюрное, а мелодраматическое начало романа должно было не только привлечь массы читателей, но и сбить с толку цензуру?

Ульянов быстро успокоился и сел на место, а Алексей продолжил:

- Да, конечно, внешний сюжет романа — любовная история, однако в нём революционно новые экономические, философские и социальные идеи. Поэтому-то вы считаете его большим и талантливым представителем социализма? – уточнил он с улыбкой.

Ульянов улыбнулся как пойманный за сладким мальчишка:

- Сам Маркс называл его великим русским писателем.

- Эту вещь Маркс, наверное, не читал, - едко заметил Глебов.

Глаза Ульянова блеснули.

- Откуда вам знать, что Маркс ее не читал?

Алексей рассмеялся.

- Вы смеетесь?

- Забавно, господин Ульянов. Вам всегда и во всем нужно доказать свою правоту? Я пасую.

- Вы специально подначивали меня, - заметил тот. – Зачем?

- А вы? Зачем? Устроили проверку?

Ульянов громко рассмеялся:

- Вы мне симпатичны! Что-то такое в вас, безусловно, есть.

После очередной порции горячительного напитка и закусок, Ульянов подкинул приятелям философскую темку. Гусев и Воровский не прочь были поговорить и о философских подходах.

Между ними завязался спор. Тот и иной в своей манере пытался доказать особенности диалектики и эклектизма¹, на что, в конечном счете, Ульянов лишь фыркнул:

- Спор, который здесь происходит, производит впечатление, примерно, такого характера, как говорил мой один знакомый: «Два человека спрашивают друг у друга, что такое стакан. Один говорит: «это стеклянный цилиндр, и это истина». Второй говорит: «стакан, это — инструмент для питья, это истина»!

Алексей повертел пустой стакан в руках:

- А вы как объясните? Разницу между эклектизмом и диалектикой. - Он протянул Ульянову стакан, кивнул на него. - На примере того же самого стакана.

Глаза Ульянова азартно загорелись:

- Я отвечу. — Ульянов повертел стакан в руках, поставил на стол, внимательно изучая. - Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества, а бесконечное количество других свойств и качеств, опосредованных со всем остальным миром. Стакан есть и тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания.

Глебов усмехнулся, а Ульянов задумчиво продолжил:

¹ Диалектика - метод аргументации в философии, а также форма и способ рефлексивного теоретического мышления, исследующего противоречия, обнаруживаемые в мыслимом содержании этого мышления. Эклектизм - способ построения философской системы путём сочетания различных положений, заимствованных из других философских систем.

- Стакан может служить как пресс-папье... Как помещение для пойманного насекомого. Стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Все внимательно слушали его слова: Глебов с интересом, Воровской с задумчивостью, Гусев хмурясь и недопонимая аллегорий. Ульянов же, задумавшись, замолчал.

- Далее, - заметил Глебов.

Ульянов посмотрел на него. Глаза его смеялись:

- Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла. Но зато важно, чтобы в дне не было трещины или же чтобы нельзя было поранить себе губы. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и тому подобное.

- Логично, - заметил Алексей, на что Гусев весело добавил:

- Но не понятно.

Ульянов засмеялся, утер слезы, выступившие на глаза, затем ответил:

- Невежество менее удалено от истины, чем предрассудок! – потом продолжил: - Логично, но логика формальная, которой ограничиваются в школах. Такая логика берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья, то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только.

- С эклектикой все понятно. А диалектика? – Глебов ждал ответа. Ему нравилось умения Ульянова философски рассуждать, доказывать, изъясняться. Давно ему не хватало таких собеседников!

Глаза Ульянова лукаво блеснули:

- Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это, во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует брать предмет в его развитии, изменении, «самодвижении», как говорил Гегель.

- А в отношении стакана?

- По отношению к стакану это не сразу ясно. Но и стакан не остается неизменным. В особенности меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром.

- А в-третьих?

- Есть в третьих, и в четвертых. Так, в-третьих, согласно диалектики, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любит говорить, вслед за Гегелем, Плеханов... Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого¹. Не правда ли, господа?

- Истина, - со смехом заметил Гусев. – Вацлав Вацлавович, разливай! Будем искать истину...

После говорили о политике, о войне, о революции, о нашумевшем Манифесте, упомянули Витте.

Ульянов говорил о том, что больших слов нельзя бросать на ветер: честность в политике есть результат силы, лицемерие же - результат слабости. И для революции не хватает грамотной революционной теории. Без революционной теории не может быть и революционного движения. А идеи становятся силой, когда они овладевают массами. Война же есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации. Опасное в войне - это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее. Патриотизм - одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств, но не спасет от внутренних взрывов и роста недовольства масс, как это было и есть в России.

¹ Прим. автора: В. И. Ленин в своей работе «Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина».

А о Манифесте заметил, что уступка царя, действительно, величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Сейчас царю одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подманивать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте — для обещаний, Трепов для дела; Витте истекает в потоках слов, Трепов истекает в потоках крови...

В тот самый момент, когда Глебов хотел вставить свое слово, к ним в кабинет вошел самый неподходящий и нежелательный человек на свете! Глебов сжал кулаки, лицо его окаменело.

Гусев тем временем встретил молодого человека, подвел к столу:

- Владимир Ильич, хочу тебе представить молодого человека, о котором говорил Шанцер. Николай Павлович Шмит...

* * *

Глебову хватило сил цивилизованно разойтись: он встал из-за стола, распрощался с присутствующими, язвительно заметил Шмиту «Салют жене» и удалился. Ульянов проводил его, просил остаться, однако не стал настаивать, так как, скорее всего, догадался, что не все просто между Глебовым и Шмитом. На прощание протянул напряженному Алексею руку.

Глебов пожал и вздрогнул.

- Что с вами? — участливо спросил Ульянов, так как Алексей все еще сжимал его ладонь.

Глебов странно взглянул на него, отпустил руку и естественно хохотнул:

- Простите. Судя по всему, белая горячка.

- Батенька, бросайте это дело. Питие никому не помогло. Надеюсь, свидимся еще.

- Несомненно.

Алексей вышел. Не мог же он сказать, что увидел, пожав Ульянову руку! А видел он на Красной площади в Москве подобие египетской гробницы и толпы людей, вереницей спускающихся посмотреть на забальзамированное тело в гробу... Глебов содрогнулся. Все, надо бросать пить! Кошмарные сны – куда ни шло, но видения наяву – явный признак белой горячки! С него хватит!

- Мне нужен доктор, - сказал Глебов самому себе, а извозчик, чья коляска остановилась подле него, услужливо произнес:

- Пожалуйста, садитесь.

* * *

Естественно, к доктору Глебов не поехал, а направился домой. Сказал его не беспокоить и закрылся в кабинете. Полночи мерил кабинет шагами.

- Белая горячка, белая горячка, - пару раз произнес он, - или я схожу с ума.

Прекрасно, все признаки на лицо – теперь он разговаривает сам с собой! А вскоре заговорит с умершими предками, стоящими подле его кровати. От этой мысли стало дурно.

- Арина! – крикнул он и только потом вспомнил, что наступила ночь. Неужели всех перебудил? Вот сволочь!

Алексей выглянул в коридор. Там, в темноте виднелось маленькое худое тельце в белом одеянии. Глебов вздрогнул, на миг прикрыл глаза. Открыл один глаз, второй. Да это ж Пашка!

- Что не спишь? – спросил он у него.

Пашка приблизился:

- Не спится. Можно я с тобою посижу?

Алексей потрепал его по белокурому загривку. На Костика похож, чертяка!

- Заходи.

Мальчишке не надо было дважды повторять – он проворно шмыгнул в кабинет и с ногами взобрался в кресло.

Алексей притворил дверь, сел в кресло за столом.

- Дядя, а ты хорошо помнишь моего папу? – спросил мальчишка.

- Конечно, я хорошо его помню.

- Какой он?

Глебов вздохнул, представив Костю:

- Хороший друг. Верный компаньон. Талант. Артист от Бога. Шутник и балагур...

- А я на него хоть немножечко похож? – Мальчик, затаив дыхания, ждал ответа.

- Похож. И даже очень.

- Хорошо. – Мальчишка перебрался поближе. - А ты можешь мне рассказать о том, чем вы занимались?

- Рассказать, чем мы занимались? – Глебов усмехнулся.

- Да.

- Ну что ж, расскажу. Если и ты со мною будешь честным.

Петербург. Начало XX века

Мальчик закивал головой.

- Скажи, друг-Пашка, я случайно того... не сбрендил? Я тебе не кажусь... ненормальным?

Мальчишка пристально с серьезным видом рассматривал его лицо, крутя головой то влево, то вправо. Заглянул в глаза.

- Все в порядке. Если не считать того, что ты пьяный, - говоря это, Пашка улыбался.

Глебов улыбнулся в ответ:

- Спасибо. Ты меня успокоил. – Он протянул мальчишке руку, тот ее пожал. Его маленькая ладонь утонула в ладони Алексея. – И что же тебе рассказать?

- Расскажи, как ты познакомился с папой.

Алексей усмехнулся, вспомнив, где и как. В Польше. В тюрьме. Побитого Костика втолкнули в камеру, где на нарах уже «отдыхал» аферист Глебов. А потом был побег. Захватывающее было время! Да только говорить ли Пашке правду или нет?

- Дядя, рассказывай, я уже не маленький, - произнес серьезно Пашка.

- А ты умеешь хранить тайны?

- Зуб даю! – Мальчишка сделал характерное движение.

- Э-нет, давай-ка, парень, без этих шуточек. Мы – свои люди, нам такой жаргон не нужен.

Мальчишка кивнул.

- Что же, слушай...

* * *

Утро Глебов встретил как всегда в кабинете, проснувшись, сидя за столом.

Опять сны! И что же снилось? Мерный стук колес. Тудук, ту-дук, ту-дук... Он держит на руках ребенка. Ручонки – маленькие с малюсенькими пальчиками – выглядывают из-под неумело завернутой пеленки. Малыш спит. Черные реснички обрамляют слегка прозрачные веки, а темные волосики жиденькие, как пушок. Но от чего так жарко, так тепло на сердце?! Малыш кричит, ворочается, чмокает губами. А он боится шелохнуться. А сердце заполняют неведомые доселе трепет и любовь. Что это? Счастье? Безмерное всепоглощающее счастье и покой... Он медленно поворачивает голову и... яркий свет заставляет его проснуться.

Алексей открыл глаза. Вздохнул. Приснилось. По крайней мере, в этом сне он был счастлив.

В кабинет влетел радостный и шумный Пашка.

- Мама с постели встала! – сообщил он.

- Что?

- Пойдем!

Пашка схватил Глебова за руку и потащил за собой в гостиную. Алексей с каждым шагом замедлял ход. Так было в его кошмаре... Он идет, открывает дверь. За нею Катарина. Одета в красивое платье, волосы уложены в прическу. Пашка бежит к ней, берет за руку. Она поворачивается и смотрит на Алексея. Но будто его не видит. Она уже далеко. Очень далеко...

... Катарина умерла утром следующего дня. Ее неподвижное тело лежало на кровати, а волосы темным покрывалом разметались по подушке, обрамляя ее худое осунувшееся и бледное лицо. Пашка плакал навзрыд. Арина увела его прочь, пытаясь успокоить. Алексей стоял возле стены и смотрел на ее безжизненное тело. Он ничего не чувствовал со вчерашнего дня. Но было такое ощущение, что он в глубоком колодеце под толщей воды. Так было в детстве, когда он упал в колодец...

Сиделка что-то говорила, но он не слышал. Потом позднее осознал, что она просит его выйти.

...Арина организовала похороны. Катарину отпел католический священник и ее похоронили. Мирно, тихо. Пашка все время жался к Алексею, и тот поддерживал его за плечо. Чувство времени вернулось. Как и горечь утраты. На обратном пути Пашка еле волочил ноги. Алексей поднял его на руки и понес. Тот слабо обнял его за шею. Но не плакал. А Алексею мерещился Костик. Он на них смотрел. С пониманием и сожаленьем...

* * *

Через день после похорон явился Малышев. Он застал Глебова измотанным и уставшим.

Алексей рассеянно взглянул на протянутую Малышевым руку, и некоторое время просто смотрел на нее. Не то чтоб он не хотел ее пожать, просто в голову пришла бредовая мысль, не посетят ли его вновь видения. К примеру, как Малышев умрет...

- Глебов?

- Прости, - Алексей пожал протянутую руку. Облегченно вздохнул. Предложил Малышеву присесть.

Расположившись в кресле напротив, Малышев беспокойно поинтересовался:

- С тобой все в порядке?

- Просто устал.

Малышев кивнул:

- Мои соболезнования: слышал о похоронах... Что намерен делать?

Алексей взглянул на него, пожал плечами:

- Что делать? Заберу Пашку и уеду с ним за границу. Здесь меня ничего не держит.

- Ясно. — Малышев помолчал, рассматривая узор на ковре под ногами. Затем обронил:

- Савинков объявился.

Алексей взглянул на Малышева. Ему вдруг вспомнился недавний сон о Савинкове.

Малышев продолжил:

- В покушении на тебя не все так просто, как казалось.

- Что ты имеешь в виду?

- Савинков состоит в одной из масонских организаций.

Но он всего лишь пешка, которой умело управляют.

- И?

- Я еще не разобрался, что к чему. Но, думаю, за всеми неприятностями, в которые ты был втянут, кто-то стоит. Кому-то было выгодно твое участие в поиске убийц фон Плеве, участие в разоблачении Азефа, поездке в Портсмут и другое. А потом стало выгоднее тебя устранить, чем оставить в живых. Ты стал мешать, и на тебя было совершено покушение. Если бы не стечение обстоятельств, приведшее к тому, что и Рачковский был втянут в события в твоей жизни, думаю, что эти или этот кто-то довел бы дело до конца.

Глебов поморщился:

- Как-то все замысловато, не находишь?

- Замысловато? Все слишком серьезно. В масонской организации состоят влиятельные люди, стремящиеся диктовать свои правила и устанавливать свои порядки во всем мире. Этих людей – небольшая группа, остальные – масса: фанатики и исполнители, занимающиеся грязной работой, но, по сути, совершенно ничего не знающие об истинных целях масонства. Еще есть эдакие «пешки», попавшие в круг их махинаций и не подозревающие, что ими управляют для достижения своих целей.

Глебов усмехнулся:

- Меня имеешь в виду?

- Боюсь, и себя тоже.

- И кто же этот таинственный кто-кто?

Малышев покачал головой:

- Савинков не знает ни лиц, ни фамилий тех, кто стоит по масонской иерархии выше. Таковы правила, и они помогают сохранить инкогнито в организации.

- И что - тупик?

- Была одна зацепка. Но я проверил. Сомневаюсь, что поможет...

- Какая зацепка?

- Савинков предполагает, где должен произойти очередной сбор для посвящения. Это должно произойти на окраине города в особняке графа Усурина. Однако точной даты сбора он не знает, да и особняк давно пустует... Знаешь, Глебов, тебе действительно стоит уехать и как можно дальше. Враг неизвестен и тем более он опасен.

Алексей задумчиво кивнул. Все это довольно странно. Кто же этот некто? Из сильных мира сего, амбициозных и стремящихся к власти, с которыми в последнее время он имел дело, он знает только Лопухина и Витте. Ах, да, и Рачковского. В столь беспокойное в стране время кто-то умело пользуется ситуацией, чтобы сосредоточить в своих руках власть, могущество, силу. Лопухин не в удел, он в опале. Однако и Витте тоже был до недавнего времени в немилости. Рачковский? Его роль тоже не ясна. Возможно ли, что кто-то из них не последний человек в масонской организации? Что гадать. Для начала стоит побывать в этом особняке...

* * *

Глебов стоял напротив небольшого особняка на окраине города, изучая обстановку. Казалось, что в особняке никто не проживает. За решетчатой оградой изредка появлялся сторож, расчищающий дорожки. Были две собаки. Возможно, есть еще кто-то из слуг.

Алексей прошел вдоль ограды. Пробиравшись окольными путями к дому – нет смысла: на глубоком снежном насте остались бы следы. Глебов вернулся к центральному входу. Убедившись, что никто его не остановит, он вошел внутрь. Перед домом – фонтан с облупленной фигуркой ангелочка. За особняком – садик с пристройками. Скорее всего, в каменной ограде за садом есть калитка – вглубь уходила протоптанная дорожка. И где-то там поскуливали запертые собаки.

Глебов поднялся по лестнице и вошел внутрь дома. В здании было холодно и пыльно. Алексей прошел дальше, поднялся по лестнице на второй этаж. Его шаги гулко отдавались в коридоре и пустых комнатах дома. Сумерки, прокравшиеся внутрь, делали очертания предметов размытыми, а цвета – серыми.

Что он здесь ищет? Алексей спустился вниз. Он продвигался по помещениям, открывал двери, и шел дальше. Очувтившись в библиотеке, он окинул взглядом высокие полки с пыльными книгами.

М-да, нет смысла быть здесь. Что он ищет? Лучше уйти, пока кто-нибудь не заметил его и не вызвал полицию. Но что-то Глебова остановило. Что? В библиотеке было намного теплей, чем в других помещениях дома.

Он прошел к камину. Не топлено и довольно давно. Он снял перчатку, приложил руку к поверхности облицовочного камня, провел по верхней части камина рукой, спустился ниже. Едва заметное тепло. Значит, тепло идет откуда-то снизу. С цокольного этажа? Бойлерная? Он не заметил над крышей дыма из трубы.

- Кто вы? И что вам надо? – услышал он позади суровый голос и оглянулся. На пороге стоял сторож, держа в руках ружье.

- Поосторожнее с оружием, - заметил Алексей. – Я не вор и не грабитель.

- Кто вы и что вам надо? – повторил сторож.

- Мне нравится особняк. И я давно заметил, что он пустует. Хочу приобрести. Кто хозяин?

Сторож засомневался.

- Кто хозяин, спрашиваю?

Сторож опустил ружье:

- Граф Усурин.

- Как его найти?

Сторож промолчал. Глебов вынул из портмоне купюру, взглянул на сторожа.

- Они здесь не живут, проживают за границей, - сторож взглянул на купюру, взял.

- А дом?

- Дом они сдают знакомым и друзьям.

- Я так понимаю, дом сейчас свободен?

Сторож вновь замялся, и Алексей вынул еще одну ценную бумажку, тот с сомнением, но взял.

- Дом сдан.

- Кому?

- Господин не назвался. Лишь привез письмо от графа. Но кучер называл его господин Лурье.

Алексей кивнул, направился к выходу.

- Подождите, я зажгу лампу, - произнес сторож. – Темнеет довольно быстро, в коридорах темно.

Сторож чиркнул спичкой, зажег керосиновую лампу, поднял на уровень плеча. Свет от лампы упал на одну из стен библиотеки, полностью закрытой книжными полками. Над книжной полкой над их головами были выбиты на лакированной доске всевидящее око в треугольнике, и между солнцем и луной надпись на латыни «Est modus in rebus¹».

- Ваше благородие? – окликнул его сторож. Алексей перевел на него взгляд, усмехнулся:

- Идем.

* * *

По возвращению Глебова домой Арина сообщила, что приходил его поверенный, ждал долго, но, не дождавшись Алексея, ушел, оставив записку. Также приходил незнакомый молодой человек, не назвался, и, узнав, что хозяина нет дома, сразу ушел.

На письменном столе в кабинете Алексей увидел поднос с почтой. Записка от поверенного лежала сверху. Глебов развернул, бегло прочел. Поверенный просил прийти к нему в контору по важному и срочному делу. Алексей отложил записку в сторону, просмотрел почту. Счета, несколько приглашений, и письмо в сером конверте без подписи, без адресата. Глебов им заинтересовался, вскрыл и прочитал:

«Я знаю, что вы были в особняке. Приходите завтра на кладбище в два по полудни к склепу Усуриных, я буду ждать вас»

* * *

¹ Всему есть предел; все имеет свою меру (Гораций) (Лат.)

Погодка выдалась холодной. Небо было пасмурным, дул промозглый ветер. Глебов поежился, поднял воротник пальто и вновь засунул руки в карманы. На дереве противно каркала ворона, сердитым глазом уставившись на Алексея, будто он был виноват и в холодной погоде, и в том, что нет при нем ни кусочка, чтобы ее покормить.

Глебов закурил папиросу и подошел поближе к склепу Усуриных, рассматривая фамильный герб, изображенный над входом. А ведь на нем есть элементы масонских знаков! Алексей наклонился поближе для того, чтобы разглядеть подробнее, и вдруг раздался резкий хлопок выстрела, мелкие осколки гранита полетели в стороны, один из них больно скользнул по щеке.

Глебов перед вторым выстрелом успел упасть навзничь и откатиться в сторону. Укрывшись за каменным надгробием, он достал револьвер и осторожно осмотрелся.

Никого. Лишь истошно каркая, кружилось в небе напуганное воронье...

* * *

Итак, снова покушение. Значит, он подобрался к кому-то очень близко. Сейчас не время бездействовать. Нужно опередить противника. И действовать методами, которыми он хорошо владеет. Тут без таланта мошенника и вора не обойтись. Главное точно определить цель...

Стоило бы проверить новоявленного председателя Совета министров господина Витте. Зная, насколько тот щепетилен к своим записям и перепискам, можно было предполагать, что если Витте связан с масонами, то среди его личных бумаг можно найти соответствующие доказательства.

Алексей, совсем недавно живший в его доме, хорошо знал расположение комнат, и даже предполагал, где у Витте есть тайники. К тому же Витте в доме уже некоторое время не проживал: в связи со своими новыми обязанностями он был приглашен в Зимний дворец. Поэтому Алексей решил, что не следует тянуть время и этой же ночью проникнуть в его дом...

* * *

Под покровом ночи Глебов проник в дом Витте. Вскрыл парочку тайников, просмотрел документы. Мемуары. Записи. Переписка. Ничего, что напрямую бы указало причастность Витте к масонам. Однако Глебова заинтересовало иное. Фотокарточки и негативы. На них Алексей был запечатлен в разных компаниях: с немецким агентом Швайгером, с японским агентом Ламерье и его подручными, с британским агентом Макфлаем... Довольно опасная подборка фотокарточек, если учесть, чем данные люди занимаются. Зачем Витте компромат на него? И кто его добыл? Алексей засунул фотокарточки во внутренний карман пальто. Нужно наведаться к тому, кто их сделал. К агенту Малышеву.

* * *

Глебов некоторое время наблюдал за домом Малышева, изучая обстановку, затем пробрался в дом. Слуги отдыхали в своей половине, а по коридору иногда прохаживал с лампадой дворецкий. Домочадцы спали.

Алексей, помня расположение комнат, без труда пробрался в кабинет. Плотно задернув шторы, он набросил на настольную лампу платок, включил ее и осмотрелся. Затем начал искать: осмотрел письменный стол, приподнимал картины на стене, осмотрел полки. Ничего. Словно подчистили перед его приходом...

Услышав приглушенные шаги в коридоре, Алексей выключил лампу и встал за дверь.

- Малышева в доме нету, - тихо сообщил в коридоре один. В его голосе чувствовалось раздражение.

- Я так просто отсюда не уйду! – ответил зло другой. – Он мне за все ответит. Где спальня его жены?

- Дальше по коридору. Ты что собрался...

- За все нужно платить! Попользуемся его женой и пустим в расход. И перережем глотку его дочке.

Бандиты зашагали по коридору. Алексей приоткрыл дверь, оценивая ситуацию. Двое, к тому же вооружены. Вошли в спальню к Юлии Малышевой. Раздался приглушенный женский вскрик, затем лишь тихая возня. Глебов поморщился. Скверно.

Намотав на голову палантин и скрыв лицо, Алексей вынул револьвер, проверил барабан, взвел курок. Затем выглянул в коридор, и, убедившись, что безопасно, бесшумно прошел к спальне. Прислушался, затем резко открыл дверь, и выстрелил вначале в одного, затем в другого. Оба взвыли от боли, забыв о женщине, которую хотели изнасиловать. Вырвавшись из их рук, она истошно закричала. Алексей схватил ее за руку, стащил с постели. Один из бандитов потянулся за оружием – Глебов вновь выстрелил:

- Двинешься, и я тебя пристрелю!

Затем толкнул вырывающуюся женщину к выходу. - Вон пошла!

Юлия Малышева пулей вылетела в коридор.

- Оружие сюда, быстро!

Оба раненные бандиты под угрозой револьвером кинули к ногам Глебова оружие. Он поднял, вышел из спальни, запер дверь и бросился по коридору в кабинет. Навстречу уже мчался с лаем Мафусаил, а на лестнице слышались шаги приближающейся прислуги. Зубы собаки лязгнули совсем рядом с рукой Алексея, оторвав кусок манжеты, но Глебов успел хлопнуть дверь. Распахнув окно, он прыгнул...

* * *

Алексей вернулся домой лишь утром. Сторонний наблюдатель мог подумать, что он провел веселенькую ночь: кутил, пил, прелюбодействовал, и даже дрался, - так как видок у Глебова был потрепанный, помятый, пахло от него табаком, спиртным, и женским парфюмом.

В квартиру он ввалился, слегка покачиваясь из стороны в сторону, с полупустой бутылкой в руке, распахнутом пальто, галстук лентой свисал неровными концами на его шее.

Арина, завидев, в каком состоянии хозяин, тяжело вздохнула и принялась протирать с полу растаявший снег, что он нанес на обуви.

Глебов по привычке ввалился в свой кабинет, но здесь его уже ожидали. Малышев угрюмо смотрел на вошедшего, даже не поднявшись с дивана.

- Ба! Кого я вижу! – протянул Глебов, покачиваясь. Прошел, брякнул дном бутылки по столу, извинился по-французски «pardon» и плюхнулся в кожаное кресло. – Выпить хочешь?

Малышев проигнорировал его вопрос. Он встал, приблизился к Алексею. Обвел взглядом. Заметил свежий порез на щеке, обратил внимание на одежду, кисти рук. Затем посмотрел Глебову в глаза:

- В мой дом сегодня ночью ворвались бандиты.

- И ты здесь, чтобы мне это сообщить? – Глебов пьяно усмехнулся, затем сообразил: - Постой! Думаешь, что это я? – Он рассмеялся, осуждающе покачал головой.

Малышев засунул руки в карманы пальто:

- Нет, я так не думаю.

- Тогда что привело тебя ко мне в столь ранний час? – Глебов потянулся за бутылкой, но Малышев отставил ее в сторону:

- Мне нужна твоя помощь.

- Помощь? – Алексей вновь откинулся на спинку кресла и уставился на агента Департамента.

- Я и моя семья в опасности. В своем расследовании я подобрался к масонской организации очень близко. Как результат, вначале совершили попытку покушения на меня, затем явились в мой дом... - Он поморщился. - Если ты не сможешь мне добраться до них первыми, все плохо кончится не только для меня и моей семьи, но и для тебя.

Алексей вздохнул:

- Я не в состоянии понять, о чем ты...

- Глебов, все очень серьезно, - Малышев оперся руками о стол. – Я уверен, что и на тебя будет совершено покушение.

Алексей посмотрел на агента. Тот был мрачен и серьезен. Но Алексей после выстрелов на кладбище никому не доверял, в том числе и Малышеву.

- А от меня-то тебе что нужно? – вновь спросил он.

Малышев придвинул стул к столу и сел.

- Приехал новый владелец особняка Усуриных. Он устраивает бал-маскарад. Я уверен, что под прикрытием бала пройдет тайная встреча членов организации.

- Совершите облаву – и дело с концом, - заметил Глебов.

Малышев покачал головой:

- Облава ничего не даст. Останутся другие. Для того, чтобы полностью их ликвидировать, нужно найти списки Венерабля.

- Что еще за тип?

- Так называют члена организации, единственного, кто владеет сведениями о всех членах организации. Я практически уверен, что списки Венерабля по крайней мере в день бала будут находиться в особняке Усуриных. Но найти тайник сложно. Если только сам хозяин особняка не выдаст его местонахождение. Или же тайник найдет профессионал своего дела...

- Ты хочешь, чтобы я нашел тайник и выкрал документы?

- Только тебе под силу это сделать.

- Не льсти. Я не падок на лесть.

- Я тебе не льщу.

Алексей устало потер лоб:

- Я не спал всю ночь. Карты, женщины, вино... Отложим разговор на потом...

- Дай сейчас ответ, Глебов. Времени на потом не осталось.

Алексей со стоном обреченного прикрыл глаза ладонью. Малышев настаивает. Он форсирует события. Вопрос, почему? Его объяснения вполне логичны, но Алексея грызли сомнения.

- Когда бал-маскарад?

- Через два дня. И я пойду с тобой.

Глебов взглянул на Малышева, его бровь изогнулась вверх, он усмехнулся:

- Неужели? Однако я еще не согласился.

- Нет, Глебов, ты согласился.

Алексей вздохнул:

- Что ж, проживем – увидим...

* * *

Когда Малышев ушел, Глебов взял чистый листок бумаги, написал записку и вызвал Арину.

Когда она явилась, Алексей передал ей письмо.

- Как только я уйду, срочно отправь посыльного по адресу. Письмо должно быть передано срочно. Срочно, поняла?

Арина закивала:

- Я поняла.

- Ступай. И приготовь мне кофе. И закуски. Да побыстрее, я спешу.

* * *

Алексей стоял напротив дома Витте и ждал. Витте появился по полудню, как только карета остановилась, он притко выскочил из нее и быстро вошел в дом.

Немного выждав, Глебов вошел следом. Как только слуга открыл ему дверь, он бесцеремонно прошел внутрь и на ходу сказал:

- Не надо меня провожать, я знаю, где господин Витте.

- Господин Глебов, нельзя без доклада... - попытался остановить его слуга, но тщетно.

Алексей открыл двери кабинета. Витте рылся в тайнике, тщетно что-то ища.

- Что-то потеряли, господин Витте?

Витте резко обернулся:

- Вы!

Глебов усмехнулся:

- Вы удивлены моим приходом? – Он без приглашения опустился в кресло. – Вижу, вы получили мою записку.

Витте побагровел:

- Вы украли мою переписку!

Алексей поморщился:

- Я всего лишь взял то, что наивно передал вам в Портсмуте. Вы не оправдали мое доверие, господин Витте.

- Верните мне письма! Вы...

- Будьте осторожны в выражениях, господин Витте! – холодно заметил Глебов.

- Что вам надо? Денег? Говорите!

- Правду. Истинную правду. И не пытайтесь лукавить со мной, господин Витте, если я заподозрю вас во лжи, документы вы не получите. Вам понятно?

- Что же вы хотите знать?

Алексей вынул из внутреннего кармана фотокарточки. – Узнаете? Вы их заказали. И, как ни странно, на каждой я.

Витте побледнел. Опустился в кресло.

- Как вы хотели поступить с фотокарточками, господин Витте?

- Это... была страховка. На тот случай, если бы вы вышли из-под контроля, - нехотя признался Витте.

- Вы не договариваете.

Витте кинул взгляд на Алексея, отвернулся.

- Если бы вас раскрыли в Портсмуте, президент Рузвельт не должен был связать вас со мной.

- Он бы получил эти фотографии?

- Да... Некоторые из них. – Витте нервно дернул плечом. – Он должен был подумать, что вы работаете на японцев, и что они хотят перехватить инициативу в свои руки. Тогда бы он перестал бы их поддерживать, и чинить мне препятствия в переговорах... - Лицо Витте покрылось красными пятнами от нервного напряжения. - Но я был уверен, что этого не произойдет. Я всячески старался предотвратить ваш провал! Мой человек следил за вами и защищал вас! Защищал по моему приказу! Как в Шербурге, так и в Остер-Бее!

- Да. А в случае провала должен был меня убрать.

Витте резко побледнел:

- С чего вы взяли...

- Пытаетесь мне солгать?

Витте промолчал.

- Я жду от вас правды, господин Витте.

Витте посмотрел на Алексея. Затем выпрямился, расправил плечи. Его взгляд изменился: стал таким, какой бывает только у тех, кого приперли к стенке и дальше незачем изворачиваться и лгать.

- Правду? Вы говорите, сказать правду? Зачем? – Губы Витте искривились наподобие усмешки. - Сказать ложь или сказать правду — это решительно все равно, лишь бы дело было сделано. Лишь бы император согласился на водочную монополию. Лишь бы Клемансо разрешил заем. Лишь бы Комура уехал из Портсмута с разбитыми горшками. – Он невесело усмехнулся. - Лишь бы одурачить еврейских и христианских толстосумов-банкиров... Это ничего, что вскоре кто-то из них поймет, что их провели: дело будет сделано. А вы говорите, правду.

- А вы - мастер лжи.

- Все, что я делаю, я делаю на благо Отчизны.

Алексей улыбнулся:

- Мне ли не знать, что здесь присутствуют большая выгода и огромное тщеславие, господин Витте? Я не осуждаю вас за ложь. Дело в другом: люди не имеют ни малейшей ценности для вас. Хорош тот, кто помогает графу Витте; худ тот, кто мешает или вредит; безразличен тот, кто не нужен.

- А меня разве ценят? Когда нужно чистить каналы, так посылают Витте, а когда предстоит работа почище или полегче, то всегда находятся другие охотники!

- Поэтому-то вы избавляетесь от своих врагов?

- Что вы имеете в виду?!

- Хотя бы смерть министра внутренних дел Плеве.

- К его смерти я не причастен!

- Опять лжете?

- Господин Глебов, да будет вам известно, что смерти Плеве желали многие.

- И вы в том числе. Это был масонский заговор? Вы ведь один из них.

- Это слухи! Грязная клевета грязной прессы. Черносотенной прессе, такой как «Русское Знамя» и «Московские Ведомости», дан наказ ежедневно уверять, что я изменник, масон, подкуплен жидами и прочая ахинея! И вы в это поверили? Нонсенс!

- Однако вы знали о готовившемся покушении на Плеве.

- Хотите сделать меня причастным к его смерти? Зачем вам? Для чего вам знать?

- Не хотите сознаваться?

- Я не масон и в заговорах не участвовал, господин Глебов. Предпочитаю ждать, когда такие, как Плеве, сами выроют себе могилу. Довольны? Всё. Я устал. Где моя переписка?

- Ответьте еще на один вопрос.

- Какой?

- Кто следил за мной?

- Разве вы еще не догадались?

- Я хочу услышать из ваших уст.

Витте залпом выпил. Затем произнес:

- Конечно же - господин Малышев.

- Слуга многих господ.

- Что?

- Нет, ничего. — Алексей поднялся.

- Господин Глебов, верните документы!

- Они в верхней полке вашего стола. - Алексей направился к выходу, а Витте бросился к столу. С трудом вставил ключ в замочную скважину, открыл полку, выворотил бумаги, достал связку писем.

Остановившись на пороге, Алексей наблюдал за ним.

- На будущее, господин Витте, - сказал он, когда Витте с облегчением пересчитал письма. - Не наживайте врага в моем лице. Более наши пути не пересекутся. Однако, ежели вы захотите как-то или чем-то мне навредить, я доберусь до вас. Нет такой двери, которая стала бы для меня преградой.

- Я буду рад больше с вами не встречаться.

- Прощайте. — Алексей с усмешкой закрыл за собой дверь.

* * *

Вечером, вернувшись домой, Алексей поужинал с Пашкой, некоторое время провел с ним, затем, когда Арина увела мальчика в спальню, чтобы уложить спать, он прошел в кабинет. Сел в излюбленное в последнее время кожаное кресло подле стола, закурил папироску.

Нужно было хорошенько все обдумать. Конечно же, Витте не все ему рассказал. Но у Алексея не осталось сомнений, Витте не причастен к заговору. Что-то здесь другое...

В дверь постучали, Глебов произнес «Войдите», и на пороге возникла Арина.

- К вам гость, - сообщила она.

- Кто?

- Он не представился. Он был здесь несколько дней назад, но вас так и не дождался.

Алексей нахмурился. Арина молча ждала его распоряжений. Он затушил папироску и распорядился:

- Зови.

Когда прислуга вышла, Глебов вынул из полки стола револьвер и положил на колено. Мало ли кто мог прийти.

Дверь открылась, и Арина впустила посетителя. На пороге возник Николай Шмит.

Алексей напряженно сжал рукоятку револьвера. Его глаза вспыхнули недобрым огнем.

- Что вам угодно в моем доме?

- Я пришел поговорить о Елизавете Николаевне, - последовал ответ. Судя по тону Шмита, визит к Глебову тоже не доставлял ему удовольствия.

Алексей взглянул на револьвер, нехотя разжал напряженные пальцы.

- Я дал жене, - он недобро усмехнулся, - развод. И хочу, чтобы меня оставили в покое.

- Я пришел к вам, потому что лучше девушки, чем Лиза не встречал. Она дорога мне. Она мне не безразлична.

- Вы хотите, чтобы я вас пристрелил?! – Алексей в запале навел дуло револьвера на Шмита. Николай побледнел, но не выказал страха.

Глаза Алексея зло сузились, но затем он горько рассмеялся, резко убрал револьвер, затем швырнул его в полку стола.
- Убирайтесь!

Взяв папиросу, он чиркнул спичкой, желая подкурить, но спичка сломалась. Алексей чертыхнулся, повторил попытку.

- Я уйду, - произнес Шмит. – Считаю должным лишь сказать, Лиза несчастна. А я больше не могу видеть ее несчастной. Она вам не изменяла. И ребенок у нее будет от вас.

Алексей отшвырнул так и не раскуренную папиросу и разъяренно уставился на Шмита:

- Чего ты добиваешься, студентик? Чтобы я поверил твоей болтовне?

Шмидт злобно сузил глаза:

- Можешь не верить. Я буду даже рад, если ты уберешься из ее жизни! Только от этого она не станет счастливее... - Шмит перевел дыхание. Качнул головой. Вздыхнул. - Вы думали о том, что заставило ее подать на развод?

Глебов с грозным видом поднялся из-за стола:

- Ты испытываешь мое терпение, парень!

Шмит зло рассмеялся:

- Как я вас ненавижу, вы бы знали! – Он с отчаянием обреченного человека опустил на край дивана. – Я приехал в Петербург открыть вам глаза на правду, хотя не считаю вас достойным Лизы!

Глебов чертыхнулся, отвернулся от гостя и вновь взялся за папиросы. Шмит молчал, Алексей нервничал от непонятного ему разговора, не зная, что ожидать. Он закурил, глубоко затянулся, повернулся к Шмиту. Он ждал, но Шмит молчал.

- Что... что же заставило ее подать на развод? – наконец спросил он сам. Шмит исподлобья посмотрел на него. Глаза его были грустными и потухшими.

- В то кровавое воскресенье, 9 января, Лиза пострадала, ее ударил какой-то солдафон прикладом. По животу. И она потеряла ребенка.

- Что ты несешь? Какого ребенка? – рассердился Глебов.

- А вы и не знали, не так ли? Лиза и сама не догадывалась о беременности, пока не пострадала.

Алексей был обескуражен. Он опустил в кресло. «Она мне ничего не рассказала! Почему?»

Тем временем Шмит продолжил:

- Доктор сказал ей, что она не сможет иметь детей. А Лиза, зная, что вы хотите полноценную семью, решила дать вам свободу.

- Дать мне свободу?!

- Да, свободу. Позорный для женщины развод.

Алексей растерянно провел рукой по волосам. Да он бы никогда с ней не развелся! Он бы не оставил ее!

Его вдруг осенило. Он взглянул на Шмита:

- Но, Лиз беременна!

Шмит вздохнул:

- Доктор ошибся. Или Лиза его не правильно поняла. – Шмит поднялся. - Я хочу, чтобы Лиза была счастлива. И чтобы она была в безопасности. Так что, поторопитесь, если хотите ее вернуть. Как бы не было поздно.

Папироска, догоревшая в руках, больно обожгла пальцы. Алексей отшвырнул окуроч.

- Что... хочешь сделать ей предложение? – раздражённо спросил он.

- Уже сделал. Она отказала. Дело в другом. Вы должны ее увезти. Как можно быстрее и как можно дальше.

Шмит ушел, а Алексей не знал, что и думать: слишком уж много мыслей роилось в его голове.

* * *

С утра Алексей решил навеститься к поверенному. Тот встретил его, как долгожданного гостя, но не знал, с чего начать.

- Понимаете, Алексей Петрович, так сложились обстоятельства, уж не знаю как вам сказать..., - начал издалека Рерих.

- Прекратите юлить, Яков Вольфович, говорите прямо, - прервал его Глебов.

- Да. Хорошо. Дело в том, что я не смог выполнить ваше поручение.

- Какое поручение?

- О разводе. Ваша супруга опротестовала ваше решение.

Развод не состоялся. Вот так.

Алексей молчал. Затем качнул головой, хмыкнул, осторожно уточнил:

- Вы хотите сказать... я все еще женат на Лизе?

- Совершенно верно. Святейший Синод не дал разрешение на развод.

Алексей молчал. В его глазах загорелись огоньки, а на губах расцвела улыбка:

- Лучшей новости я не мог надеяться услышать!

Он поднялся. Удивленный поверенный тоже встал. Алексей протянул ему руку:

- Спасибо.

- Не за что, господин Глебов, - Рерих пожал протянутую руку. - Я тут не причем. Но я рад, что так сложилось.

- Вы себе представить не можете, как я рад!

* * *

Покидая контуру поверенного, Алексей был уверен, что тянуть с поездкой в Москву не стоит: нужно вернуться домой, собрать вещи, взять Пашку и...

Перед ним остановилась карета, дверца открылась, и незнакомец обратился к Алексею:

- Господин Глебов? Меня прислал за вами господин Малышев. Вот, прочтите.

Алексей взял протянутое посылным письмо, вскрыл, пробежался глазами по тексту. Малышев просил его приехать, не откладывая встречу на потом. Глебов сел в карету...

...Заслышав шаги, Малышев поспешно убрал письмо в карман сюртука. Вежливо улыбнулся вошедшему Алексею, пожал руку. Предложил присесть.

- Чай, кофе? – поинтересовался он. Глебов ответил, что не против выпить чашечку горячего кофе.

Малышев позвонил в звонок, чтобы вызвать прислугу.

- Трудный день. Время близится к полудню, а я уже вымотан, - произнес он, скидывая сюртук. Затем повесил его на стул, развязал галстук. Сел на диван и откинулся на мягкую спинку.

- Где супруга с дочерью? – поинтересовался Алексей.

- Отправил к родственникам.

Глебов понимающе кивнул.

Подождали, однако, прислуга не явилась. Малышев смущенно улыбнулся, позвонил повторно, но с тем же результатом.

- Извини, я сейчас. – Он быстро встал и вышел.

Глебов немного обождал, прежде чем осмотреть карманы сюртука Малышева. Так и есть, во внутреннем кармане он обнаружил конверт, так поспешно спрятанный им. Конверт был без подписи, печать разломана, однако при желании можно было разобрать ее рисунок. Алексей нахмурился. Обернулся, чтобы убедиться, что Малышев не возвращается, затем вынул письмо. Текст содержал набор философских вопросов: «Какое ваше мнение о господствующей в государстве религии? Как понимать принцип вечного добра и зла? Какова истинная мораль природы? Какое отношение имеют к человеку бесплотные духи?» и другое.

Алексей посмотрел письмо на просвет, затем положил обратно и вернулся на прежнее место.

- Так о чем ты хотел со мной поговорить? - спросил он вернувшегося Малышева.

- О завтрашнем дне. - Малышев сел напротив Алексея. Вошла прислуга с подносом. Налила им кофе. Вышла.

- Ты переоцениваешь мои возможности. - Алексей сделал глоток горького напитка. - Вор и аферист – разные понятия.

Малышев одним махом осушил чашку, поставил ее на стол.

- Я видел тебя в деле. И мне нужна твоя помощь. А тебе – моя.

- Я бы предпочел уехать. Одолеть масонскую организацию – невозможно. Снимешь одну голову, вырастут другие.

- Так ты отказываешься?

- Да.

- Понятно. – Малышев молчал, уставившись на пол. Провел по волосам рукой. – Тогда...

Взрыв за окном заставил оконные стекла задрожать. Малышев и Глебов вмиг оказались у окна. Карета, на которой приехал Алексей, раскуроченная взрывом, горела изнутри. Лошади же сорвались и мчались по дороге. Алексей и Малышев бросились во двор.

Кучер причитал у кареты, затем бросился за лошадьми. Помощник Малышева, что привез Алексея, сидел на ступеньках и держался за окровавленную голову.

- Ты в порядке? – Малышев тронул его за плечо. – Что случилось?

- Кто-то подложил бомбу...
- Ты же говорил, что проводил досмотр!
- Даниил Александрович, ничего не было... Клянусь...

Недавно подложили...

Алексей прошел к карете. Взрыв небольшой, но пассажиров бы изувечил. Заряд заложили неумело, раз он несвоевременно сработал...

Малышев, передав раненого на попечение домашней челяди¹, подошел к Алексею.

- Что думаешь? - спросил он.
- Напрасливается только один вывод - покушение.
- Теперь ты осознаешь всю опасность? Кто-то знал, что я хотел предложить тебе поездку в дом Усуриных. Как результат – подложили бомбу.

Прислуга занялась тушением кареты, а господа отошли в сторону.

- Все еще считаешь нужным поехать к дому Усуриных? – поинтересовался Глебов.
- Попытка не пытка.
- Что ж, поехали...

* * *

Алексей и Малышев некоторое время вели наблюдение за домом Усуриных.

- Тщательно охраняют, - наблюдая за выставленной охраной, сказал Малышев. - Сегодня в дом не проникнуть.

- Нас будут ждать и завтра, - произнес Алексей, прильнув плечом к стволу дерева.

¹ Слуги.

- Однако завтра здесь будет уйма приглашенных – ряженных для маскарада. Мы затеряемся в толпе. Маскарадные костюмы я приготовил.

- Тогда нам нужно создать видимость, что сегодня вечером мы покинули город. Это немного успокоит их бдительность. Встретимся в ресторане Палкина через два часа.

- Хорошо. Поехали. Я подброшу тебя до дома. ...

* * *

Оказавшись дома, Алексей прошел в кабинет, быстро настрочил письмо, вызвал к себе прислугу, вручил ей конверт.

- Арина, слушай меня очень внимательно. Сегодня ты пойдешь, как обычно, гулять с Павлом, однако сюда вы не вернетесь. Понятно?

- Нет... Не особо..., - Арина растерялась. – У вас опять что-то стряслось?

Глебов кивнул:

- Послушай. Ты отведешь Павлика к господину Пешкову. Вот, отдашь господину Пешкову это письмо, и сама останешься рядом с мальчиком. Сюда не приходи. Я сам за вами приеду. Однако если я не явлюсь через два дня, отвезешь Павла Елизавете Николаевне. Господин Пешков тебе поможет. И вот, еще, - он достал толстую пачку денег, - Держи, на расходы.

Арина нерешительно приняла деньги.

- Вы приедете за нами. Я буду молиться.

* * *

Через час Алексей встретился с Малышевым в ресторане Палкина. Через полчаса они были на вокзале и сели в поезд.

- Надеюсь, план сработает, - заметил Малышев, взглянув на Глебова, внимательно из окна осматривающего перрон.

- Надеюсь, - произнес Алексей рассеяно. Когда поезд тронулся, он взглянул на Малышева. – Твои люди охраняют нас?

- Да. Нас охраняют. Предполагаешь, что совершат очередное покушение?

- Нельзя недооценивать противника, - ответил Глебов. Малышев кивнул.

- Согласен, надо быть на чеку... А где твой воспитанник? Я мог бы оставить человека для его защиты.

- Не стоит. О нем позаботятся.

Малышев искоса посмотрел на Алексея:

- Трудно оставаться спокойным, когда есть близкие тебе люди. Ведь рискуешь не только своей жизнью.

Алексей перевел взгляд на него:

- Ты сейчас о моей или о своей семье говоришь?

Малышев отвернулся:

- Отчасти и о своей.

- Для тебя работа на первом месте, - заметил Глебов, вновь поглядывая в окно.

Малышев промолчал.

В купе постучали, затем в него заглянул помощник Малышева. Кивнул.

Малышев повернулся к Глебову:

- Пора.

Они слажено собрались и вышли из купе, быстро прошли по коридору, перешли в следующий вагон. Вошли в купе, поезд подходил к станции, замедляя ход, раздался гудок, затем поезд вовсе остановился. На соседней ветке стоял встречный поезд. Помощник Малышева выглянул в окно, быстро осмотрелся по сторонам, повернулся к Малышеву, кивнул, проворно открыл дверцу. Малышев и Глебов быстро сошли на перрон, и пересели в соседний поезд. Раздался гудок, их поезд тронулся и стал набирать ход...

* * *

В доме Усуриных играла музыка, ряженных в маскарадные костюмы гостей становилось все больше.

- Уверен, что Венерабль прибыл, - сообщил Малышев Алексею.

- Часть гостей исчезла из зала, - заметил Глебов.

- Скоро начнется тайное собрание.

- Дом большой, но где же они могут проводить ритуалы?

- Думаю, под домом есть подземелье. Однако нам нужно найти тайный проход в комнату, где временно хранят книгу Венерабля. Нам нужна только она.

- Пойдем. – Алексей направился вверх по лестнице. Малышев последовал за ним.

В библиотеке, куда они пришли, было тихо, лишь доносились приглушенные звуки музыки из другого конца дома.

Малышев прикрыл дверь:

- Что теперь?

- Смотри, - Алексей указал ему на надпись на полке.

- «Est modus in rebus», - прочел Малышев, - Изречение Горация. «Всему есть предел».

- Или «Все имеет меру», - перевел по-своему Алексей. Он принялся осматривать корочки книг.

- Что ты ищешь?

- Книги... Думаю, что на них должны быть символы, - он ткнул пальцем на символы, что были изображены на перекладине. Поиск занял некоторое время. Наконец, Глебов и Малышев обнаружили два увесистых тома, на корочках, которых на одной было изображено солнце, на другой – луна.

Поиск третьей книги не дал результата. Алексей остановился и, уставившись на полки во всю стену, задумчиво взлохматил волосы.

- Где же она?

- Это не книга, - заметил Малышев, подходя к столу и беря пресс-папье.

На тяжелом предмете было изображено всевидящее око. – И что дальше?

- Дальше... - Алексей осмотрел полку с перекладиной, убрал с нее все предметы и положил на нее найденные книги и пресс-папье. Переставил, согласно изображенному на перекладине рисунку. Раздался глухой щелчок. Перекладина просела, но видимых изменений не произошло.

Малышев и Глебов обошли библиотеку, осматривая стены.

- Нашел, - сообщил Алексей, берясь за один из книжных шкафов. Шкаф легко поддался и открылся как дверца. За ним находился узкий проход.

Малышев подхватил лампу, и они двинулись по коридору.

Где-то вдалеке слышались голоса. Алексей и Малышев замедлили шаги. Звуки голосов и ритуальных гимнов становились все громче. Приблизившись к стене с маленькими оконцами, Алексей выглянул наружу.

Внизу, на два этажа ниже, был полуокруглый зал, в котором находилось человек пятьдесят в черных длинных балахонах с капюшонами. Судя по всему, на лицах их были одеты белые и черные маски. Часть храма, противоположная входу в него, была несколько возвышена, на ней находился на высоте еще трех ступеней трон Председателя и стол. На стене за троном висел «Священный треугольник», освещенный изнутри, правее от него - гобелен, изображающий «солнце», левее – «луну». Под ними полукругом были расположены скамьи для присутствующих. С правой и с левой стороны стояло по столу и креслу, а перед столом Председателя стоял треугольный стол - «Жертвенник».

В нижней части храма почти по всей длину тянулись скамьи, сзади них по стене были расположены колонны. У дверей храма сидели слева и справа у колонн «Наблюдающие», а перед дверью, спиной к ней, «Привратник» и его помощники.

Председатель ударил молотком по столу. За ним удары повторили масоны в балахонах с серебристой обшивкой, сидящие левее и правее от стола Председателя. Водворилась полная тишина. Привратник затворил двери.

- Удостоверьтесь, братья, закрыты ли двери и все ли собравшиеся – масоны.

В это время двое Наблюдающих прошли по рядам масонов, проверяя, нет ли среди них посторонних.

После удара молотка Наблюдающие скомандовали:

– К порядку, братья! Лицом на восток!

Присутствующие, встав, повернулись вполоборота лицом к Председателю и показали «жест порядка». Председатель видел всех, но каждый присутствующий не видел жеста своего соседа и поэтому, «не-масон» непременно был бы им замечен, потому что не сумел бы сделать правильно жеста. После проверки Председатель начал непонятный и мудреный ритуал:

- Ко мне, мои братья, по знаку!

Присутствующие показали знак.

- По ударам!

Присутствующие ударили в ладоши.

- По восклицанию!

- Гузе! Гузе! Гузе!

Звуки разлетелись эхом по помещению.

Когда наступила тишина, Председатель произнес:

- Во славу Великого Архитектора Вселенной, властью, мне данной Высшим Советом, ложа Учеников Масонов «Друзей чести и славы» объявляется мною открытой. Садитесь.

Все сели на скамьи. Секретарь стал читать отчет предыдущего заседания масонов.

Малышев тронул Алексея за плечо и кивком предложил двигаться вперед.

Коридорчик привел к одной единственной комнате. Алексей достал отмычки и принялся за замок.

- Поторопись, - с нотками нетерпения сказал Малышев.

Глебов кинул на него сердитый взгляд:

- Хочешь сам попробовать?

Так как Малышев промолчал, Глебов снова принялся за работу. Наконец, замок щелкнул, Алексей открыл дверь.

Комнатка оказалась небольшой, без окон. В ней было лишь одно высокое кресло и небольшой алтарь. Алексей осмотрел его: каменный алтарь имел тайник, но открыть его было невозможно.

- Здесь специальный замок, - сообщил он. Малышев взглянул на тайник. Отверстие замка было выполнено в форме символа, и никакой иной ключ не мог его открыть.

- Черт! – сорвалось с его губ.

- Тут небезопасно. Нужно уходить, - предупредил Глебов.

- Мы не можем просто так уйти!

- Хочешь, чтобы нас здесь застукали?

- Мы должны довести дело до конца.

- Без специального ключа замок не откроешь. Забудь.

Алексей направился к выходу, но остановился, услышав звук взведенного курка.

- Ты никуда не пойдешь, - услышал он холодный голос Малышева и обернулся. По выражению лица агента Департамента можно было с уверенностью сказать - он не шутит. - Мне нужны эти списки. И ты не уйдешь отсюда, пока не достанешь их.

Глебов сухо усмехнулся:

- И что же заставит меня это сделать? Дуло револьвера?

- Если не дуло револьвера, то твоя привязанность к мальчишке. Как опекун ты же не допустишь, чтобы с ним что-нибудь случилось?

- Что ты хочешь сказать?

- Только то, что сейчас твой мальчишка находится в руках моих людей. Ты ведь отправил его со служанкой к Пешкову, не так ли?

- У меня были подозрения на твой счет, но я и не думал, что ты такая сволочь, - сказал сквозь зубы Глебов.

- Как тебе угодно, - ответил тот безразлично. - Сядь.

Алексей сел на стул.

- Если ты достанешь мне списки - я отдам приказ вернуть тебе мальчишку. Если нет - больше не увидишь его в живых. Думай и поживей. У нас мало времени.

- Нужен ключ.

- Думай, Глебов, думай.

Алексей кинул хмурый взгляд на Малышева, затем посмотрел на замок тайника. Замысловатое продолговатое отверстие. Алексей приблизил лампу и заглянул в замочную скважину.

- Ключ треугольной формы: у основания широкий, с острым углом на конце. Имеются по сторонам выпуклости... С одной стороны круг с острыми ответвлениями... наподобие лучей. С другой округлая форма...

- Нарисуй, - Малышев протянул Глебову блокнот и карандаш. Алексей нарисовал набросок и вернул Малышеву.

Тот некоторое время задумчиво разглядывал рисунок, затем сказал:

- Это один из двенадцати символов-амулетов, принадлежащих постоянным членам Ложи. Амулет Председателя...

- А ты слишком много знаешь о масонской Ложе, Малышев, - с долей сарказма заметил Алексей.

Малышев смерил его надменным взглядом:

- А тебе не стоит задавать ненужных вопросов. Выполни свою работу и все.

- И что ты предлагаешь сделать?

- То, что ты умеешь делать лучше всего. Укради.

- Украсть амулет? – язвительно переспросил Алексей и рассмеялся. - Ты предлагаешь мне спуститься к тем фанатикам и украсть при всех амулет?

Но Малышев был серьезен:

- Ты пойдешь со мной. Через полчаса начнется посвящение, на котором будут присутствовать двенадцать высших масонов Ложи. Я проведу тебя в ложу, а дальше ты будешь действовать сам.

- А ты псих.

- Не больше, чем ты. Запоминай, – Малышев стал чертить на листке рисунок, - Ложа имеет удлиненную форму. В передней части ложи, прилегающей к выходу на улицу, расположены десять комнат: комната «брата сторожа», вестибюль, костюмерная, библиотека, архив, два «кабинета размышлений», две «комнаты страхов» и «перистиль¹». Эти комнаты отделяются от храма большой комнатой - «Pas-Perdu», где собираются масоны перед тем, как войти в храм. Тебе туда ни в коем случае нельзя. Иначе, уже не сможешь выйти. С правой стороны ложи, почти во всю ее длину идет галерея. Расположение комнат в ложе таково, что снаружи нельзя видеть, что в ней происходит. Тебе это на руку.

¹ Перистиль - открытое пространство, как правило, двор, сад или площадь, окружённое с четырёх сторон крытой колоннадой.

Малышев посмотрел на хмурого Глебова. Тот молчал, но сосредоточено смотрел на чертеж.

Малышев продолжил:

- Сегодня три заседания в Ложе. Одно идет сейчас. Заседание, называемое «Семейной работой», где участвуют только члены ложи, — члены других лож не допускаются и ожидают в других комнатах под наблюдением брата Служащего. Далее будет посвящение. «Лучших» будут повышать в звании. Третье собрание — общее массовое, где будут присутствовать и ученики. Между собраниями — время отдыха. Двенадцать высших масонов в это время уединяются в «кабинете размышлений». Твоя задача в нужный момент на выходе из кабинета незаметно снять с Председателя амулет.

- Как же я узнаю Председателя?

- Балахоны Совета избранных имеют серебристую кайму. У Председателя же имеется нашейная регалия, на поясе ключ-амулет.

Алексей молчал, поэтому, после небольшой паузы Малышев продолжил:

- Имей в виду, что выйти тем же путем тебе не удастся. Нужно пройти по коридору дальше и незаметно для других масонов укрыться в одной из комнат. Когда все соберутся в «Pas-Perdu», ты покинешь ложу. На выходе мой человек отвлечет Привратника. Ты вернешься сюда, откроешь тайник, достанешь документы. Передашь их моему человеку.

- Зачем все эти сложности? Ты же полицейский — устрой облаву и прикрой эту шайку-лейку одним махом, — заметил с сарказмом Глебов.

Малышев усмехнулся:

- А ты так и не понял, что полиция здесь вовсе не причем?

- Так все делается в личных целях? Что тебе до списков?

- Власть. Деньги. Разве мало?

- Нравится управлять?

- Не то слово.

- А ты не думал, что будет, если они тебя раскроют?

- Не забывай, Глебов, что ты рискуешь не только своей жизнью.

- А ведь ты подстроил все эти покушения: стрельба на кладбище, взрыв кареты?

Малышев не ответил.

- Значит, точно ты.

- Я знаю все, что касается тебя и твоей семьи, - медленно произнес Малышев. - Предлагаю сделку. Когда ты выполнишь свою часть работы, взамен я сообщу тебе весьма важные для тебя сведения. Ты не пожалеешь о сотрудничестве.

- А не хочешь сказать сейчас? Зачем тянуть. Ты отправляешь меня в логово безумцев, будто не понимаешь всю опасность.

- Именно потому, что я понимаю всю опасность, я выбрал тебя. Никто другой не сможет, а ты сможешь.

- Не скажу, что польщен твоим выбором.

- Достаточно слов, Глебов. За работу.

* * *

Попасть профану в Ложу, не будучи обнаруженным, было невозможно. В этом Алексей убедился, когда они с Малышевым, в длинных балахонах с прикрытыми капюшонами головами и в масках, прошли по узкому коридору к входу в Ложу. По научению Малышева, прежде чем войти, Глебов выполнил тайные знаки, дал условные ответы на вопросы Привратника. Привратник их пустил.

Войдя в галерею, Малышев и Глебов разошлись по сторонам. Помимо них в Ложу собралось уже тридцать-сорок таких же обезличенных нарядами людей.

Кто-то из них шепотом переговаривался, кто-то в задумчивости подпирал стены или же сидел на деревянных скамейках со спинками.

Алексей пробежался взглядом по помещению, вспоминая зарисовку комнат, что сделал Малышев, затем неторопливо направился к «кабинету размышлений». Не дойдя шагов десять, остановился возле стены и стал ждать. Прозвенел звонок. Спустя минуту из «кабинета размышления» стали выходить масоны в балахонах с серебристой каймой. Алексей приметил среди них Председателя и неторопливо двинулся им навстречу, однако окружающие его масоны стали расступаться, образуя свободный проход для двенадцати избранных «собратьев».

Алексей отступил в сторону, ближе к тому краю, где был Председатель. Все с почтением, положив руку себе на грудь, приветствовали группу, не сводя с них глаз. Председатель был уже так близко. Еще два шага и он пройдем рядом на расстоянии вытянутой руки. Однако все смотрят, не сводят глаз. Еще один шаг...

Грохот с противоположной стороны заставил многих вздрогнуть от неожиданности и обернуться. В дальнем углу кто-то задел столик и уронил канделябр, стоящий на нем. Две свечи выпали и покатались по ковру.

Процессия ушла дальше и скрылась за дверями храма.

* * *

Когда двери храма закрылись, часть масонов продвинулась в «Pas-Perdu», часть расселась на скамьях или же разбрелась по комнатам до общего созыва.

Малышев прошел в «приготовительную комнату» и привратник закрыл за ним дверь, оставив его одного. В этой комнате с колоннами стояли стул, стол, на столе свеча. На стенах три прозаические надписи: «Преступление не может остаться безнаказанным», «Совесть самый верный судья», «Без законного приказа мести – преступление». Все как всегда – ничего не изменилось с прошлого раза, когда он проходил посвящение в Мастера.

Малышев присел на скамью, снял маску и стал ждать, когда его вызовут на посвящение в новое звание. Однако в данный момент его интересовало совсем иное. Когда он умышленно задел столик чтобы создать шум, Глебов передвинулся к Председателю. Он должен был успеть снять амулет с его пояса...

Малышев с тревогой поднял голову, почувствовав, что в помещении он не один.

- Что ты здесь делаешь? – злобно прошептал он, увидев Глебова, стоящего возле колонны.

- Тебя жду.

- Тебя не должно быть здесь. – Малышев поднялся с грозным видом.

- Я снял амулет. Но его не достаточно. – Глебов кинул амулет Малышеву. Тот поймал, осмотрел, взглянул на Алексея.

- Чего же не хватает?

- Еще одного амулета. Еще одного из двенадцати.

- Но теперь Совет избранных в храме! Через пару минут начнется посвящение...

- И ты должен быть там.

Малышев с подозрением посмотрел на Алексея, а он продолжил:

- Раз ты будешь там, сделай все сам. Достань вторую часть ключа.

Малышев молчал. Лицо его было хмурым. Он окинул Глебова взглядом с ног до головы, затем задумчиво обхватил подбородок рукой.

- Что-то мне не нравится твой взгляд, - с усмешкой едко заметил Алексей.

- Я вспомнил еще об одном твоём таланте, Глебов. Ты развлекал мою жену и дочь тем, что подражал моему голосу.

- Э, нет, постой...

- Ты пойдешь вместо меня. И найдешь вторую часть ключа.

- Нет, ты точно спятил.

- В балахоне и в масках мы все похожи. Запоминай, что нужно делать, и что нужно говорить...

* * *

Алексей стоял перед дверьми и ждал, когда их откроют и пригласят его войти. Ему было жарко: Малышев, дабы придать ему больших размеров надел на него поверх его одежды свой сюртук. Балахон же с объемным капюшоном и маска скрывали все остальное. Раздался звук рожка. Двери перед ним открылись, и Алексей шагнул вперед, затем окинул храм взглядом.

Председатель ударил молотком по столу. За ним удары повторили масоны Совета. Водворилась полная тишина.

Все двенадцать членов Совета избранных занимали свои места. На ком же нужный амулет - часть ключа, понять было нельзя.

Алексее дали знак приблизиться. Он направился к Председателю и остановился возле его стола, где были разложены кинжал, циркуль, Библия, молоток и черный шнур.

Председатель поднялся. Сквозь прорези в его маске смотрели холодные серые глаза.

- У тебя руки в крови и ты, должно быть, и есть убийца Хирама, - произнес он, и голос его в большом помещении храма прозвучал громко и звеняще. - Подойти к трону девятью шагами: три шага ученика, три шага работника и три шага мастера.

Глебов замер. Капля пота сбежала по его виску. Дойти до трона... Как же там показывал Малышев?

Алексей сделал первый шаг, затем второй, третий... Наконец он оказался у трона. Пульс участился. Он опустился на колено, положил руку на Библию. На него смотрели и ждали. Алексей закрыл глаза. Глубоко вдохнул, медленно выдохнул и стал произносить клятву, подражая голосу Малышева.

- Клянусь, - его голос зазвенел по помещению, - не только не выдавать секретов своего нового звания, но и исполнять поручения общества, хотя бы это стоило мне последней капли крови.

Он перевел дыхание, затем продолжил:

- Обещаю мстить за поруганную правду, за преследуемую добродетель и за измену кого-либо из братьев масонов своему ордену.

Он замолчал. В зале стояла тишина. В следующий миг масоны выхватили кинжалы...

* * *

- Гекам – Гекар¹!

Председатель приблизился к Алексею. Глебов поднялся.

- Мой брат, соверши акт мести. Наказание за измену должно быть всегда прикрыто мраком ночи. Иди, исполни твою работу, пользуясь мраком, и докажи, что ты достоин того выбора, который на тебя пал.

К Глебову приблизился Наблюдающий, завязал ему глаза, и провел несколько раз вокруг зала, затем вывел из храма. Когда они остановились, сопровождающий разрешил ему снять повязку. Алексей в полутьме стоял перед гротом, в котором неподвижно сидел человек. Перед ним лишь мерцала длинная свеча.

- Это убийца Хирама, и ты должен отомстить. Убей этого человека, и голову его принести в храм.

¹ Прим. автора: Гекам – «месть», Гекар – «он получил удар» (иврит).

Сопровождающий передал Алексею кинжал и отступил в сторону.

Глебов повертел оружие в руках. Что же делать? Он не собирается совершать убийство. Можно попытаться сейчас, пока они в помещении одни, совершить побег. Но выход-то один - через зал храма, в комнаты, где полно масонов, ожидающих окончания посвящения. Это верная гибель. Алексей не сводил взгляда с неподвижной фигуры человека в гроте... Минуточку! «Неподвижной»?!

Алексей сделал шаг вперед, затем еще... Конечно же, перед ним искусно сделанный манекен!

Алексей ударил его кинжалом, снял голову и вынес ее в общий зал. На свету он увидел, что на его балахоне и рукавах остались красные пятна наподобие крови.

- Ты с честью исполнил свой долг, - сказал Председатель, когда Алексей приблизился к нему. У Глебова забрали «голову» и отступили в сторону.

Председатель взял с подноса пару белых перчаток и протянул Алексею:

- Руки твои остались незапятнанными, потому что совесть тебя не может упрекнуть, – ты исполнил свой долг!

Алексей принял дар. Совет образовал круг.

- Брат, теперь тебе покажут знаки, прикосновения и прочие отличительные признаки твоего нового звания, - сообщил Привратник, - но прежде я помогу тебе ответить на вопросы Совета избранных. Пойдем.

Он повел Алексея по кругу. И так, теперь он вблизи мог разглядеть их амулеты. Однако нужно быть осторожным и внимательным...

- Что заставило вас искать посвящения в новое звание?
– спросил один из Двенадцати с амулетом в виде открытой книги.

Привратник шепнул Алексею ответ.

- Желание изучить искусство наказывать изменников, мстя за смерть Хирама, - повторил Алексей.

Они подошли к следующему – с амулетом в виде двух перьев и чернильницы.

- Как вы прошли на место мести? – спросил он Алексея.

- Темной дорогой, неизвестными путями, под покровом мрака ночи, - вновь повторил за своим подсказчиком Глебов.

- Кто вас провел? – спросил третий с амулетом в виде двух ключей.

- Неизвестный.

- Что это значит? – Четвертый имел амулет в форме ко-сы и песочных часов.

- То, что наказание клятвопреступника или ложного брата должно исполняться тайно, так чтобы исполнители мести не знали друг друга.

- Что вы сделали с телом убитого? – задал вопрос пятый с амулетом в виде свертка и печати.

- Я отрезал ему голову, чтобы доказать Соломону, что я исполнил акт мести.

- Какой смысл этой легенды? – шестой имел амулет в форме руки с кошельком.

- Что измена не должна остаться безнаказанной месть – это акт добродетели, раз она является приказанием свыше. Совесть масона остается нетронутой. Один Великий Архитектор Вселенной нам судья...

- Символически Хирам изображает человечество, три его убийцы – тиранию, религиозный фанатизм и невежество, - заговорил масон с амулетом в форме рога изобилия.

- Смысл посвящения в Девятое звание, приучить посвящаемого к мысли, что он имеет право и даже обязан совершить убийство, когда масонство изберет его мстителем, - произнес следующий с амулетом в форме двух линеек. - Месть – от добродетели. Убийство должно быть под прикрытием мрака, сообщник не должен быть известен, убийство должно застать изменника врасплох.

- Политическая миссия девятого звания, - заговорил очередной с амулетом в форме уровня, – изыскание способов избирать людей, на которых возлагать исполнение воли народа и управлять ими: иначе сказать – подчинить своему влиянию политиков, депутатов и прочих лиц во власти.

- В смысле религиозном статус девятого звания говорит, что все, что бесплодно, добровольно должно быть стерто с лица земли, - заговорил масон с амулетом в форме угольника. - Все это бесполезно для размножения и не должно существовать, а так как священники, монахи и монахини бесполезны в этом отношении для человечества, то они должны навсегда исчезнуть.

Сопровождающий Алексея масон с символом в форме булавы повернулся к Председателю:

- Высокочтимый, позволь объяснить новопосвященному знаки и жесты, соответствующие его новому положению?

- Сделай, брат.

Алексей повторил условные жесты и знаки вслед за сопровождающим.

Председатель ударил семь раз молотком по подложке и провозгласил:

- Братья, месть совершена. Совет избранных может разойтись. ...

... Алексей вышел в смежную комнату, где его стали поздравлять. Затем раздался сигнал и масоны стали проходить в храм для общего заседания.

* * *

Покуда все присутствующие устремились к входу в храм, Алексей потихоньку отступил в сторону. У него мало времени: скоро Совет заметит отсутствие амулетов и тогда...

Со стороны входа в храм раздался шум.

- Держите его, держите вора! – раздались громогласные возгласы.

Толпа растерянно загудела. Некоторые стали оборачиваться назад.

Совет пробирався к выходу из храма. Алексей был уже подле двери, однако дверь была заперта.

Ловушка. Толпа надвигалась. Он выхватил револьвер, скомандовал:

- Стоять!

Толпа оторопела. Никому не хотелось умирать.

В этот момент за дверью раздался шум, она распахнулась, и в помещение ворвался Малышев.

- Братья, среди нас чужак! – прокричал он на ходу. Глебов рванул его к себе, наставил дуло револьвера:

- Стоять, иначе получишь пулю в лоб!

Малышев поднял руки. Толпа растерянно смотрела на них. Что бандит, что его заложник имели почти одинаковые голоса.

Алексей, прикрываясь Малышевым, отступил к выходу, захлопнул дверь и повернул ключ.

Малышев перехватил у него револьвер, и они бросились бегом по коридору к выходу из Ложи. Дверь за спиной уже пытались выломать, благо сделана она была добротно.

На выходе их ждали. Помощники Малышева вырубили привратников. Как только Малышев и Глебов выскочили за порог, они закрыли двери и заперли засов.

- Ждите у кареты, - скомандовал Малышев, затем махнул Глебову рукой, - пошли.

Они прошли в дом. Бал был в разгаре. Гости в маскарадных нарядах заполнили бальный зал, разгуливали по коридору. Появление мужчин в плащах не вызвало у них никакого подозрения – сегодня таких в маскарадных одеждах было много.

Алексей и Малышев поднялись в библиотеку, открыв тайный проход, бегом промчались по нему. Оказавшись в тайной комнате, Алексей скинул капюшон и маску, выложил на стол украденные амулеты. Стал подбирать к амулету Председателя подходящий. Наконец соединил его с одним из амулетов – получился ключ. Вставил в отверстие тайника, надавил сверху. Раздался щелчок. Алексей повернул его налево, вновь щелчок, затем направо. Тайник открылся.

Малышев выхватил книгу с записями из тайника, открыл, быстро пролистал.

- Уходим! – поторопил его Алексей. Малышев захлопнул книгу, в мгновение навел дуло револьвера на Алексея:

- Нет!

- Нет? – Кровь в жилах похолодела от намерений Малышева.

- В мои планы не входит отпускать тебя, Глебов. Прости.

Малышев нажал на курок...

Раздался щелчок. Осечка! Алексей сбил его с ног. Завязалась драка. Глебов оглушил его мощным ударом, Малышев неловко развернулся и, рухнув, ударился головой о стол.

Он лежал неподвижно. Прерывисто дыша, Алексей поднял револьвер и книгу. Стер с рассеченной губы кровь.

Отступил в сторону. Открыл книгу. Полистал.

Списки Венерабля содержали информацию о масонских ложах: указывались их названия, год основания, местопребывания и состав. В списках были члены царствовавшей фамилии, придворные чины, высшие государственные чины, почетные должностные лица, военные и гражданские чины, дипломатические чиновники, служащие по учебной, судебной, полицейской части, помещики, дворяне, предводители дворянства, священнослужители, профессора, ученые, врачи, писатели и лица других профессий и занятий.

Алексей захлопнул книгу. Да, опасная информация. Если хочется жить, то лучше ее не знать. Он кинул книгу на пол – она с глухим звуком бухнулась рядом с лежащим без сознания Малышевым, затем надел маску и капюшон и бросился по коридору прочь.

* * *

Покинув дом, Алексей осмотрелся по сторонам. Скорее всего, карета Малышева находится за садом у калитки, что они обнаружили при прошлом визите. Глебов быстро зашагал в сторону сада. Прибавил шаг, двигаясь в темноте по скользкой запорошенной снежком каменной дорожке, что вела к калитке.

Позади раздался лай собак, шум. Алексей обернулся: две собаки мчались вслед за ним. Алексей бросился бежать. Одна из собак, нагнав его, сделала рывок вперед. Глебов резко присел, и практически перехватив собаку на лету, перебросил через себя. Собака взвизгнула, раскатилась на скользкой каменной тропинке. Алексей выхватил револьвер, нацелился во вторую быстро приближающуюся псину. Однако, револьвер и на этот раз дал осечку. Еще рывок, и собака вцепится ему в горло...

Алексей приготовился к бою, но тут раздался глухой выстрел, затем второй. Обе собаки рухнули на землю.

Алексей обернулся. Возле калитки стоял помощник Малышева, в руках которого был револьвер с глушителем.

- Скорее!

Глебов вскочил на ноги, на ходу стряхнул снег, быстро забрался в услужливо открытую для него карету.

- К мальчишке! – скомандовал на ходу он голосом Малышева. Помощник Малышева забрался следом. Дверца хлопнулась, и карета помчалась по дороге.

* * *

Председатель и еще несколько масонов быстро двигались по тайному коридору к комнате с тайником. Дверь была заперта.

- Ломайте! – скомандовал Председатель. Его помощники принялись исполнять. Прошло больше четверти часа, прежде чем дверь была открыта.

Масоны ворвались в помещение. На полу без сознания лежал Малышев, рядом с ним – книга. Председатель быстро поднял книгу, осмотрел, затем взглянул на Малышева.

- Что с ним?

- Он ранен, - сообщил один из масонов, - Истекает кровью.

Председатель подошел ближе.

На правом плече Малышева расплывалось пятно крови от огнестрельного ранения.

Малышева попытались привести в чувство, приподняли. Он застонал, открыл глаза.

- Где... Где они? – выговорил Малышев с трудом.

- Вор сбежал, - сказал Председатель, с прищуром наблюдая за ним.

Малышев вновь застонал:

- Я пытался задержать его, но он был не один...

- Что им было надо? Как он смог занять твое место в Ложе?

Малышев прикрыл глаза, поморщился от боли. Лицо его было бледным.

- Он истекает кровью, Высокочтимый. Нужен доктор, - смиренно напомнил один из масонов.

- Он умрет, если не расскажет, - заявил Председатель. -
Говори!

Малышев открыл глаза. Они лихорадочно блестели.

- Когда... когда я ожидал ритуала посвящения в Предварительной комнате, на меня напали... Позже один из братьев меня обнаружил и освободил... Он подтвердит... Я хотел предупредить вас, однако самозванец оказался ловок, взял меня в заложники. У входа его сообщник обезоружил Привратников...

Малышев закрыл глаза.

- Как они оказались здесь?

Малышев не ответил.

- Как они оказались здесь? – Председатель тряхнул его за плечо.

Малышев дернулся от боли, пришел в себя.

- Они думали, что в тайнике хранятся сокровища нашего Ложя... Когда они поняли, что ошиблись, то переругались... Я попытался захватить оружие..., чтобы задержать их... Они меня подстрелили...

Малышев вновь закрыл глаза.

Председатель молчал.

- Высокочитимый, – еще раз попытался напомнить о докторе один из масонов.

Председатель не сдвинулся с места, не произнес ни слова. В помещении наступила гнетущая тишина.

Стоящий позади всех неприметный человек в темном одеянии выступил вперед. Жестом он приказал всем выйти.

Остановившись рядом с Председателем, он взглянул на лежащего на полу Малышева.

- Ты ведь знаешь – он нам нужен, - едва слышно произнес он.

- Я ему не верю. Мы найдем другого, - ответил непреклонно Председатель.

- У нас нет времени искать другого. Он имеет влияние на Витте, на Рачковского, на эсеров, и на многих других. Мне ли тебе объяснять. В свете происходящих событий он нам нужен, как никто другой... Наша книга здесь, она цела. Никого не заинтересовала. Мы должны рискнуть.

- Хорошо, - нехотя согласился Председатель, - как знаешь, но ты ставишь нас под угрозу...

- Не забывайся! – предостерег его таинственный незнакомец.

Председатель судорожно вздохнул, но благоразумно сбавил тон:

- Как пожелаешь, Великий.

- Он будет находиться под моим надзором. И если окажется, что он лгал, он заплатит как предатель.

Таинственный незнакомец развернулся и вышел. В комнатку вернулись несколько масонов.

- Отвезите его к доктору, - отдал распоряжение Председатель, и вышел следом за «незнакомцем».

* * *

Помощник Малышева расположился напротив Алексея. Поначалу в темноте он не уловил различий, однако вскоре понял свою ошибку.

- Сиди спокойно, - предупредил его Глебов, - иначе я пристрелю тебя.

Помощник Малышева предусмотрительно вернулся на прежнее место.

- И где же господин Малышев? Вы убили его?

Алексей промолчал.

- Вы понимаете, что вам не уйти от наказания? Вы убили полицейского.

- И вы разделите его участь, если попытаетесь помешать мне. Отдайте мне мальчика, и я обещаю, я сохраню вам жизнь.

Карета подскочила на колдобине, хорошенько потряхнув пассажиров. Агент кинулся к Алексею, однако тот оказался проворней – увернулся в сторону и ударил его рукояткой револьвера в висок. Помощник Малышева обмяк, потеряв сознание.

Алексей прислушался. Возничий не обратил внимания на шум и продолжал управлять каретой.

Глебов усадил помощника Малышева на прежнее место, обыскал. Забрав оружие, прикрыл шляпой его голову. Затем вернулся на свое прежнее место.

Через несколько кварталов карета остановилась напротив небольшого дома.

Глебов стукнул в стену возничему. Тот приоткрыл оконце.

- Приведите мальчишку, - отдал приказ Алексей голосом Малышева. – Поторопитесь.

Возничий соскользнул с козлов на землю, зашагал в сторону дома.

Алексей наблюдал за всеми его действиями. Дверь дома открылась. На пороге возник мужчина, возничий передал ему приказ, тот молча выслушал, закрыл дверь. Возничий остался ждать возле входа.

Алексей кинул взгляд на помощника Малышева. Тот все еще был без сознания. Алексей проверил барабан револьвера, который у него изъял, щелкнул затвором.

Дверь дома вновь открылась, и мужчина вывел Пашку на порог. Возничий взял мальчика за плечо и повел в сторону кареты.

- Павел! Паша! – раздался девичий оклик из дома, и на крыльцо выскочила хрупкая белокурая девчонка. Дочь Малышева - Елена. Алексей был удивлен.

Мальчик остановился, девочка подскочила к нему, что-то произнесла, передала ему игрушку. Он смутился, она быстро чмокнула его в щеку и скрылась в доме.

Возничий повел Пашку к карете. Алексей приготовился... Неожиданно мальчишка поставил возничему подножку, тот запнувшись, чуть было не рухнул на землю. Мальчик вернулся из его рук и бросился бежать.

- Стой! Стой, паршивец! – заорал возничий и бросился за ним. Глебов выскочил из кареты и кинулся за ними.

- Пашка, стой! – прокричал он. Возничий обернулся, Алексей сбил его с ног, сгреб остановившегося мальчишку в охапку и потащил к карете.

- Нет! Арлекин! – закричал Пашка, выронивший куклу-марионетку:

Алексеем пришлось вернуться, поднять игрушку. Он предусмотрительно навел дуло револьвера на возничего.

- Лежать! Лицом вниз! – скомандовал он. Благо возникший оказался трусоват и не стал лезть на рожон – выполнил все указания. Нужно было торопиться.

Глебов мигом домчался до кареты. Посадил мальчишку на козлы, забрался сам. Раздался выстрел – это на порог дома выскочил мужчина. Маленькая девочка с диким воплем повисла на его руке - не дала прицелиться и выстрелить еще раз.

- Держись! – скомандовал Глебов Пашке, и подстегнул лошадей вожжами. Карета дернулась и помчалась по улице.

Через пару кварталов Алексей и Пашка оставили карету в одном из проулков и скрылись дворами...

* * *

Комната, куда временно поселился Алексей с Пашкой, была маленькой, так что особо не развернуться, однако довольно теплой за счет печи, занимавшей полностью одну из стен.

Пашка расположился на кровати и играл с Арлекином, дергая его за ниточки, Алексей же сидел на стуле подле стола и осматривал два револьвера, которые у него оказались после злоключений вчерашнего дня.

Первый револьвер, что достался ему от Малышева, был явно неисправен – он не выстрелил ни в первый раз, не во второй. С револьвером помощника Малышева все было в полном порядке.

Алексей еще раз повертел револьвер Малышева в руках, стал разбирать, чтобы выявить неполадку. Задумчиво хмурясь, он не сразу расслышал ребенка, обратившегося к нему.

- Дядя, помоги мне, - попросил Пашка, приблизившись к Алексею. Глебов оторвался от оружия и взглянул на мальчишку. Пашка держал марионетку в руках. Одна из ниток оторвалась от одной из перекладин, с помощью которых кукла управлялась.

- Нужно зацепить, - стал объяснять мальчишка Алексею, который повертел марионетку в руках.

Глебов прикрепил нить на место и передал куклу мальчику.

Пашка расправил нити и ловко стал управлять куклой. Она шагала, поднимала руки, качала головой, подтанцовывала, раздавала поклоны.

Алексей некоторое время задумчиво наблюдал за манипуляциями мальчишки.

- Славная игрушка.

- Это Арлекин.

- Да. Арлекин. Тебе его подарила та девочка?

Мальчик смутился:

- Да... Элен.

- Ясно.

Пашка занялся игрушкой, а Алексей вновь поглядел на неисправное оружие.

- *Facta sunt potentiora verbis*¹, - задумчиво пробормотал он.

* * *

¹ Поступки сильнее слов (лат.)

Бледный и обессиленный от потери крови после ранения, Малышев полулежал на диване с пышными подушками в изголовье, заботливо укутанный пледом. Домашние холили и лелеяли его, ни на минуту не оставляя в покое: его поили лекарствами, кормили из ложечки и это продолжалось бесконечно. В какой-то момент он просто заснул, и его жене и дочке не оставалось ничего иного, как заботливо подоткнуть вокруг него плед, приглушить свет и на цыпочках покинуть комнату.

Как только дверь за ними закрылась, Малышев открыл глаза, не делая резких движений, скинул с себя плед и осторожно встал. Рана давала о себе знать. Он осторожно поднялся и прошел в смежный с комнатой кабинет.

Расположившись за столом, он достал письменные принадлежности. Затем стал медленно писать:

«О членах масонско-оккультных кружков Санкт-Петербурга в Департамент полиции. Товарищ начальника Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге Малышев Д. А.

30 ноября 1905 г.

По особому отделу

Совершенно секретно

По негласно собранным сведениям о лицах, упоминаемых в справке, приложенной к записке за №107017, в качестве членов масонско-оккультических кружков в С.-Петербурге, докладываю следующее:

1) Жерар Энкос (Анкос), известный под псевдонимом Папюс, как усматривается из записки Особого отдела за N 111851 и приложенного к ней совершенно секретного документа, является председателем Верховного Совета масонского ордена мартинистов, находящегося в Париже, и по делам ордена бывает в России наездами. Под именем названного общества, скрывается масонская организация, руководимая из-за границы упоминаемым в списках Венерабля неким Д. Соображения о принадлежности Русского Антропософического общества и его с.-петербургского отделения к всемирному масонству подтверждается. О составе учредителей и членов совета общества сведения собираются через Отделение по охране общественной безопасности и порядка, но о характере названного общества сему отделению не сообщено до распоряжения Департамента полиции.

2) Лица с инициалами «Д», «П.Н.», «М.Н.» и «Н.Н.» – не выяснены.

3) Относительно вышестоящих чинов Департамента, имеющих тайное сношение с масонством, отмечаю необходимость информировать вас секретно при встрече».

Малышев устало откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза, стараясь отдохнуть, чтобы продолжить работу. Однако в какой-то миг он напрягся, задержал дыхание, затем выдохнул. Открыл глаза и уставился в темный угол комнаты.

- Как долго ты здесь? – спросил он.

- Достаточно давно, - последовал ответ из сумрака. В углу раздалось едва уловимое движение, и Глебов направился к столу.

- Предполагалось, что ты уже далеко, - заметил Малышев. – Зря ты вернулся.

- Захотелось прояснить некоторые моменты.

- Нечего прояснять.

- Не скажи. – Алексей сел в кресло напротив.

Малышев сжал губы. Лицо его было серым: последствия ранения и напряжения последних дней.

- Нужно было тебя застрелить, - сказал он.

Глебов холодно улыбнулся:

- Ведь так и предполагалось, не так ли? – Он хмыкнул. - Однако ты оказался сентиментален. Поначалу моего подопечного привез к своей жене и дочери. Не иначе как стал бы его опекуном после моей преждевременной кончины? Затем не смог выполнить приказ и устранить меня. Даже предпочел себя подстрелить. – Глебов вновь усмехнулся. - Благородно, ничего не скажешь.

Малышев сощурил глаза:

- Не поздно исполнить приказ.

- Валяй. – Глебов положил револьвер на край стола и подтолкнул к агенту. Тот самый револьвер, принадлежавший Малышеву. Малышев взглянул на оружие, затем на Алексея.

- Тебе так важно последнее слово оставить за собой, Глебов? Почему просто нельзя было уехать?

- И бегать всю жизнь?

- Мир большой – не грех его посмотреть.

- Как не крути, Россия – мой дом, – Алексей с сарказмом усмехнулся, - а ты хочешь, чтобы я уехал.

Раздраженный Малышев, выпрямился в кресле, и, поморщился от боли. Затем резким тоном спросил:

- От меня-то тебе что надо?

Глебов молчал. Малышев нервно закурил.

- Хочешь знать, почему я так поступил? – сказал он. – Так вот. Ты защитил мою супругу и дочь, когда в дом проникли бандиты. Невольно я стал твоим должником. Однако ты – вор и мошенник. Ты заслуживаешь наказание за свои преступления. Наказание, но не смерти. Я оставил за тобой выбор: если ты остаешься, то оказываешься в тюрьме или тебя кончают где-нибудь в темном проулке. Или же ты уезжаешь и больше никогда здесь не появляешься, но остаешься свободным и живым. Выбирай.

В ответ Глебов рассмеялся – тихо, затем громче.

- Ты думаешь, я отступлю? – спросил он с насмешкой, пряча улыбку в кулак. - Малышев, неужели ты думаешь, что роль пешки по мне? Неужели ты думал, что я не захочу переиграть партию?

- Глебов, мой тебе совет, уезжай. Поезжай в Москву, заberi супругу, пока не поздно. И уезжай.

От упоминания о Лизе лицо Алексея на мгновение напряглось, но это не ускользнуло от внимательного агента Департамента, и он продолжил:

- В Москве вооруженное восстание. Туда направили Семеновский полк под командованием полковника Мина. Восстание подавят, революционеров не пожалеют. Хочешь, чтобы твоя супруга в очередной раз потеряла твоего ребенка или погибла?

Алексей сжал пальцы в кулак, но сдержался.

- Лиза взрослая девочка, без меня справится, - сказал он холодно.

Малышев усмехнулся:

- Ты меня хочешь обмануть?! А знаешь, пока мы работали с тобой, мне не раз приходилось делать так, чтобы вы не были вместе. Это бы помешало делу. Ты должен был оставаться несвязанным обязательствами и привязанностями. Изъятие почты, давление на ваших поверенных, инсценировка встреч, которые вводили между вами разлад. Как думаешь, большое удовольствие было ехать за тобой в Москву и везти тебя обратно в Петербург? Я вез тебя, потому что ты был нужен мне здесь.

Алексей, опустив глаза, молчал. Малышев же ожидал его реакции на свое признание. Наконец Глебов взглянул на него. Глаза его недобро блеснули, однако болезненно-бледное лицо Малышева охладило его гневный порыв.

Глебов хмыкнул, выпрямился, расправил плечи.

- Как говорится, «*Amicus certus in re incerta cernitur*»¹, - с расстановкой сказал он.

- Что ты этим хочешь сказать?

Глебов не успел ответить. Дверь комнаты приоткрылась и на пороге возникла тоненькая фигурка девочки.

- *Рара?*

Малышева метнул встревоженный взгляд на дочь, резко остановил ее:

- Элен!..

- Oh, bonjour, mademoiselle!² – поприветствовал ее Глебов с доброжелательной улыбкой.

Лицо девочки просияло при виде Алексея.

¹ Верный друг познается в беде (лат.)

² О, здравствуйте, мадемуазель! (фр.)

- Bonjour, monsieur!¹ – Она сделала реверанс и торопливо приблизилась к нему. – Как вы поживаете? Как поживает ваш крестник? – она кинула взгляд на отца. – Я рассказала *ра-ра*, как эти грязные громилы, которых он с нами оставил, чуть не убили его! Он в добром здравии?

Глебов нахмурился – девочка напомнила об еще одной вине Малышева, однако нашел в себе силы ответить ребенку с доброй улыбкой:

- О, да, мадемуазель, он чувствует себя прекрасно. Однако скучает по вам.

Девочка зарделась.

- Иди к себе, дорогая, нам с господином нужно поговорить, - настойчиво прервал их разговор Малышев. – Иди.

Девочка послушно вышла и закрыла за собой дверь.

Алексей с холодной ухмылкой посмотрел на Малышева:

- Опасаешься меня?

Малышев сжал челюсти, так что заходили желваки.

- Мы по разные стороны, Глебов, - ответил он.

Алексей кивнул.

- По разные. И всегда будем, - согласился он. Затем встал. – Прощай...

* * *

Декабрь 1905 г. Москва

¹ Здравствуйте, месье! (фр.)

Занесенная сугробами Москва, с ее ставшими в последние дни безлюдными улицами, казалась вымершей. Вся жизнь города была парализована: стояли фабрики и заводы – рабочие объявили всеобщую забастовку и готовились к вооруженному восстанию, магазины были закрыты, по ночам не работало уличное освещение. На центральных площадях горели костры, у которых грелись солдаты, ожидая приказа, по улицам в темноте медленно проезжали дозорные кавалеристы. Городовые на перекрестках останавливали прохожих. По всему городу проверяли документы, проводили обыск, аресты.

К городу подтягивались войска. Вскоре на Страстной, Скобелевской и Триумфальной площадях, около Кремля и в районе вокзалов стали выстраиваться батареи.

Рабочие дружины совершали вылазки, нападая на городских и патрули – необходимо было добыть оружие, которого было недостаточно для начала восстания...

Вечером седьмого в Москве начались многолюдные митинги. Под одобрительные возгласы толпы звучали речи ораторов, призывающих к немедленному вооруженному выступлению. Полиция и войска применяли силу: окружив театр и сад «Аквариум», где проходил многолюдный митинг, в течение нескольких часов проводили обыски, аресты. На следующий день артиллерия обстреляла Фидлеровское училище...

Вечером 9 декабря появились первые баррикады: на площади Старых Триумфальных ворот, у «Аквариума», на Большой Садовой улице. В ночь на десятое рабочие Пресни забаррикадировали Большую Никитинскую улицу, дружинники фабрики Шмита построили баррикады на Садовой-Кудринской улице, со стороны полицейского участка на Нижне-Прудовой улице протянули проволочное ограждение.

При переходе всеобщей политической стачки в восстание на Пресне был создан штаб боевых дружин района. Главной опорой в работе штаба были рабочие фабрики Мамонтовых, фабрики Шмита, «Прохоровки», Брестских железнодорожных мастерских, Миусского трамвайного парка, типографии Кушнарева, ученики ремесленной школы Прохорова и городской школы Копейкина-Серебрякова. Штаб выработал план действий на Пресне: район был разделен на участки, были распределены дружины для их защиты, возведения баррикад, организованы вылазки.

Участок дружины фабрики Шмита находился в районе Горбатого моста. Так как дружина была вооружена и подготовлена лучше других, на нее были возложены самые ответственные задания.

...В один из таких тревожных дней Лиза вызвалась сопровождать Шмита к фабрике, ставшей местом укрытия дружины. От дома Плевако, где они с несколькими рабочими забрали провизию, двинулись одним из ближайших переулков к Кудринской площади.

Везде были полицейские и солдатские патрули, встречи с которыми нужно было избежать, поэтому пришлось спуститься по переулку вниз, перейти дол и, дождавшись, когда мимо проедет патруль, осторожно пройти с переулка к фабрике. Оказавшись у правой стороны ограды, Шмит вынул ключ и открыл небольшую малозаметную калитку. Пропустив всех вперед, он запер калитку, и их процессия по тропинке прошла к фабрике. Возле фабрики их встретили рабочие-дозорные, помогли внести мешки с провизией внутрь помещений.

На фабрике было непривычно тихо: не работали станки, не раздавались речи рабочих, не разносился запах свежеспленной стружки, морилки и лака. В цехах было довольно холодно: из носа и рта шел пар. Лиза поежилась и прошла следом за Шмитом в дальние помещения, где было намного теплее: там дружинники отдыхали, ели, спали.

...В помещении штаба дружины состоялось очередное собрание. Николаев и Колокольчиков сообщили о боевых действиях за последние сутки. Обсудили план дальнейших действий.

- Наступает пора уличных боев, - произнес Николаев, - Нужно сделать так, чтобы на фабрике ни одна пуля нас не достала.

Шмит помолчал некоторое время, затем произнес:

- Можно использовать склады лесных материалов и нераспечатанные ящики со станками для укрепления забора вдоль фабрики...

Лиза оставила их и направилась взглянуть на обустроенный в одном из цехов лазарет. После первых столкновений с полицией и войсками были раненые и пострадавшие, которым нужна была медицинская помощь. Лиза ничуть не сомневалась, что доктор Штерн справляется со своими обязанностями. Однако она огорчилась, застав его больным, еле волочащим ноги. У доктора была высокая температуры, его кидало то в жар, то трясло от холода, руки дрожали, но он продолжал оказывать помощь и уход своим «пациентам».

- Вам немедленно нужно лечь, - бескомпромиссно заявила Лиза.

На его лице возникла на мгновение подобие улыбки.

- Из вас вышел бы неплохой доктор, - произнес он. — Однако я...

- Из меня вышел бы прекрасный доктор. Хотя из ваших уст даже такой эпитет означает наивысшую оценку, - Лиза порылась в аптечках. — Какие и когда вы принимали лекарства?

Доктор нехотя назвал. Лиза кивнула, надломила ампулу, набрала жидкость в шприц.

- Я вколю вам жаропонижающее.

Доктор взглянул на ампулу, прежде чем подставил оголенный бок.

- Усиленное питание, покой, отдых и лежание, - сказала Лиза, однако доктор попытался подняться.

- Мои пациенты...

- Я останусь и присмотрю за ними. Доктор, если вы сляжете с воспалением легких, от вас вообще не будет толка. Вам нужно день другой отлежаться, принимать лекарства, а я позабочусь и о вас и о раненых.

Дыхание доктора было тяжелым. Он коснулся рукой лба. Голова раскалывалась, тело потряхивало от озноба.

- Хорошо, несколько дней, - согласился доктор...

Через час Шмит обнаружил Лизу в лазарете – она занималась осмотром и перевязкой раненых.

- Лиза, нам пора уходить, – напомнил он. – Где доктор Штерн?

- Доктор болен, - сообщила она. - Я останусь здесь на несколько дней.

- Вы с ума сошли! – воскликнул Николай. – В вашем положении...

- Я знаю, что делаю...

- Однако не осознаете всех последствий!

- Николай Павлович, перестаньте кричать на меня, - предостерегла его Лиза. – Как только доктору Штерну станет лучше, я вернусь. Надеюсь, вы не будете против, если в вашей квартире в доме Плевако мы устроим лазарет. Когда начнутся бои, очень многим понадобится помощь.

- Да, конечно... Все равно я не согласен с вашим решением остаться здесь, - ответил он. – Возможно, вам лучше сразу же начать подготовку лазарета в моей квартире, не откладывая на потом...

- Сейчас моя помощь нужна здесь. Дружина уже совершала несколько вылазок и нападений на полицейские участки. Есть тяжелораненые, которым нужен постоянный присмотр. Сегодня дружина готовится к вылазке снова. Боюсь, без жертв не обойдется.

Шмит взял ее за руку, сжал ее пальцы.

- Лиза, будьте осторожны, - произнес он с мольбой. – Я никогда себе не прощу, если с вами что-нибудь случится...

* * *

В ближайшие дни пресненские дружинники не раз совершали нападения на полицейские участки, вступали в уличные бои с солдатами и казаками. Были раненые, и помощь Лизы Глебовой оказалась как раз кстати.

- Полицейский участок на Кудринской никак не взять, - сетовал Алешин¹, пока Лиза делала ему перевязку. Рана была небольшая: пуля скользом прошла по плечу.

- Так вас там ранило? – спросила Лиза, кивнув в сторону раны.

- Нет. Сегодня часть наших была направлена защищать баррикаду на Новинском бульваре, остальные двинулись на Арбатскую баррикаду. В Проточном переулке мы и столкнулись с солдатами. Завязалась перестрелка. Отряд мы разбили, но и сами понесли потери... Когда на Арбатской баррикаде заняли позиции - появились казаки, стали стрелять...

- А, Васильич, ты здесь, - в перевязочную заглянул Лукьянов, - Здравствуйте, Елизавета Николаевна. Как закончите, дуйте в столовую. Там народу валом, оглянуться не успеете, как голодными оставят...

¹ Кузьма Васильевич Алешин – участник вооруженного восстания на Пресне в декабре 1905 г. Родился в 1885 г. в деревне Андреевское Искановской волости Тарусского уезда Калужской губернии.

Вскоре выяснилось, что стало вовсе опасно выходить во двор фабрики: полиция, установив пулемет на каланчу Пресненской части, держала под обстрелом район. Колокольчиков и Капралов - лучшие пресненские стрелки - на чердаке фабрики часами караулили городских, стрелявших из пулемета. Вскоре от Николая Шмита принесли бинокль «Цейс»¹, поставили прицел.

12 декабря, в три часа дня, Пресня впервые подверглась сильной артиллерийской бомбардировке. Пришло известие, что на Арбате войсковые части разбирают баррикады. Отряд дружинников отправился туда. Лиза с тревогой ожидала их возвращения, понимая, что и в очередной раз без жертв не обойдется... К вечеру она узнала о гибели нескольких рабочих, которых она знала. Среди них был и парторг Иван Васильевич Карасев...

Спустя некоторое время очевидцы боев рассказали, что происходило на улицах.

У начала Проточного переулка отправившиеся на Арбат дружинники заметили отряд солдат, движущийся со стороны Дорогомилова. Приготовились к бою. Николаев и Колокольчиков прошли вперед, зашли с тыла. Солдаты, обнаружив засаду, схватились за винтовки. Началась стрельба...

¹ Прим. автора: Бинокли, разработанные ученым Эрнстом Аббе и основателем фабрики оптических систем, инженером Карлом Цейсом, поступили в продажу в 1894 г. Они имели привлекательный дизайн и давали достаточно резкое изображение. В 1904 г. был изобретен первый призматический прицел модели «I» с двукратным увеличением.

С первых выстрелов Егоров¹ был ранен в ногу, но, упав на колено, продолжал стрелять. Были ранены Седов и Румянцев. Свалились двое солдат, некоторые дружинники, солдаты подняли руки вверх, еще двое солдат упало, и стрельба стихла. Товарищи оттащили раненых к первому попавшемуся дому под укрытие.

Колокольчиков с частью дружинников остался в Проточном переулке, чтобы оказать помощь раненым, развести их по приемным пунктам, а сдавшихся в плен солдат и захваченные винтовки отправить в штаб на фабрику к Нефедычу².

Большая часть дружинников двинулась дальше – отбивать арбатские баррикады. Выйдя со Смоленского рынка, заметили на Арбате солдат, разбирающих баррикады. Заняв позицию у раскрытых ворот и на другой стороне улицы, открыли огонь. Солдаты, укрывшись за баррикадами, принялись стрелять в ответ. Карасев, стрелявший стоя, был убит наповал – пуля попала в голову. «Долой самодержавие! Бей гадов!» С остервенением дружинники стали наступать. Когда добрались до баррикад, увидели только кровь на снегу – солдаты отступили...

Тело Карасева доставили на фабрику, решив похоронить с почестями. Рабочие сделали дубовый гроб, обили его красной материей и поставили в конторе. Хоронить предполагали в саду при фабрике, но похороны откладывались, так как на фабрику начали стекаться остатки некоторых боевых дружин, разбитых в других районах Москвы.

¹ Ипат Иванович Егоров - член ВКП(б) с 1903 г., участник баррикадных боев на Красной Пресне, был ранен, вследствие потерял ногу.

² Прим. автора: Лукьянов Н.Н.

Положение становилось очень серьезным: среди рабочих стали ходить слухи, что из ЦК партии пришло распоряжение восстание кончать...

На похороны попрощаться с Карасевым пришли Катя и Николай Шмит. Лиза встретила их у входа в контору. Подруги обнялись. Шмит снял шапку, безмолвно кивнул, поприветствовав тем самым Лизу. Она в ответ кивнула и провела их внутрь. В перевязочной горели керосиновые лампы, освещая помещение, посреди которого на обернутом красной материей станке стоял гроб с телом...

...Прощаться с товарищем, несмотря на осадное положение, пришло много дружинников. Многие пришли прямо после боя и держали оружие в руках. Первым выступил Михаил Степанович Николаев. Его пальто, крепко затянутое ремнем с висевшей на нем кобурой револьвера, было в нескольких местах порвано и в пятнах крови. Выше голенища сапога сквозь рванные брюки виднелась белая каемка бинта. Как бы очнувшись, он поднял голову и начал говорить:

- Дорогие товарищи! Сегодня мы переживаем тяжелое горе – нет среди нас нашего дорого друга, боевого товарища и руководителя партийной организации, члена Московского большевистского комитета Вани Карасева!.. Здесь, в нашей крепости, среди баррикад, и окруженные врагами, мы клянемся тебе, друг, отомстить за тебя! Мы будем еще ожесточеннее драться за наше великое дело свободы, за которое ты отдал свою благородную жизнь!

...После выступили товарищи с Прохоровской мануфактуры, сахарного завода, фабрики Мамонтовых, Брестской железной дороги. Последним вышел Николай Шмит. Он молча приблизился к заколоченному гробу, положил руку на крышку, постоял, затем наклонился, поцеловал.

Лиза не сразу заметила тревожный взгляд Николаева, к которому подошел один из дружинников. Они о чем-то быстро переговорили, затем Николаев обратился ко всем, кто находился в цехе:

- Товарищи! Боевая тревога! Войска наступают к Пресненскому мосту и со стороны Девятинского переулка. Все по своим местам!

Цех быстро опустел. У гроба остались лишь Николаев, Николай Шмит, доктор, Лиза и Катя.

- Николай Павлович, вас выведут отсюда проходными дворами к Москве-реке. Там пока тихо. Да хранит вас бог! – сказал второпях Николаев, собираясь уйти, однако Шмит держал его, ухватив за плечо.

- Мы здесь клялись у гроба Ивана Васильевича, а теперь вы хотите сделать меня трусом и предателем? – заговорил он, едва сдерживая возмущение. - Разве при разгроме полицейского участка, когда мы захватили трофейное оружие, я не был дисциплинированным дружинником? Провожатый поведет лишь женщин, - он кивнул в сторону сестры и Лизы, поддерживающей за плечи убитую горем вдову Карасева, - Их помощь понадобится в доме Плевако. Мы обустроили там медицинский пункт.

- Да, Елизавета Николаевна, вам следует пойти, - встал для убедительности доктор, - Я в полном порядке, благодаря вашей заботе.

- Ваша помощь будет там очень кстати. Считайте это приказом, - подчеркнуто строго сказал Николаев.

Лиза промолчала, хотя ей не нравилось, что они решили за нее. Однако не время было спорить, и она медленно кивнула.

Николаев передал оружие Шмиту, тот обнял сестру на прощание, поцеловал, остановился подле Лизы. Она все же ободряюще улыбнулась ему, понимая, что возможно и не увидеть его боле. Шмит на мгновение сжал ее локоть, затем зашагал следом за Николаевым.

* * *

Во дворе дома Плевако стоял шум. Жильцы, задрав головы кверху, роптали, проявляя негодование. На крыше рабочие по просьбе Лизы устанавливали флаг Красного креста, сама же она стояла внизу и игнорировала недовольство некоторых жильцов во главе с хозяином дома.

- Что же это делается! — кричал он. — Я не давал вам право! Вы ставите под угрозу весь мой дом, моих жильцов! Когда придут солдаты...

Лиза обернулась к нему:

- Это всего лишь флаг Красного Креста, а не Красное знамя. Наш человеческий долг оказывать помощь.

- Помощь? Оказывайте помощь, однако не привлекайте внимание к дому!

Лиза отвернулась от него и вновь посмотрела вверх. Рабочие, установив белое полотнище с красным крестом, уже спускались вниз.

- Это немыслимо! – воскликнул хозяин дома, однако вдруг оставил Лизу в покое и шагнул в сторону.

- А, наконец-то! Николай Павлович!

Лиза обернулась и увидела Николая Шмита, вошедшего во двор. Она облегченно вздохнула: уже прошло два дня с того момента, как они расстались на фабрике и о нем не было новостей. Его сестра не находила себе места.

Тем временем Плевако, тыкая пальцем вверх, пытался разъяснить Николаю ситуацию.

- Ради бога, уберите этот флаг!

Шмит устало взглянул вверх, туда, куда указывал хозяин дома, затем посмотрел на Лизу, и, вновь посмотрев на Плевако, пожал плечами.

- Вы погубите себя и меня!

- Можете всю вину возложить на меня, - ответил Шмит.

- Эх! – Плевако в сердцах махнул рукой и зашагал прочь.

Николай подошел к Лизе.

- Как продвигаются дела? – спросил он, разглядывая ее уставшее серьезное лицо.

- Много раненых. Благо в доме живет хирург – Чупров Иван Михайлович. Он так много делает для нас.

Шмит кивнул, полез в карман, вынул свернутый помятый лист бумаги.

- Вот, Михаил Степанович¹, передал, - он протянул Лизе листовку.

Она развернула и пробежалась по тексту глазами. Российская социал-демократическая рабочая партия призывала рабочих отомстить за пролитую кровь рабочих и показать силу пролетарских масс и ужаснуть правительство и капиталистов. «Долой самодержавие! Да здравствует стачка! Да здравствует вооруженное восстание измученного народа!» - такими словами заканчивалось воззвание московского комитета РСДРП.

Лиза свернула лист бумаги и посмотрела на Шмита. Он был печален и хмур.

- Лиза, мне так хочется оградить вас и сестру от опасности. Однако пока вы находитесь здесь, вы подвергаетесь серьезной угрозе. Через день-два в Москву прибудет подкрепление для подавления восстания и тогда...

- И тогда мы подумаем, что делать дальше, - ответила Лиза.

* * *

К моменту прибытия Семеновского полка из Петербурга вооруженное восстание в Москве, за исключением Пресни, в основном было подавлено. Попытки семеновцев взять Пресню с ходу оказались безуспешными.

¹ Прим. автора: М. С. Николаев, начальник боевой дружины фабрики Шмита на Пресне.

Начались ожесточенные бои. Драгуны подтягивали к Пресне артиллерию. Раздались первые артиллерийские выстрелы и на улицах запылали пожары. Черный дым закрывал небо, снег таял, расплавленный огнем и, растекаясь по улицам, превращался в грязный скользкий лед. Из домов выбегали обезумевшие старики, женщины, дети, попадая под перекрестный обстрел.

Вечером шестнадцатого в квартире Шмита появился Литвин-Седой¹.

- Московский комитет партии принял решение прекратить восстание, - сообщил он. – Вот, возьмите, - он протянул Лизе листовку, - нужно срочно размножить воззвание. В каждой дружине должны знать решение штаба.

Лиза прочла текст: «...Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу. Вся она покрыта баррикадами и минирована фугасами. Это единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс... Пресня – крепость... Мы начали – мы кончаем. ...Будущее – за рабочим классом...»

Лиза передала листок Кате.

- Хорошо, мы сделаем, - ответила Катя. - Когда нужно?

- Сейчас.

- Сейчас? – Она с сомнением посмотрела на Лизу.

¹ Зиновий Яковлевич Литвин-Седой (Звулон Янкелевич Литвин) (псевдонимы - Седой, Виллонен, Иголкин, Быстров) (1879, Коломна – 1947, Москва) – российский революционер, участник вооруженного восстания на Пресне, начальник штаба пресненских боевых дружин. Автор воспоминаний о декабрьском вооруженном восстании 1905 г.

- Я и Вера¹ - мы поможем тебе, - ответила она.

Женщины немедленно взялись за дело – заработал гектограф².

Седой очень спешил, и женщины успели распечатать лишь экземпляров сорок.

Перевязав бечевкой листовки, он направился к выходу, однако, обернулся и, взглянув на гектограф, сказал:

- А вот эту штуку надо немедленно унести отсюда!

Гектограф сунули в мешок. Вера накинула полушубок и шаль, однако, Лиза остановила ее.

- Подожди, одной на улице не безопасно. Я пойду с тобой. – Она быстро оделась.

- Лиза, ты куда? – окликнула ее у выхода Катя. – На улице небезопасно...

- Я скоро, - коротко ответила она и последовала за Верой.

Женщины вышли на улицу. Временно наступило затишье: не раздавались выстрелы, не гремели артиллерийские залпы, не раздавались топот копыт и крики.

Лиза и Вера быстро зашагали по улице, однако без происшествий не обошлось - на переулке их игриво окликнул офицер:

- Эй, девушки, постойте... Куда бежите?

¹ Прим. автора: Вера Чернявская. Оказывала медицинскую помощь дружинникам в лазарете, устроенный в доме Плевако.

² Гектограф - тип копировального аппарата. Применялся для быстрого тиражирования материалов невысокого качества.

Пройдя квартал, женщины разошлись в разные стороны – Вера свернула к деревянному дому, а Лиза как могла, быстро пошла вдоль улицы.

Найдя нужный дом с вывеской на первом этаже «Поверенный», она постучала. Очень долго дверь не открывали, однако, наконец, когда она уже потеряла надежду, что кто-то есть в доме, за дверью раздались шаги. На двери приоткрылось оконце, показалось сморщенное лицо прислуги, она признала Лизу, и открыла.

Поверенный был весьма удивлен, увидев госпожу Глебову на пороге своего кабинета.

- Госпожа Глебова, вы? Каким образом? На улице небезопасно, вы...

- Прошу прощения, что перебиваю вас, однако у меня очень мало времени.

- Прошу, проходите, - поверенный пропустил ее в кабинет, - присаживайтесь.

Лиза опустила на стул.

- Я должна знать, господин Юрский, есть ли какие-нибудь известия от моего супруга?

- Сожалею, но нет.

Лиза опустила голову.

- О, прошу вас, не расстраивайтесь. Все обязательно наладится, - попытался приободрить ее поверенный. – Просто в данных обстоятельствах из-за того, что творится в городе, я ничего не могу предпринять.

Лиза посмотрела на него. Взгляд ее был уставший, безразличный, и этот взгляд еще более встревожил поверенного.

- Ничего страшного, господин Юрский. У меня будет к вам всего лишь одна просьба, - она вынула из кармана конверт, - не знаю, как все сложится. Это письмо моему мужу... Передайте ему... Обязательно. Как бы не сложилось...

Поверенный открыл рот, но не найдя ни одного подходящего слова, закрыл.

Лиза положила письмо на стол и поднялась. Затем пораздумав, медленно сняла обручальное кольцо с пальца и положила на письмо.

- Передадите?

Поверенный растерянно посмотрел на нее:

- Конечно...

- Что же, мне пора... Прощайте.

* * *

Лиза возвращалась в дом Плевако, однако, в мыслях она была далеко, поэтому и не заметила, как добрела до одной из шмитовских баррикад.

- Елизавета Николаевна! – Кто-то ухватил ее за рукав пальто и оттащил к стене дома. – Опасно!

Молодой парнишка - рабочий фабрики - осуждающе, по-взрослому, смотрел на нее.

Лиза осмотрелась по сторонам. Рабочие находились на баррикаде и, пользуясь временным затишьем, укрепляли ее. Некоторые жители соседних домов - женщины и старики - помогали.

Неожиданно в проулке появились мальчишки и на бегу в разнобой загалдели:

- Казаки! Казаки едут!

Жильцы мигом скрылись в домах, дружинники по укрытиям.

Лиза и парнишка-рабочий пробрались на баррикаду.

В наступившей тишине все отчетливее раздавался ритмичный цокот копыт лошадей. Вдруг все стихло: казаки оставились за углом, спешились, построились, взяв винтовки на руку и стали строем приближаться к баррикаде. Казалось, прошла вечность. От этого прозвучавший первый выстрел резанул ухо, а за ним последовал гвалт выстрелов с обеих сторон. Лиза склонилась ниже и зажала уши руками. Пули бились о баррикаду, летели щепки от пробитой мебели и досок. Пара пуль просвистела совсем рядом. Кто-то рядом вскрикнул и упал. Лиза обернулась. Рабочий с непониманием взирал на рану в животе. Лиза пробралась к нему, потянула за ноги, чтобы убрать с места обстрела.

- Я помогу, - сказала она, расстёгивая его тулуп. Оттянув рубашку, взглянула на рану. Затем вынула из ридикюля перевязочный материал, наложила на рану. Запахнула тулуп. Огляделась по сторонам.

Стрельба стихла. На помощь к Лизе устремились двое рабочих.

- Нужны носилки, - сообщила она и кивнула в сторону шифоньерной двери, валявшейся поблизости.

- Осторожнее, - сказала она, когда рабочие стали перекладывать товарища на импровизированные носилки. – Нужно срочно к доктору. По возможности, накройте раненого чем-нибудь теплым.

- Сделаем, Елизавета Николаевна, - сказал один из рабочих. Они унесли раненого. Лиза огляделась и направилась к следующему раненому, который сидел на земле, прижавшись спиной к ящику.

- Как вы? – Лиза посмотрела в его посеревшее от боли лицо.

Дружинник взглянул на нее, криво усмехнулся:

- Могло бы быть и хуже.

- Разрешите? – Лиза указала на рану на плече.

- Да...

Лиза поверх одежды прощупала его руку. Обратила внимание на цвет крови. Затем быстро смастерила из бинта и палки жгут и наложила выше раны.

И тут раздался крик:

- Братья, тикайте! Пушки!

Дружинники бросились прочь, уводя и унося раненых. Лиза помогла подняться мужчине и как можно быстрее повела его прочь. И тут раздался первый залп. Ударивший близ баррикады снаряд взметнул в воздух обломки и осыпал ими улицу. Секундная задержка и опять залп. Лиза вздрогнула, когда волна мелких обломков настигла их. Один из дружинников подхватил раненого с другой стороны и помог Лизе довести его до проулка.

Переведя дух, Лиза обернулась. Еще раненый, настигнутый осколками, лежал на земле лицом вниз. Лиза повернула в его сторону – нужно помочь и тут очередной снаряд ударил совсем рядом...

Москва, Пресня. Декабрь 1905 года

Все стихло. То, что осталось от баррикады, местами пылало, черный дым клубился и поднимался вверх. Лиза подобралась к лежащему на земле мужчине. Убит. Струйка крови из пробитого виска стекала по его лицу.

Лиза огляделась по сторонам. Ни одного человека. Ни одной живой души. Она осталась совершенно одна среди обломков, пожара и дыма. Лиза поднялась. Наступившая тишина усугубляла чувство, что это конец. Все. Последние бастионы революции сегодня-завтра рухнут. Все обречены.

Ее взгляд упал на красное знамя, реющее наверху баррикады среди дыма, огня и наступающих сумерек. Лиза шагнула в его сторону. Так хотелось дотянуться до него, достать, спасти. Спасти символ революции, пролитой крови товарищей - борцов за свободу...

Лиза как могла, пробиралась наверх, осознавая, что времени осталось совсем мало. Вот сейчас казаки построятся в ряд и двинутся в сторону баррикады, чтобы добить тех, кто не скрылся...

Она поскользнулась и чуть не упала. Снова поднялась, посмотрела на знамя и сделала очередной шаг вперед. Осталось забраться наверх и тогда...

Человек появился словно неоткуда. Вынырнул по ту сторону баррикады из дыма и сгущающихся сумерек уходящего дня. Двигался он ловко и без промедлений. Преодолев высоту баррикады, на ходу подхватил знамя и стал быстро спускаться к Лизе. Лиза вздрогнула и замерла. На мгновение закрыла глаза, а когда открыла, то увидела перед собой Алексея.

Она покачнулась, однако он поддержал ее. Без слов взял за руку и повел прочь с баррикады, помогая спуститься.

Оказавшись в проулке, Алексей остановился, поставил древко знамени к стене, сунул руку в карман, порывлся. Затем вновь взял Лизу за руку и ловко надел кольцо на ее палец:

- Никогда не снимай его, - произнес он непреклонно.

- Не сниму.

Только теперь Глебов взглянул ей в глаза. Ее взгляд сказал ему все, что он хотел сейчас знать. Сердце замерло, а потом понеслось галопом. Алексей в одно мгновение приблизился к ней, его губы порывисто коснулись ее полуоткрытых губ.

Глаза Лизы засветились, она улыбнулась, однако опомнившись, повела мужа по проулку. Нужно было уйти как можно дальше от места боя. Оказавшись на безопасном расстоянии, Алексей вновь посмотрел в глаза жены, и хотел было что-то сказать, когда увидел мчащихся к ним двух рабочих.

- Елизавета Николаевна! Вы здесь! - выдохнул один из них, пытаясь отдышаться. — Нужна ваша помощь. Очень много раненых. Доктор не справляется.

- Да, да, конечно. - Лиза взглянула на Алексея. Он подбадривающе сжал ее пальцы.

- И еще. Николая Павловича арестовали.

- Арестовали? Когда?

- Около часу назад.

Лиза вновь посмотрела на Алексея. Он передал знамя одному из рабочих, кивком указал жене идти вперед и последовал за ней.

* * *

Дверь квартиры открыл Андриканис. Он впустил Лизу, взглянул на Глебова. Расстроенная Катя Шмит кинулась навстречу Лизе, однако, завидев Алексея, резко остановилась. Ее заплаканное лицо стало каменным и отчужденным.

- Николая арестовали, - сообщила она.

- Мне очень жаль. - Лиза протянула к ней руку, однако подруга смерила ее холодным взглядом.

- Всех больных перенесли в квартиру доктора Чупрова, - столь же холодно дополнила она.

- Ясно. - Лиза взглянула на мужа.

- Вам лучше уйти, - попросил Андриканис. - Она расстроена...

Лиза взглянула на подругу, но та отвернулась.

- Пойдем, - позвал Алексей.

Лиза молча вышла, Глебов последовал за ней.

...Раненых действительно оказалось очень много. Здесь были не только раненые дружинники, но и попавшие под обстрел местные жители. Были здесь старики, женщины, дети. Доктор занимался более сложными случаями, Лиза же оказывала первую помощь всем остальным, Алексей помогал переносить раненых...

День близился к концу: на улице затихли выстрелы. Раненых больше не приносили. Доктор Чупров отправил Лизу отдохнуть в одной из комнат, она не стала отказываться, так как действительно устала. Не увидев поблизости мужа, Лиза прошла в дальнюю комнату. Устало посмотрела в окно, гадая, где же он. У них не было времени даже перекинуться парой слов, не то, что поговорить. А сказать друг другу нужно было очень много.

Дверь скрипнула, Лиза обернулась и увидела на пороге комнаты Алексея с охапкой дров. Взгляды их встретились, согревая души. Глебов прошел к камину, положил дрова на пол. Затем взял со стула плед, подошел к Лизе, бережно укутал ее.

- Ты пришел, – прошептала она.

- Да, я пришел, - ответил он тихо.

Лиза нежно коснулась ладошкой его щеки.

- Лиз, - Алексей запечатлел долгий поцелуй на ее ладони, - моя Лиз...

- Как же ты нашел меня? – Она прильнула к нему. Его объятия согрели ее.

- Мы с тобой разминулись у поверенного всего на четверть часа... Боже! Я чуть с ума не сошел, когда понял, что ты оказалась под обстрелом! Зачем ты так рискуешь?!

Он отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. На его лице были и гнев, и страх, и мука одновременно.

- Алеша...

- Я умру без тебя, понимаешь?

Глаза Лизы наполнились слезами. Он стиснул ее в своих объятиях, затем испугавшись, что сделает ей больно, ослабил их, и покрыл быстрыми поцелуями ее лицо. – Прости меня. За все прости...

- Мне не за что тебя прощать...

Он припал к ее губам.

Когда отпустил, Лиза вздохнула и тихо рассмеялась:

- Хорошо. Я тебя прощаю.

Алексей посмотрел на насмешницу, остро осознавая, как же ему ее не хватало! И почему он думал, что сможет прожить без нее?! Это невозможно: она его половинка - лучшая половинка... Алексей вновь наклонился к ее губам и запечатлел на них долгий горячий нежный поцелуй.

- Я люблю тебя, Лиз. Буду любить тебя всегда, - прошептал он.

- Обещаешь?

- Обещаю.

- И я тебе обещаю.

Они крепко обнялись, радуясь, что снова вместе. И на этот раз навсегда.

Неожиданно Глебов почувствовал легкий толчок в тугом плотном животе жены. Он слегка отстранился от Лизы и изумленно уставился на нее. Она улыбнулась, взяла его ладонь и приложила к своему животу. Ребенок притих, но неожиданно вновь толкнулся.

Лицо Алексея изменилось: удивление, растерянность, восторг.

- Ножка?

- Скорее всего, да, ножка. — Лиза засмеялась.

Алексей бережно и нежно погладил ее живот, и ребенок успокоился.

- Малыш сердился, а сейчас меня простил, - смущенно улыбаясь, произнес он.

- На тебя нельзя долго сердиться. — Она погладила его по лицу. — Мне так много нужно тебе сказать...

- Мне тоже. Твое письмо... Оно...

Лиза смутилась:

- Где оно?

Алексей похлопал по карману, усмехнулся:

– Я поставлю его в рамочку.

- Зачем? Нет!

- Да. Пусть наши дети и все, кто будет приходить к нам, видят, как ты меня безумно любишь.

Лиза закрыла лицо руками. Алексей аккуратно отвел ее руки в сторону. Лицо Лизы было красным от смущения.

- Ты – тщеславен, - сказала она. Алексей погладил большими пальцами ее щеки, подбородок:

- Нет. Я просто горжусь такой женой.

- Как же мне тебя не хватало! – прошептала Лиза. - Не оставляй меня больше, никогда.

- Не оставлю, - ответил он.

Внезапный залп оглушил и заставил задрезжать стекла. Затем второй, третий... Алексей отодвинул штору, и они выглянули в окно. Залпы не прекращались.

- Что? – вцепившись в плечо Алексея, спросила Лиза.

Глебов прижал ее к себе.

- Пресню бомбят, - ответил он. – С трех сторон.

Лиза и сама уже это видела. В темноте разгорался пожар. Она вздрогнула.

- Фабрика горит, - вымолвила она. Лиза представила как горят склады дорогих сортов лесопильных материалов – пылающие штабеля красного дерева, карельской березы и дуба, горят ящики с новым, еще не распечатанным оборудованием... Загорались отдельные фабричные корпуса, орудийные снаряды разрывали их стены...

Фабрика пылала. Огонь разгорался с неимоверной силой, языки пламени высоко вздымались в темное небо. Алексей крепко прижал к себе дрожащую Лизу. Фабрика Шмита - последний бастион революции – пал, уничтоженный залпами орудий и пожаром...

- Обними меня покрепче, - попросила она, чувствуя, как к горлу подступает ком, а на глаза наворачиваются слезы.

- Не плачь, - прошептал он.

- Это конец, - вымолвила Лиза.

Глебов хмурился, вглядываясь в пламя. Языки пламени отражались в его глазах, но сам он был словно где-то далеко... Алексей глубоко вздохнул и отвел взгляд в сторону:

- Нет. Это только начало...

* * *

Эпилог

Февраль 1906 года

Вагон мерно постукивал колесами. Лиза сидела возле окна, задумчиво уставившись на заснеженный пейзаж, мелькавший за окном движущегося поезда. Алексей прикрыл глаза. В последнее время ему очень редко удавалось поспать – слишком много забот навалилось сразу, столько дел требовало немедленного разрешения. Однако одно оставалось важным и имело по-настоящему для него значение – Лиза, его Лиза – жена, возлюбленная, мать его будущего ребенка, частица его самого – его сердце, была с ним...

Алексей сам не заметил, как погрузился в сон под мерный стук колес. Ту-дук, ту-дук, ту-дук... Сознание уносилось прочь, в промозглый холод зимней ночи...

«...Холод пронизывал Азефа до костей, не спасала даже толстая меховая шуба, которая была на нем надета. Он шел по мостовой, а ноги местами скользили на припорошенном снегом льду. Азеф опасливо оглядывался, нутром ощущая опасность. Ничего не видно – слишком темно. Одиноко горящий фонарь над домом поскрипывал, раскачиваясь на ветру. Азеф быстро свернул в глухой переулок, и тут же услышал быстрые шаги кинувшихся за ним преследователей. Он бросился прочь, его схватили, рванули за воротник шубы. Азеф вскрикнул, стал падать назад и с ужасом ощутил удар в спину. Острие ножа прошло сквозь мех и кожу толстой тяжелой шубы, и боль пронзила тело. Азеф упал. Нападавшие скрылись. Шло время. Азеф вздрогнул, придя в себя, и открыл глаза...»

Алексей вздрогнул и открыл глаза. Пашка, резко свесив руку с верхней полки, забормотал и заворочался во сне. Лиза встала, бережно вернула руку ребенка на прежнее место, заботливо накрыла мальчика покрывалом.

Алексей улыбнулся, закрыл глаза, прислушиваясь к мерному стуку колес. «Ту-дук, ту-дук, ту-дук, ту-дук...»

«...В комнате двое. Гапон и Рутенберг. Они разговаривают. Гапон самодоволен и развязен, Рутенберг напряжен, хотя продолжает разговор. Он проходит к двери, открывает и в комнату один за другим входят люди. Обманутые и преданные Гапоном рабочие. Гапон медленно встает, страх искажает его лицо, рабочие приближаются к нему, хватают. «Мартын! Мартын!» - Гапон попытался вырваться, ища поддержки и спасения у Рутенберга. Но Рутенберг молча наблюдает, как рабочие волокут предателя мимо в соседнюю комнату. Казнить...

Гапону дают последнее слово. Он падает на колени, рыдает, просит пощадить. Но ему нет прощения. Ему накидывают петлю на шею, волокут в прихожую, закидывают веревку на крюк, вбитый в стену над вешалкой... Гапон сопротивляется, пытается вырваться, отчаянно кричит. Его зажимают, несколько пар рук натягивают веревку... Гапон пытается ослабить затянувшийся узел, хрипит, болтая в воздухе ногами. Лицо его багровеет, глаза закатываются, он ослабевает и затихает...»

...Алексей вздрогнул. Вагон тряхнуло. Поезд остановился на одной из станций. По перрону ходили солдаты. В коридоре прошли пассажиры, одна из дам рассмеялась, проходя мимо, и Алексей уловил едва ощутимый запах сирени. Духи... Аромат весны... Поезд тронулся, потихоньку набирая скорость...

«... Витте стоял перед окном и смотрел на сад. Весна брала свое. Деревья покачивались под порывами легкого апрельского ветерка. Однако Витте трудно было дышать. Он открыл настежь окно, и свежий воздух ворвался внутрь, заколыхав занавески.

Витте судорожно вдохнул, сжал пальцы в кулак, прошел к столу и принялся за письмо: «Ваше Императорское Величество. Я чувствую себя от всеобщей травли разбитым и настолько нервным, что я не буду в состоянии сохранять то хладнокровие, которое потребно в положении председателя совета министров... Я имею честь просить Ваше Императорское Величество, освободить меня от обязанностей председателя совета министров до открытия Государственной Думы...»

«...Малышев стоял в большом просторном кабинете перед человеком в мундире, сидящем за столом.

- Итак, господин Малышев, вы проделали большую работу, - произнес холодный голос. - Однако вы не устранили Глебова и тем самым сильно рисковали всем планом.

- Вы позволили мне по ходу дела вносить корректировки в наш план, - ответил Малышев, оставаясь в постройке «смирно». — Я счел полезным сохранить ему жизнь, так как дальнейшее развитие дела предполагает воспользоваться его услугами.

- Вы придаете большее значение данному человеку, чем представляли его для нас. Возможно, есть что-то, о чем вы не говорите?

- Нет. Я представил вам полную информацию о Глебо-
ве.

- Что же, победителей не судят. Однако за последствия вы несете полную ответственность.

- Да.

- Идите.

...Малышев шел по коридору Департамента, отвечая вежливым кивком на приветствия со стороны сослуживцев. Зайдя в свой кабинет, он аккуратно закрыл за собой дверь и прошел к столу.

В дверь постучали, затем она слегка приоткрылась. На пороге возник секретарь. Обсудив с ним пару неотложных вопросов, Малышев, спокойно дождавшись, когда секретарь закроет дверь, повернулся к сейфу. Набрав шифр, открыл дверцу и вынул несколько папок.

Некоторое время Малышев задумчиво смотрел на серые картонные папки с надписью «Особо секретно». В делах, относящихся к масонам, уже насчитывалось более тысячи листов машинописных и рукописных документов. Борьба полиции с масонством набирала ходу, однако парализовалась из-за «засоренности» масонами правительственных учреждений. Многие сведения, получаемые полицией агентурно, становились известны лидерам вольнокаменщиков, сводя на нет все труды. Нужно быть особенно осторожным...

Малышев медленно открыл одну из папок и вынул из нее несколько листов - отдельный доклад, где говорилось о Глебове и его роли во всем этом деле. Некоторое время Малышев стоял на месте, затем опустил листы в мусорную корзину и, чиркнув спичкой коробок, поджег. Бумага задымилась и, вспыхнув, разгорелась...»

* * *

- Алеша! – услышал Глебов сквозь туман голос Лизы. Он вздохнул, открыл глаза, затем вновь закрыл. Перед глазами все еще плясали огоньки догорающей бумаги и плавящихся под пламенем буковок на них.

Жена нежно погладила его по волосам.

Глебов поморгал, окончательно избавляясь от остатков сна, и посмотрел на Лизу. Лицо ее было бледным. Сегодня ей нездоровилось, и она куталась в шаль.

- Видения? – Она погладила его по щеке.

- Да. – Алексей вздохнул, губами прижался к ее ладони.

- Бурцев сел в поезд, - сообщила она.

Глебов еще раз прижался губами к ее ладони и, поднявшись, направился к двери. На выходе он обернулся:

- Как ты себя чувствуешь?

- Хорошо, - ответила она, пытаясь улыбнуться. – Просто знобит.

- Точно?

- Точно.

- Я скоро вернусь. – Он развернулся и вышел.

Пройдя несколько вагонов, Глебов остановился возле одной из дверей купе и постучал.

- Да? – раздался удивленный вопрос. Алексей открыл дверь.

Убедившись, что в вагоне те, кто ему нужен – случайные попутчики Бурцев и Лопухин – со словами «Вы позволите?» он вошел и закрыл дверь. Лопухин его сразу узнал.

- Не стоит, Алексей Александрович, - сказал он, заметив, что бывший директор Департамента полиции потянулся к оружию, - вы ведь знаете, я не убийца.

Алексей сел на один с ним диванчик и посмотрел на Бурцева¹. Тот был удивлен, озадачен и смотрел на непрошеного гостя.

- А вы – Владимир Львович Бурцев, публицист, редактор журнала, не так ли?

- Да. Что, собственно, происходит?!

¹ Владимир Львович Бурцев (1862, Форт-Александровский, Закаспийская область - 1942, Париж) — русский публицист и издатель, дворянин Уфимской губернии, заслуживший за свои разоблачения секретных сотрудников Департамента полиции - «provokatorov царской охранки» - прозвище «Шерлок Холмс русской революции».

- Господа, мой рассказ будет интересен вам обоим, - сказал он. – Прошу только не упоминать меня в случае, если вы изъявите желание обнародовать полученную информацию.

Бурцев взглянул на Лопухина, затем вновь на Глебова, кивнул, но видя, что этого мало, нетерпеливо произнес:

- Да, даю слово.

- Даю слово чести, - раздраженно сказал хмурый Лопухин.

Алексей усмехнулся уголками губ.

- Позвольте? – Он потянулся к портсигару на столе. Бурцев кивнул:

- Да, конечно.

Глебов закурил, затянулся папиросой, откинулся на спинку дивана.

- Итак... Все началось с того времени, когда господин Лопухин решил использовать меня в своих личных интересах...

Попутчики ни разу его не перебили. Глебов рассказал им невероятную историю об интригах Рачковского, о предательствах Азефа, коварных планах Витте, о заговоре масонов, о террористах Савинкове и Швейцере, о покушениях...Рассказ был долгим.

Когда Глебов закончил, в купе стояла полная тишина. Алексей встал.

- Позвольте, - окликнул его Бурцев, который был шокирован услышанным, – но доказательства?

- Доказательства? Думаю, господин Лопухин, как бывший директор Департамента, может дать вам какую-то часть доказательств. Не так ли?

Алексей повернулся к Лопухину. Тот отвел взгляд в сторону. Глебов иронично усмехнулся:

- Хотя... сведения, полученные от него, не стоят даже содержимого в вашем портсигаре. Что ж, господин Лопухин, я выполнил сполна работу, которую вы мне навязали. Вижу, вы шокированы не меньше, чем ваш попутчик, господин Бурцев.

- Если все это правда..., - Лопухин посмотрел на Глебова.

- Все это – правда.

Лопухин снял пенсне и нервно стал протирать стекла носовым платком.

- Господин Бурцев, - Алексей на прощание кивнул головой и вышел.

Когда Глебов вышел и закрыл дверь, Бурцев посмотрел на Лопухина.

- Вы знаете, кто это был? Можно ли ему верить?

Лопухин взглянул на своего попутчика.

- Мы можем верить или не верить, - ответил он нервно.

– Или поверить в то, во что захотим поверить...

- А доказательства?

- Доказательства? Я бы посоветовал вам, господин Бурцев, забыть большую часть того, что вы сейчас слышали.

- Но позвольте...

- Позвольте мне. Я удручен услышанным. – Лопухин откинулся на спинку дивана. – Мне нужно поразмыслить. – Он закрыл глаза.

Бурцев потянулся за портсигаром. Открыв крышку, он увидел ключ с небольшой свернутой трубочкой запиской, подкинутые, по всей видимости, странным незнакомцем. Взглянув на Лопухина, Бурцев неторопливо достал папиросу и, закурив, убрал портсигар в карман.

- А вот ключик и записку отдайте мне, - услышал он голос Лопухина. Бурцев взглянул на попутчика. Лопухин смотрел прямо на него и его взгляд не предвещал ничего хорошего. – Отдайте. Ну же.

Бурцев нехотя вынул портсигар из кармана и, положив на стол, подтолкнул в сторону Лопухина. Тот неторопливо взял его в руки, открыл, развернул записку, затем чиркнул спичку и сжег бумажку с указанием места, а ключ положил себе в карман.

- Забудьте обо всем. Когда придет время, я сам найду вас и представлю нужные доказательства, - сказал он. - И кстати, мы подъезжаем к станции. Вам пора выходить. Да и мне тоже.

* * *

Глебов наблюдал, как господа, покинув вагон, высадились на перроне. Бурцев удручено посмотрел на поезд. Взгляд Лопухина был хмурым. Он также взглянул на поезд, обратился к Бурцеву, и, дождавшись, когда поезд тронется, направился к зданию вокзала.

Алексей закурил папироску. Последнюю. Он пообещал, что бросит курить. Глубоко затянулся и выпустил ноздрями дым.

Итак, Лопухин захватил наживку. За последний месяц Алексей потратил немало сил и времени на сбор доказательств, которые хранились в почтовом отделении близ станции, на которой они сейчас останавливались. С Лопухина все началось, на нем и закончится. Лопухин давно жаждет реванша, поэтому не упустит возможности расправиться с противниками и вернуться в политику. Хотя... Глебов не был уверен, что Лопухину это удастся. Уж очень опасными были противники, и малочисленны были союзники у бывшего директора Департамента полиции. По крайней мере, стравив друг с другом своих недругов, Глебов мог быть уверен, что в борьбе они, если и не уничтожат, то ослабят друг друга. Ему лишь остается лечь на дно. Уехать как можно дальше. Пора кончать с играми, нужно посвятить себя близким: жене и детям. В конце концов, ничего нет дороже семьи, а у него она есть.

Алексей выкинул окурок в окно и вернулся в купе. Лиза полулежа расположилась на диванчике. Лицо ее было серым, на висках выступили капельки пота.

- Как? – спросила она.

- Все хорошо. – Алексей присел рядом с ней, дотронулся до вспотевшего лба жены. – Ты выглядишь неважно.

- Я знаю. – Лиза поморщилась от боли.

- Что? Схватки? Давно?

- Да-а, - Лиза застонала.

Алексей мгновенно выглянул в коридор, крикнул проводника, маячившего в конце вагона:

- Доктор? Доктор есть?

- Да откуда ж? – Проводник пожал плечами, через плечо Алексея заметил в купе полулежащую женщину.

- Алеша, - окликнула Лиза, и Глебов обернулся. С полки свесился Пашка и смотрел на них во все глаза удивленно и ошарашенно.

- Ну-ка, иди сюда, - как можно спокойнее сказал Алексей, подхватил мальчишку на руки и опустил на пол. Посмотрел на проводника:

- Присмотрите за ребенком, - он вмиг вынул купюру и вложил ее в руку проводника, - найдите доктора. И скорее.

Он взглянул на Пашку:

- Эй, друг, ты должен пойти с дядькой. Он покажет тебе, где работает и чем занимается.

- Тетя Лиза больна? – Мальчишка был напуган. Алексей тоже, но постарался этого не показать.

Он посмотрел на жену:

- Тетя Лиза решила сделать нам сюрприз. И, кажется, ей это удалось.

Проводник, смущенно улыбаясь, увел мальчика. Прикрыв дверь, Алексей подошел к жене, подложил подушки под ее голову и удобней уложил на диванчик.

- Я не дождусь доктора, - тяжело дыша, сказала Лиза, после приступа боли.

- Родная, скажи, что я должен сделать? – спросил как можно спокойней Алексей, поглаживая ее по щеке.

- Скажи, пусть принесут горячую воду, чистую простынь, полотенца, ножницы, йод, спирт или водку... - Лиза застонала.

Алексей сглотнул, сжал кулаки, затем стащил с жены обувь и чулки. Потом скинул пиджак и выглянул в коридор. По всей видимости, проводник поднял целый переполох: в коридор из своих купе выглядывали пассажиры.

- Если среди вас есть доктор или кто-то, кто принимал роды, прошу оказать помощь, - громко произнес Глебов. - Остальных я попрошу не мешать и вернуться в свои купе. Пожалуйста.

По тому, как быстро опустел коридор, стало ясно, что помощи ждать не следует.

Через минуту вернулся запыхавшийся проводник и сообщил, что докторов среди пассажиров поезда нет. Алексей провел рукой по лицу, глубоко вздохнул, затем сказал проводнику, что необходимо принести. Подумав, попросил и наштабры. Проводник кивнув, сразу исчез из виду.

Алексей вернулся к жене. Она вела себя стоически.

- Не переживай. Я присутствовала на родах... - Она вновь громко застонала.

Алексей молча ждал, но потому, как сжались его челюсти и выступили капельки пота на висках, можно было понять, что он чрезмерно напряжен.

- Что я должен делать? – спросил он, садясь рядом.

- Помоги раздеться.

- Это завсегда, пожалуйста, - попытался пошутить он, однако Лизе было не до шуток.

- Что дальше? – выполнив ее просьбу, спросил он.

- Схватки... они стали чаще. Потом начнутся потуги. Ты должен будешь помочь мне лечь на спину. Когда появится головка... Надеюсь, это будет головка... придержи головку ребенка. Если будет необходимо, уберешь с шейки пуповину. Освободишь ротик и носик от слизи... - Лиза вновь застонала.

В купе постучались. Глебов приоткрыл дверь и, увидев проводника, принесшего все необходимое, вышел в коридор и закрыл дверь.

Первым делом Алексей выудил бутылку нашатыря, вскрыл, сунул под нос проводнику, затем нюхнул сам, забрал поднос из его рук.

- Вода где?

- Сейчас будет. – Проводник исчез также быстро, как и появился.

Алексей вернулся в купе, поставил поднос на стол, развернул плед и закрепил его на верхней полке, сделав ширму для жены. Затем подстелил под Лизу простынь.

Явился проводник, принес воду.

- Когда станция? – спросил Алексей, оглядываясь на стонущую за ширмой жену.

- Не скоро. И вряд ли вы найдете там доктора - деревня захудалая. А никакая повитуха в поезд не сядет. И высадиться нигде.

- Понятно. – Алексей сжал от напряжения челюсти. И зачем он согласился, пойдя у Лизы на поводу? Она ведь уверяла, что роды начнутся через неделю! – Если вы поможете мне решить эти трудности, я очень щедро вас вознагражу.

Он закрыл дверь, поставил ведро с водой близ кровати. Добавил красные кристаллики марганца, размешал воду, намочил по просьбе Лизы полотенце и протянул ей.

Лиза крепилась, но ужасно боялась. Все же она попросила Алексея на некоторое время отвернуться, что он и сделал.

Алексей вскрыл бутылку водки, хлебнул, затем полил на руки и сел на соседнюю полку. Время тянулось неумолимо долго. Схватки стали чаще и продолжительней. Алексей несколько раз утирал пот с лица и груди жены. Ее взгляд порой становился злым, будто она винила его за боль и страдания, которые ей сейчас приходилось терпеть. Но Лиза ни разу не произнесла обвинений в его сторону, а Алексей старался больше не смотреть ей в глаза.

Когда начались потуги, он сел возле ног жены, приподнял подол нижней юбки. Как же он будет принимать роды?!

- Ну что там? – простонала Лиза.

Алексей неопределенно повел плечами, и все же волей неволей, заглянул под юбки. Его охватывал тихий ужас...

- Алексей!

- Не пойму... – сглотнув, сказал он. - Головка показалась! - Пальцы предательски задрожали, а голос дрогнул. - Что дальше?

Лиза не ответила, тужась, закричала...

Алексей на миг зажмурился, затем подхватил показавшуюся головку. Что-то пошло не так! Головка была покрыта пленкой, мешающей ребенку дышать. Руки Алексея затряслись. Он с замершим сердцем надорвал пузырь...

Когда маленькое склизкое раскрасневшееся тельце оказалось в его руках, сердце Алексея припустило вскачь.

- Сын!

С неимоверным напряжением сунув палец ребенку в ротик, он осторожно устранил слизь, затем перевернул ребенка, пальцами постучал по спинке. Малыш заорал. Алексей приподнял его, во все глаза смотря на его сморщенное маленькое личико, сердце его екнуло и вновь припустило вскачь. Он взглянул на заплаканное от облегчения измученное лицо жены и уже ничего не мог сказать...

* * *

Лиза проснулась. Поезд по-прежнему мчался по дороге, стуча колесами по рельсам. Пашка спал на верхней полке, свесив худую длинную руку вниз. Алексей же сидел на нижней, держа завернутого в свою чистую рубашку сына, и задумчиво смотрел в окно. Лиза улыбнулась. Ее семья!

Будто почувствовав, что жена за ним наблюдает, Алексей медленно повернул голову в ее сторону. Улыбнулся. Затем аккуратно, бережно держа ребенка, перебрался к ней.

- Спит? – Она коснулась ручонки малыша.

- Спит, – влюблено смотря на жену, ответил Алексей.

Лиза улыбнулась:

- А я боялась.

- Чего?

- Что после такого ты разлюбишь меня, - она смущенно опустила глаза.

- Дурочка, - Алексей притянул ее руку к себе, поцеловал в ладонь. - Это было... самое потрясающее приключение в моей жизни. Большого потрясения я в жизни не испытывал!

Лиза тихонько засмеялась, а Алексей продолжил с улыбкой:

- Но в следующий раз пригласим заранее доктора, хорошо? Второй раз подобного потрясения я не переживу.

Лиза вновь засмеялась, наклонила его голову к себе и поцеловала в губы.

Некоторое время они молча смотрели на спящего ребенка. Чудо их любви. Лиза перевела нежный взгляд на Алексея:

- А ты плакал.

- Когда?! – Глебов удивленно посмотрел на нее. Она влюблено смотрела в его глаза.

- Когда наш сын впервые закричал.

- Правда? – Алексей улыбнулся.

- Правда. И тогда я еще раз в тебя влюбилась.

- А я в тебя, - признался он. Затем нежно поцеловал жену в губы. – Родная моя...

- Мой муж...

- Да?

- Ты решил, где мы будем жить?

- Мы вместе это решим. – Глебов помолчал, нежно провел ладонью по ее волосам, заглянул в глаза. – Любовь моя, мой дом - там, где ты...

Литературно-художественное издание

Самойлова Инга Михайловна

На службе Отечеству, или Пешки в чужой игре

Том 2.

Подписано в печать **06.05.2019**.

Формат А5. Усл. печ. л. 25,41.

Тираж 100 экз. Заказ № 0001

Бумага 80 г/м2. Печать на дупликаторе.

Отпечатано ИП Худайбердиев А.Р.

Е-mail: samoilova-inga@mail.ru

<https://vk.com/club149030684>

УДК 89

ББК 84(2Рос)6

ISBN 978-5-9903047-3-4

ISBN 978-5-9903047-4-1

© Самойлова И.М., 2019

© Оформление. Самойлова И.М., 2019